КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ LXXIX.

1902 г.

НОЯБРЬ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I. Ф. С. МОРАЧЕВСКІЙ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. *В. Науменка.* . . . . . 171—186
II. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ДУХОВНОЙ ШКОЛѢ 70-ХЪ ГОДОВЪ. *Ю. Г.* . . . . . 187—222
III. СТЕПОВЫЙ СОКОЛЪ. *М. Чернявського.* . . . . . 223—234
VI. ВЪ ПОИСКАХЪ НОВОЙ КРАСОТЫ. (Замѣтки читателя). *С. Ефремова.* . . . . . 235—282
V. МНИМЫЙ БУНТЪ НА ВОЛЫНИ ВЪ 1789 ГОДУ. *Е. Кивлицкаго.* . . . . . 283—300
VI. ЗА ВЫСОКЫМЪ ТЫНОМЪ. *Л. Яновськои.* . . . . . 301—325
VII. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ ХАРЬКОВѢ. *Н. Б.* 326—334
VII. ѲАДДЕЙ РАЗСЛАВОВИЧЪ РЫЛЬСКІЙ. (Некрологъ) *О. Л.* . . . . . 335—349

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) По поводу малороссійскаго народнаго орнамента. *В. Василенка;* б) Новый документъ о Сагайдачномъ; в) запрещеніе бродяжничества монахамъ въ 1731 г. Сообщ. *С. Рѣлицкій;* г) Къ исторіи народнаго образованія въ южнорусскихъ губерніяхъ. Сообщ. *П. А. Шафрановъ;* д) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. *И. Фр. Павловскій;* е) Къ біографіи Ѳеодосія Углицкаго, архіепископа Черниговскаго. *Н. Петрова;* ж) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. *Мёрдеръ* . . . . . 76—93
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. . . . . 93—113
II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Составилъ В. Е. Бучневичъ *О. Л.;* б) Д. Иловайскій. Вторая дополнительная полемика по вопросу варяго-русскому и болгаро-гуннскому. *Н. М.;* в) А. Е. Крымскый: „Изъ повистокъ и эскизивъ". *А. Нестеровскаго;* г) Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана съ 1 окт. 1901 г. по 1 окт. 1902 г. *Н. М. Ш.;* д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 114—140

Дозволено цензурою. Кіевъ, 10 октября 1902 года.

Ф. С. Морачевскій и его литературная дѣятельность.

Habent sua fata libelli! Это извѣстное изреченіе имѣетъ ближайшее отношеніе ко многимъ писателямъ, не вошедшимъ въ кругъ именъ, получившихъ широкое распространеніе, и иногда не потому только, что сила таланта оказалась не на ихъ сторонѣ, а потому, что, кромѣ личнаго fatum'а существуетъ еще и fatum общественныхъ условій, сложившихся для даннаго времени не въ пользу торжества извѣстной идеи. Все это, съ особеннымъ правомъ, можетъ быть сказано о литературныхъ работахъ *Филиппа Семеновича Морачевскаго*, никогда не игравшаго видной роли въ нашемъ прошломъ, а теперь совершенно почти позабытаго. Казалось-бы, кому-кому, но Нѣжинскому историко-филологическому институту, преемнику лицея кн. Безбородко, въ которомъ Ф. С. Морачевскій былъ 10 лѣтъ инспекторомъ, не подобало ограничиться въ своемъ изданіи [1]) коротенькой біографической справкой о немъ, а позаботиться о болѣе серьезномъ освѣщеніи этой почтенной личности. Да еще и въ этой коротенькой біографіи о литературной дѣятельности Ф. С. Морачевскаго повторена изъ перваго изданія книги [2]) какая-то подозрительная фраза: «событія восточной войны 1853—56 годовъ вызвали Филиппа Се-

---

[1]) Гимназія высшихъ наукъ и Лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1881 г.

[2]) Лицей князя Безбородко. Спб. 1859 г.

меновича на *скользкое* литературное поприще», какъ будто и не существовало въ его литературной дѣятельности другого, совсѣмъ ужъ не скользкаго, а напротивъ—очень твердаго пути, что́ можно было узнать составителямъ книги, какъ увидимъ ниже, изъ вполнѣ оффиціальнаго источника.

Вотъ почему мы съ особеннымъ удовольствіемъ прочли въ 1899 году въ «Южномъ Краѣ» (№ 6333) статью, посвященную Ф. С. Морачевскому, въ которой сообщаются нѣкоторые новые факты изъ его литературныхъ работъ, а главное—личность его освѣщается въ болѣе симпатичныхъ чертахъ, чѣмъ въ упомянутыхъ изданіяхъ, хотя и здѣсь совершенно не затронута та сторона его литературной дѣятельности, которая заставитъ вписать его имя въ таблицу почетныхъ именъ малорусской литературы. Въ № 9-мъ текущаго года въ «Кіевск. Старинѣ» мы, перепечатывая изъ «Извѣст. Императ. Акад. Наукъ замѣтку В. И. Срезневскаго о малорусскомъ переводѣ четверо-евангелія Ф. С. Морачевскаго, обѣщали посвятить очерку его литературной дѣятельности особую статью, что и исполняемъ теперь, имѣя въ своемъ распоряженіи нѣкоторые очень цѣнные матеріалы, касающіеся личности и главнаго литературнаго труда его.

Филиппъ Семеновичъ Морачевскій принадлежалъ къ черниговскимъ дворянамъ, и можно думать, судя по аттестату о его службѣ, что родомъ онъ былъ изъ деревни Шестовицы, черниговск. уѣзда, т. к. въ 1859 году имѣлъ тамъ домъ съ садомъ и огородомъ, сѣнокосныя и лѣсныя угодья въ количествѣ 100 десятинъ, а также и пять ревизскихъ душъ,—что́, вѣроятно, и было его наслѣдственнымъ имуществомъ. Родился онъ 14 ноября 1806 года. Гдѣ и какъ прошли первые годы его дѣтства, мы не знаемъ, но университетскую науку онъ проходилъ въ харьковскомъ университетѣ, который и кончилъ въ 1828 году со степенью дѣйствительнаго студента, послѣ чего черезъ годъ, по выдержаніи установленнаго испытанія, былъ опредѣленъ на службу учителемъ математики въ Сумское уѣздное училище. Очевидно,

первоначально избранная имъ спеціальность почему-то пришлось не по немъ, т. к. въ 1832 году онъ подвергается экзамену въ испытательномъ комитетѣ харьковскаго университета по предмету русской словесности для полученія званія учителя гимназіи, и въ томъ-же году получаетъ должность учителя русскаго языка и географіи въ луцкой гимназіи, куда пригласилъ его на эту должность только-что назначенный директоромъ этой гимназіи его родственникъ И. Г. Кулжинскій. Затѣмъ начинается послѣдовательный ходъ его по службѣ, сначала въ должности младшаго учителя въ Луцкѣ, до 1835 года, потомъ—старшаго учителя русской словесности въ Каменецъ-Подольскѣ, до 1842 года, когда онъ былъ назначенъ инспекторомъ въ той-же гимназіи, и, наконецъ, въ 1849 году онъ переводится въ Нѣжинъ на должность инспектора лицея кн. Безбородка и нѣжинской гимназіи, въ каковой должности и находился до самой отставки въ 1859 году. Мы имѣемъ нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія о времени служенія Ф. С. Морачевскаго въ Каменецъ-Подольскѣ и въ Нѣжинѣ. Несмотря на то, что аттестатъ о службѣ его свидѣтельствуетъ объ успѣшномъ прохожденіи имъ занимаемыхъ должностей, такъ-какъ не разъ занесена была въ аттестатъ благодарность ему отъ попечителя Округа (кн. Давыдова), но, очевидно, были у него въ Каменецъ-Подольскѣ и завистники, желавшіе подкопаться подъ него. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (съ 1838 по 1842 г.) онъ исправлялъ должность инспектора гимназіи, что, вѣроятно, и было причиной зависти для другихъ, такъ-какъ въ маѣ мѣсяцѣ 1840 года поступилъ къ генералъ-губернатору Бибикову доносъ на нѣкоторыхъ лицъ изъ состава служащихъ въ каменецъ-подольской гимназіи, и въ томъ числѣ на Ф. С. Морачевскаго. 28 мая 1840 г. Бибиковъ писалъ попечителю Округа, князю С. И. Давыдову: «изъ послѣдне полученныхъ мною свѣдѣній о состояніи Каменецъ-Подольской гимназіи не излишнимъ считаю сообщить Вашему С—ству нѣкоторыя, могущія быть необходимыми для Вашихъ соображеній: гимназисты уходятъ изъ квартиръ безъ билетовъ, кому куда вздумается; субординаціи у нихъ нѣтъ (а исправлялъ-то должность инспектора въ это время Ф. С. Морачевскій); 2) въ день

именинъ ученика Скордели, помѣщика Бессарабской области, 23 апрѣля, въ день праздника св. Георгія, и слѣдующаго 24 числа, директоръ гамназіи Вощининъ и учители Морачевскій и Чайковскій были въ отлучкѣ и уроки не преподавались». Для разслѣдованія кн. Давыдовъ посылалъ въ Каменецъ-Подольскъ инспектора казенныхъ училищъ М. В. Юзефовича и, получивъ отъ него отчетъ, писалъ Бибикову 20 авг. того-же года: «Директоръ Вощининъ дѣйствительно отлучался 23 апрѣля, въ день св. Георгія, съ учителями Морачевскимъ и Чайковскимъ къ помѣщику Бессарабской области Скордели, откуда возвратились на другой день, 24 числа, чрезъ что, однако-жъ, не произошло никакихъ упущеній по службѣ, ибо въ тѣ дни, какъ видно изъ расписанія, означенные учители уроковъ не имѣли». Этотъ инцидентъ, кажется, не имѣвшій никакихъ послѣдствій для Морачевскаго, сообщаемъ по рукописнымъ матеріаламъ. Что-же касается пребыванія его на службѣ въ Нѣжинѣ, въ роли инспектора лицея кн. Безбородка и нѣжинской гимназіи, то нѣкоторыя свѣдѣнія передадимъ со словъ одного изъ бывшихъ его учениковъ, г-на К—скаго. «Передъ Ф. С. Морачевскимъ—сообщаетъ намъ г. К—скій—инспекторомъ у насъ былъ Іеропесъ; онъ памятенъ тѣмъ, что занимался спеціально поркой гимназистовъ. Между нами твердо держалось такое мнѣніе, что Іеропесъ не въ состояніи обѣдать, если не выпоретъ розгами двухъ-трехъ учениковъ. Послѣ Іеропеса Ф. С. Морачевскій намъ очень понравился, хотя мы и острили надъ нимъ. Дѣйствительно, онъ былъ добрый и хорошій человѣкъ и обходился съ нами по-человѣчески. Одно было въ немъ непріятно: какъ пойдетъ по квартирамъ и найдетъ у кого-либо изъ гимназистовъ или студентовъ стихи малорусскіе, особенно Шевченка, такъ и конфискуетъ. А между тѣмъ, бывая часто у Морачевскаго, я постоянно заставалъ его въ кабинетѣ за работой: онъ что-то писалъ и часто рылся въ Библіи славянской и латинской; это и были занятія его по переводу Св. писанія на малорусскій языкъ».

Гдѣ и какъ проходили годы его жизни послѣ отставки, мы не знаемъ, но вѣроятнѣе всего—въ Нѣжинѣ-же, гдѣ воспитывались тогда его два меньшіе сына; по крайней мѣрѣ нѣ-

которыя его письма начала 60-хъ годовъ,—имѣющіяся въ нашихъ рукахъ, благодаря внуку Филиппа Семеновича, доставившему намъ ихъ, равно какъ и нѣкоторые другіе матеріалы,—помѣчены городомъ Нѣжиномъ. Что-же касается 70-хъ годовъ, то онъ, уже глубокимъ старикомъ, счастливо доживалъ свои дни въ с. Шнаковкѣ (недалеко отъ Нѣжина). Объ этомъ его жизнерадостномъ настроеніи свидѣтельствуютъ три письма его къ старшему сыну Виталію, писанныя изъ Шнаковки въ 1876 и въ 1878 году, гдѣ между прочимъ встрѣчаемъ такія строчки: «Боже мой! вѣдь это чудная обстановка моего семейнаго счастья. Вспомни, Виталій, Каменецъ, вспомни Нѣжинъ, представь, наконецъ, и Шнаковку, столько привязавшую меня къ себѣ и такъ покоящую мою старость! О, не хочу еще умирать: лучшаго рая не будетъ для меня въ небѣ, и свѣтлѣе ангеловъ я не встрѣчу, какіе окружали и окружаютъ меня на землѣ!». Или въ другомъ письмѣ (28 февр. 1878 года): «Жизнь моя, конечно, подходитъ къ концу, и я благодарю за нее Бога: утро мое шло, кажется, мрачно, но я достигъ, чего достигнуть мнѣ было можно; полдень сіялъ надо мною свѣтлыми и теплыми лучами; вечеръ мой тихъ и безмятеженъ,—я окруженъ любовью и самъ полонъ любви». А въ письмѣ отъ 19-го ноября 1878 года онъ съ полнымъ увлеченіемъ юности разсказываетъ о днѣ именинъ своихъ и дочери: «Именины Настеньки и мои провели мы очень весело—я даже пѣлъ въ великолѣпномъ хорѣ и пристукивалъ ногою, а на Настенькины—чуть не танцовалъ. Не даромъ я писалъ Анечкѣ (внучкѣ):

Ваши звѣздочки кругомъ (моихъ внуковъ)
Ярко такъ сіяютъ,
И мою своимъ огнемъ
Грѣютъ, озаряютъ.
О, свѣтите-жъ ей яснѣй,
Грѣйте, озаряйте
И лучемъ отраднымъ ей
Силы придавайте!
И вашъ дѣдушка какъ-разъ,

Залюбуясь вами,
Стукнетъ ножкою подъ часъ
И тряхнетъ кудрями,
Хоть сѣдыми—ничего!
Тѣмъ больше почета!
И забудетъ про его
Семь-де-сятъ-два года».

Мы нарочно остановились на этихъ выпискахъ изъ писемъ періода старости Ф. С. Морачевскаго, такъ-какъ намъ кажется, что ими объясняется многое и во всей его предшествовавшей жизни, и въ общественной и литературной дѣятельности. Къ разсмотрѣнію этой дѣятельности мы теперь и обратимся.

Годы юности, проведенные въ Харьковѣ въ концѣ 20-хъ годовъ, несомнѣнно оказали громадное вліяніе на выработку у Ф. С. Морачевскаго какъ вкуса, такъ и пріемовъ поэтическаго творчества. Мы не имѣемъ совершенно точныхъ указаній на то, когда онъ началъ свои упражненія въ стихотворствѣ, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что первые опыты его поэтическихъ настроеній начались еще со студенческой скамьи. Помогло этому и то общее настроеніе, которое господствовало въ тѣ годы въ Харьковѣ, въ этихъ *украинскихъ Аѳинахъ*, какъ тогда именовали этотъ городъ современники за ту просвѣтительную роль, какая выпала на его долю въ началѣ нынѣшняго столѣтія: тутъ былъ рядъ лицъ, подвизавшихся со славою на литературномъ поприщѣ (Квитка, Гулакъ-Артемовскій, Срезневскій); тутъ были и такія изданія, какъ «Украинскій Вѣстникъ», «Украинскій Журналъ», а затѣмъ—рядъ альманаховъ. Вся эта, такъ сказать, литературная атмосфера тогдашняго Харькова пробудила въ юношѣ Морачевскомъ страсть къ стихотворству, широко разлившуюся въ то время среди молодежи, о чемъ можно судить, пересматривая тог-

дашніе журналы и рукописныя тетрадки. Вѣроятно, послѣднимъ толчкомъ для того, чтобы выступить со своими стихотвореніями въ печати, послужило для Морачевскаго появленіе въ 1829 г. въ Харьковѣ, въ роли учителя гимназіи и преподавателя словесности въ университетѣ, упомянутаго уже раньше родственника его И. Г. Кулжинскаго, заявившаго себя еще съ 1825 года нѣкоторыми стихотвореніями и разсказами въ «Дамскомъ Журналѣ», въ «Украинскомъ Журналѣ» и др. Въ упомянутой выше статьѣ въ «Южномъ Краѣ» приведено одно письмо Морачевскаго къ Кулжинскому (1831 года), изъ котораго ясно видно, что черезъ послѣдняго были переданы И. И.Срезневскому стихотворные опыты молодого поэта, напечатанные въ «Украинскомъ Альманахѣ» 1831 г., изданномъ И. И. Срезневскимъ. Эти стихотворенія—«Первое мая», «Монастырь» и «Дорога»,—написанныя на русскомъ языкѣ, не представляютъ ничего оригинальнаго ни по содержанію, ни по формѣ: излюбленный въ тотъ періодъ русской литературы нѣжно-меланхолическій тонъ, вызываемый не общественными вопросами жизни, а исключительно возникающій на почвѣ сердечныхъ порывовъ,—вотъ и все, что читатель въ нихъ находитъ. Для образца приведемъ маленькое стихотвореніе «Дорога».

Въ чистомъ полѣ вѣтеръ дуетъ.
Сердце бѣдное тоскуетъ;
Съ каждымъ шагомъ лошадей,
Обреченъ одной печали,
Я все далѣ, далѣ, далѣ
Отъ Украинки моей.
Ахъ! явись хоть на мгновенье,
Милый Ангелъ предо мной!
Укрѣпи мое терпѣнье!
Думы сердца успокой!

Эти три стихотворенія, очевидно, понравились тогдашнимъ читателямъ; по крайней мѣрѣ въ указанномъ письмѣ къ Кулжинскому, писанномъ изъ Сумъ, гдѣ тогда учительствовалъ Морачевскій, онъ разсказываетъ, что его посѣщалъ кандидатъ Росков-

шенко, который просилъ его «украсить своимъ именемъ Харьковскій Альманахъ и на слѣдующій годъ». Результатомъ этого было, что Морачевскій одновременно съ этимъ письмомъ послалъ Кулжинскому нѣсколько своихъ новыхъ произведеній, предназначавшихся для второй книжки Альманаха, изданіе которой не состоялось, вслѣдствіе чего всѣ эти піесы такъ и остались ненапечатанными и увидѣли свѣтъ только въ минувшемъ году въ «Южномъ Краѣ». Стихотворенія эти слѣдующія: «Ночь», «Акростихъ (Катя милая будь моя)», «Мечты», «Стансы» и двѣ элегіи. О достоинствѣ этихъ стихотвореній самъ Морачевскій говоритъ въ своемъ письмѣ такъ: «Съ душевнымъ прискорбіемъ посылаю вамъ нѣсколько несвязныхъ, холодныхъ и совершенно не занимательныхъ стишонковъ, которые прошу показать г-ну Срезневскому. Если, по его мыслямъ, есть между ними способные для его Альманаха, то пусть напечатаетъ, если-же нѣтъ, то бросьте ихъ въ печку или куда вамъ угодно». Не были они брошены въ печку, но и въ печать не попали, не потому, что были забракованы, такъ-какъ, сравнительно, съ прежними, они безспорно являются шагомъ впередъ, хотя далеко не могутъ быть причислены къ произведеніямъ, дающимъ поэту имя. А такихъ стиховъ въ тѣ годы Морачевскій писалъ много, что̀ видно изъ слѣдующихъ строкъ его письма: «за эти стихи и подобные имъ, которыхъ у меня находится довольное количество, но все пустые, прекрасныя Сумянки назвали мемя *Сумскою звѣздою*,—отъ того, что въ каждомъ почти стихѣ по какой-нибудь причинѣ сіяетъ у меня звѣзда». Считая свои стихи пустой забавой, Морачевскій придавалъ больше значенія задуманной имъ комедіи въ стихахъ «Сумская причудница». Въ томъ-же письмѣ онъ пишетъ объ этой комедіи такъ: «Похвалиться-ли вамъ Иванъ Григорьевичъ? Вакаціи мои не совсѣмъ для меня пропали: я соорудилъ въ это время комедію въ трехъ небольшихъ дѣйствіяхъ «Сумская причудница», которую даже причудницы-сумянки читаютъ съ непритворнымъ удовольствіемъ—можетъ быть потому, что въ ней находятъ собственныя свои мысли и чувствованія. Посылаю вамъ одну сцену изъ 2-го дѣйствія: если для Альманаха не противны такого рода сочиненія, и если

моя *Причудница* можетъ обратить на себя какое-нибудь вниманіе, то я просилъ-бы Срезневскаго напечатать сей отрывокъ, за что сердечно былъ-бы ему благодаренъ». Отрывокъ этотъ, тоже теперь напечатанный въ «Южн. Краѣ», представляетъ въ комическомъ освѣщеніи семью, состоящую изъ маменьки и двухъ дочекъ, изъ которыхъ старшая — чувствительная мечтательница, впрочемъ очень озабоченная мыслью о выходѣ замужъ, а меньшая—рѣзвая, веселая и не безъ остроумныхъ замѣчаній по адресу своей сестры. Сама-же маменька вся поглощена заботой о томъ, какъ-бы старшую дочку выдать замужъ, что̀ очень живо передано у Морачевскаго въ сценѣ гаданія ея на картахъ, а также въ совѣтѣ ея дочери, какъ держать себя передъ молодымъ человѣкомъ, который долженъ сейчасъ появиться къ нимъ въ комнату. Вотъ эта послѣдняя сцена:

Умѣй придать глазамъ привѣтливую нѣжность,
Словамъ, движеніямъ—пріятную небрежность.
То сядь противъ него, умильно погляди,
Вступи съ нимъ въ разговоръ, по комнатѣ ходи;
То сладостно вздохнувъ, задумайся немножко;
То нѣжно улыбнись, выглядывай въ окошко;
То выйди, то войди и сядь на стулѣ вновь....
Не сразу отвѣчай на страстную любовь!
Скажи: я не могу.... безъ маменьки не знаю-съ....
А я.... я за себя, душа моя, ручаюсь,
Во что-бъ ни стало мнѣ—не уроню себя!
Скажу: пріятно мнѣ, но этакъ вѣдь нельзя!
На это время есть.... подумаемъ.... повидимъ....
Узнаемъ больше васъ.... и вѣрно не обидимъ!

Гдѣ находится комедія эта въ полномъ видѣ, мы свѣдѣній никакихъ не имѣемъ; но, судя по напечатанному отрывку ея, она не можетъ представлять большого интереса, да и самъ авторъ, какъ мы видѣли, не придавалъ ей особенной цѣны. Вообще, въ этотъ первый періодъ своей литературной дѣятельности, Ф. С. Морачевскій, подражая направленію, господствовавшему въ рус-

ской литературѣ, можно сказать, только упражнялся въ писательствѣ, не внося въ него никакого идейнаго содержанія.

Совершенно въ такомъ-же родѣ и другая его стихотворная піеса, о которой нигдѣ до сихъ поръ въ печати не упоминалось. Написана она въ 1834 году въ г. Луцкѣ и посвящена директору луцкой гимназіи И. Г. Кулжинскому, подъ начальствомъ котораго Ф. С. Морачевскій служилъ тогда учителемъ. Піеса эта, подъ заглавіемъ «Чудаки, нѣсколько комическихъ сценъ», написана, какъ значится въ посвященіи, «на новый 1834-й годъ», въ декабрѣ 1833 года, и начинается стихотвореніемъ:

«Вотъ Вамъ стихи на Новый годъ--
Декабрьской музы приношенье,
Мечты несвязной вдохновенье,
Плодъ піитическихъ хлопотъ!

—

Въ часы безсонницы жестокой
Я часто сердцемъ тосковалъ
И горе жизни одинокой
Мечтами музы услаждалъ

—

Она, приникнувъ къ изголовью,
Подобно дѣвѣ молодой,
Шептала съ тайною любовью
Мнѣ звуки нѣжные порой.

—

Я ихъ душою оживленной
Ловилъ задумчиво — и вотъ
Изъ нихъ рукою дерзновенной
Склеилъ стихи на Новый годъ.

—

Примите съ ласковымъ привѣтомъ,
Что Богъ послалъ на этотъ разъ;
Я не былъ никогда поэтомъ,
Но бредилъ риѳмами подъ часъ.

—

Эта послѣдняя строка вполнѣ примѣнима къ піесѣ «Чудаки»: въ ней нѣтъ рѣшительно ничего содержательнаго, но написана она бойкими риѳмованными стихами. Содержаніе піесы слѣдующее. Какой-то поэтъ Стихотворскій, живя въ одномъ домѣ съ семьею Болтницкихъ, очевидно, влюбленъ въ дочь послѣднихъ и пользуется ея взаимностью. Дѣйствіе начинается съ того, что Стихотворскій собирается къ Болтницкимъ на званый вечеръ, какъ вдругъ одинъ за другимъ приходятъ къ нему Звяковичъ и Хріеновскій, тоже гости Болтницкихъ, которые своей болтовней задерживаютъ Стихотворскаго, рвущагося поскорѣе увидѣть предметъ своихъ воздыханій, тѣмъ болѣе, что отъ барышни уже приходилъ за нимъ посланецъ, горничная Лиза, очень напоминающая Лизу въ комедіи Грибоѣдова. Длинная болтовня этихъ посѣтителей довела до того, что появляется самъ Болтницкій приглашать отсутствующихъ гостей поскорѣе усѣсться за вистъ или бостонъ; но и самъ онъ, будучи изъ болтливыхъ людей, довольно долго ведетъ безсодержательные разговоры.

Затѣмъ онъ уходитъ, а черезъ нѣсколько минутъ вслѣдъ за нимъ идутъ и остальные. Надо удивляться тому, что, при такомъ безсодержательномъ сюжетѣ, авторъ сумѣлъ придать своей піесѣ нѣкоторый интересъ: читается она легко, благодаря замѣчательно плавному и гладкому стиху, очень похожему на стихъ Грибоѣдова. Да и не только стихъ, но и одно изъ дѣйствующихъ лицъ (не говоря о Лизѣ), по нашему мнѣнію, воспроизведено по образцу Репетилова—это Звяковичъ: такая-же болтовня, быстро перелетающая отъ одного предмета къ другому. Вотъ образчикъ его рѣчей.

Мое почтеніе! Вы дома—самъ на самъ.
Куда-то, кажется, сейчасъ идти хотѣли.
Вотъ я, какъ говорятъ, безъ плана и безъ цѣли,
Не то, чтобъ невзначай, а такъ, случайно къ вамъ,
По волѣ собственной, благодаря ногамъ,
Имѣю честь съ моимъ присутствіемъ явиться,

Но прежде въ этомъ мнѣ позвольте объясниться.
Вы все въ занятіяхъ, какъ видно день и ночь—
И вѣрно васъ засталъ теперь я надъ стихами?
Не можно-ли прочесть? Мнѣ помнится, точь въ точь,
Съ тѣхъ поръ, какъ мы знакомы съ вами,
Вы здѣсь прославились, какъ истинный поэтъ,—
Я въ этомъ васъ могу увѣрить.
У насъ привыкли все на свой аршинъ примѣрить,—
Но въ этомъ нужды нѣтъ!
Зачѣмъ намъ по морю пускаться въ даль напрасно?
Подъ кровлею своей, повѣрьте, безопасно!
И я премного разъ такъ удивлялся вамъ,
Таланту вашему и вашимъ всѣмъ стихамъ;
Объ нихъ вездѣ молва пустилась.
Жаль только, что ни разу не случилось
Твореній вашихъ мнѣ прочесть,
А я бъ почелъ себѣ за честь....
Но это все равно. Хотите-ли послушать?
Я разскажу, не тратя лишнихъ словъ.
У насъ отъ давнихъ поръ обычай былъ таковъ:
Кто любитъ много спать, кто любитъ много кушать,
Кто изъ числа любителей стиховъ...

Не удивительно, что эту вступительную болтовню Звяковича Стихотворскій прерываетъ словами:

Позвольте васъ прервать. Вы столько насказали,
Что я, охотно признаюсь,
Вамъ отвѣчать едва-ль найдусь:
Немножко, кажется, вы рѣчь свою смѣшали.

Кромѣ обще-типичной репетиловской болтовни, Звяковичъ надѣленъ у Морачевскаго еще одной характерной чертой Грибоѣдовскаго Репетилова—изображеніемъ себя какимъ-то подозрительнымъ по убѣжденіямъ человѣкомъ. Въ концѣ піесы онъ говоритъ о себѣ:

Я человѣкъ на все готовый.
Здѣсь, въ городѣ, идетъ молва,
Что будто я опасный и суровый,
Что будто-бы моя набита голова
Какими-то мечтаньями пустыми:
Но это ложь—не вѣрьте никогда!
При томъ-же это не бѣда:
Я дорожу людьми всегда,
Но только, право, не такими.

Если Звяковичъ, какъ типъ, представляетъ еще какой-нибудь интересъ, то остальныя дѣйствующія лица (Стихотворскій совсѣмъ почти въ разговорѣ не участвуетъ)—Хріеновскій и Болтницкій—совсѣмъ уже ничего оригинально-типичнаго не даютъ. Хріеновскій проникнутъ уваженіемъ къ старой, ложно-классической, поэзіи и врагъ романтизма. Когда въ разговорѣ Хріеновскій упомянулъ съ уваженіемъ о Графовѣ (вѣроятнѣе всего—графъ Хвостовъ), и услышалъ отъ Стихотворскаго замѣчаніе:

Мнѣ кажется, Графова вы,
Плѣнясь возвышеннымъ талантомъ
Его отважной головы,
Считаете Парнасскимъ комендантомъ,—

онъ отвѣчаетъ на это замѣчаніе:

Да-съ, я его люблю: совсѣмъ онъ не похожъ
На нашу легкую, слѣпую молодежь,
Обвитую пустымъ эѳиромъ романтизма,
Презрѣвшую святымъ уставомъ классицизма.
Взгляните вы на всѣ творенья ихъ:
Безъ чувствъ, безъ мыслей—только мѣра!
Не выберешь изъ нихъ ни строчки для примѣра;
Сужденій правильныхъ не спрашивай у нихъ;
Періодовъ по формѣ, предложеній,
Мѣстъ реторическихъ, прямыхъ расположеній,

Какъ въ старину было въ обычаѣ, давно,—
Вы не найдете въ нихъ; все пусто и темно.
О *хріи* нѣтъ ужъ и въ поминѣ—
Ее боятся нынѣ,
Какъ тяжкаго грѣха.

Вообще Хріеновскій, какъ превыспренній классикъ, изображенъ комически со своей философской болтовней. Вотъ какъ, напримѣръ, онъ разсуждаетъ о Ноѣ.

Годъ цѣлый плавая въ ковчегѣ по волнамъ,
Нигдѣ пристать не могши къ берегамъ,
Не можетъ быть, чтобъ онъ, терпя всѣ странствій муки,
Не взялся за перо когда-нибудь отъ скуки—
Пофилософствовать объ участи людей.
Я вамъ скажу: достойно сожалѣнья,
Что всѣ его высокія творенья
Достигнуть не могли до настоящихъ дней;
А любопытно-бъ знать какія онъ фигуры
Употреблялъ тогда для выраженья чувствъ
На памятныхъ листкахъ своей литературы?
Я думаю, что онъ все списывалъ съ натуры,
Безъ реторическихъ искусствъ,
Но сильно, высоко. Его великій геній
Въ часы небесныхъ откровеній
Парилъ въ Божественныхъ мечтахъ
Среди волнующейся влаги.

На замѣчаніе Звяковича:

Пріятель! вѣдь тогда не знали мы бумаги

Хріеновскій отвѣчаетъ, что Ной могъ писать на лавкахъ, на стѣнахъ, на каменныхъ таблицахъ, на столахъ,—и въ заключеніе говоритъ:

Какъ хочете, а я поспорить радъ,
Что Ной не могъ не быть философомъ въ то время:
Но только, что его несмѣтливое племя
Сберечь для насъ сей драгоцѣнный кладъ
Иль не умѣло,
Иль не хотѣло:
А можетъ быть и самъ онъ затерялъ,
Но, вѣрно, что-нибудь писалъ
О страшной гибели всего земного рода.

Только и оставалось бѣдному Стихотворскому про себя сказать:

«Вотъ болтовня пошла! И слушай вздоръ такой!»

Піеса «Чудаки» есть послѣднее изъ извѣстныхъ намъ произведеній Ф. С. Морачевскаго въ первый періодъ его писательства. Ясно видно, что онъ въ этотъ періодъ всецѣло находился подъ вліяніемъ русской стихотворной литературы и никакихъ намековъ еще не подавалъ на ту новую дорогу въ своемъ творчествѣ, которая становится намъ извѣстной только съ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, и которая обозначилась его національными симпатіями. Когда и какъ совершился этотъ поворотъ, изъ фактовъ его біографіи опредѣлить нельзя, а отсутствіе у насъ какихъ-бы то ни было его произведеній, начиная съ 1834 года до начала 50-хъ годовъ, не даетъ возможности прослѣдить за постепеннымъ переходомъ его отъ одного направленія къ другому. Вѣрнѣе всего можно предположить, что съ переѣздомъ въ Нѣжинъ, въ 1849 году, Ф. С. Морачевскій, очутившись, послѣ долгаго отсутствія, опять въ родной своей Черниговщинѣ, какъ-бы охваченъ былъ животворящей струей родныхъ звуковъ, къ этому времени закрѣпленныхъ уже Кобзаремъ Т. Шевченка (изд. въ 1844 г.). Хотя малорусское слово было въ тѣ годы не въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, но все-же такія имена, какъ Максимовичъ, издавшій въ 1849 году сборникъ своихъ пѣсенъ, какъ священникъ В. Гречулевичъ, напечатавшій свои проповѣди на малороссійскомъ

языкѣ,—могли поощрительно подѣйствовать и на такого скромнаго и даже вполнѣ смирнаго человѣка, какимъ былъ Ф. С. Морачевскій. Какъ ни совершился въ немъ этотъ поворотъ къ малорусскому писательству, можно сказать только одно: не будь этого поворота, имя его, со всѣми отмѣченными нами до сихъ поръ стихотвореніями и драматическими сценами, оказалось-бы, конечно, забытымъ въ ряду другихъ литературныхъ именъ.

В. Науменко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній о духовной школѣ 70-хъ годовъ.

I.

Духовное училище.

Глава I-я.

Я поступилъ въ Одесское духовное училище въ 1873 году. Старая учебно-воспитательная система нашей духовной школы, столь ярко и художественно изображенная Помяловскимъ въ «Очеркахъ бурсы», подвергалась уже въ это время коренному преобразованію: значительно измѣненъ былъ общій строй учебнаго дѣла, введены новыя программы и новые способы преподаванія, улучшенъ матеріальный бытъ воспитанниковъ, уничтожены розги; словомъ, героическій періодъ бурсы, воспѣтой Помяловскимъ, закончился и понемногу уходилъ уже въ область преданія. Наше училище, однако, какъ-то медленно сживалось съ новыми порядками и во многомъ продолжало жить еще стариной.

Это было какое-то переходное время.

Я былъ «казенно-коштнымъ» воспитанникомъ и жилъ, со дня поступленія въ училище и до окончанія курса, въ самомъ зданіи училища, которое называлось на оффиціальномъ языкѣ «корпусомъ», а въ городѣ продолжало, по старой памяти, именоваться бурсой. Бурса помѣщалась въ наемномъ домѣ, на одной изъ болѣе отдаленныхъ отъ центра улицъ, наискосокъ противъ архіерейскаго дома.

Старый двухъ-этажный домъ выходилъ на улицу своимъ боковымъ фасадомъ, гдѣ помѣщались квартиры смотрителя и инспектора училища; главный же фасадъ зданія развертывался во дворѣ, довольно длинномъ, но узкомъ, отдѣлявшемся каменнымъ полуразрушеннымъ заборомъ отъ громаднаго сосѣдняго двора, который былъ занятъ складомъ земледѣльческихъ машинъ и орудій, какой-то англійской фирмы. Этотъ сосѣдній дворъ игралъ немаловажную роль въ жизни бурсаковъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Все зданіе имѣло видъ унылый, казарменный и въ высшей степени неопрятный. Стѣны были какъ-то измызганы и украшены чернильными и всякими другими пятнами; стекла во многихъ окнахъ были выбиты и по мѣсяцамъ не вставлялись; въ углу двора помѣщались отхожія мѣста и помойныя ямы, откуда, какъ водится, распространялось зловоніе. Вездѣ, во всемъ зданіи, воздухъ былъ спертый, затхлый, вонючій. Непріятно глядѣли и классы. Зимою въ нихъ, отъ плохой топки и выбитыхъ стеколъ, было такъ холодно, что трудно было высидѣть: учителя являлись на уроки въ пальто и въ калошахъ, а бурса наворачивала на себя всякую рвань, передъ уроками и на перемѣнахъ, «давила масло», играла въ «тѣсную бабу» и все-таки дрожала отъ холода.

Въ классахъ стояли длинныя парты первобытнаго устройства, доска, каѳедра для учителя. Парты были исковыряны и изрѣзаны перочинными ножами, при помощи которыхъ бурсаки выцарапывали свои иниціалы и дѣлали всякія надписи, сплошь и рядомъ самаго нецензурнаго содержанія.

Верхній этажъ былъ нѣсколько приличнѣе; тамъ помѣщались квартиры двухъ надзирателей и нѣкоторыхъ учителей, а также ученическія спальни. Церкви своей не было; учениковъ водили въ архіерейскую церковь.

Грязь и неряшество царили всюду. Бѣлье на постеляхъ перемѣнялось очень рѣдко, а въ матрацахъ водились всякія насѣкомыя. Особенно много было вшей, которыя свободно разгуливали и по головамъ, и по платью учениковъ. Бурсаки притерпѣлись къ насѣкомымъ, какъ неизбѣжнымъ спутникамъ своимъ, и не обра-

щали на нихъ никакого вниманія. Кормили насъ скудно: утромъ давали чай, послѣ уроковъ, въ 2 часа, обѣдъ и вечеромъ, въ 7—8, снова чай; ни завтраковъ, ни ужиновъ не полагалось. Такимъ образомъ, настоящая ѣда была только разъ въ день, за обѣдомъ, и такъ какъ этотъ послѣдній не отличался особенной питательностью, то легко себѣ представить, что вопросъ о томъ, какъ бы добыть чего-нибудь поѣсть, являлся однимъ изъ насущнѣйшихъ и животрепещущихъ вопросовъ бурсацкаго бытія. Почти всѣ, за исключеніемъ круглыхъ бѣдняковъ, возвращаясь послѣ праздниковъ и каникулъ изъ дому, привозили съ собою запасы провизіи и блаженствовали, пока не истощались эти запасы. При этомъ каждый зорко оберегалъ свои сокровища, въ видѣ сала, колбасъ, паляницъ, домашнихъ печеній и т. п., потому что голодъ развивалъ необыкновенную предпріимчивость и изобрѣтательность въ добываніи съѣстного, и все, что̀ плохо лежало, неизбѣжно дѣлалось добычею ловкихъ хищниковъ. Провизія сберегалась въ сундукахъ, за крѣпкими замками, но это не спасало ее отъ расхищенія. Кражи съѣстного были явленіемъ обыкновеннымъ и по кодексу товарищеской морали, вообще очень снисходительной къ дѣяніямъ, вызываемымъ потребностью самосохраненія, не считались преступленіемъ. Одинъ разъ, помню, бурсаки, съ искусствомъ профессіональныхъ воровъ, обокрали кладовую училища, и не только обокрали, но и съумѣли припрятать очень ловко награбленное.

Что касается внѣшняго вида бурсаковъ, то и онъ былъ весьма непрезентабеленъ. Формы у насъ не было. Казеннокоштные воспитанники носили зимою сѣрые суконные костюмы и байковыя пальто, называвшіяся бурками, а лѣтомъ облекались въ парусину; своекоштные одѣвались, во что хотѣли. Платье и сапоги изнашивались и затаскивались до послѣдней степени. Сплошь и рядомъ случалось, что ученикъ, износивъ сапоги и не получая новыхъ, отправлялся въ лазаретъ, а въ классѣ дежурный докладывалъ, что такой-то не явился «по неимѣнію сапогъ»,— и это, повидимому, считалось уважительною причиной. Какъ ни скудны были средства, выдаваемыя на содержаніе бурсаковъ, все же и кормить, и одѣвать ихъ можно было гораздо лучше, какъ

это и обнаружилось впослѣдствіи. Очевидно, дѣло велось недобросовѣстно. Мнѣ приходитъ здѣсь на память одинъ случай, весьма характерный.

Однажды, когда я, кажется, былъ во 2-мъ классѣ, мать пріѣхала за мной, чтобы взять меня на вакаціи домой. Увидя, что я одѣтъ не лучше босяка, она взволновалась и, несмотря на свою робость, пошла объясняться къ смотрителю. Надо замѣтить, что я, какъ сынъ полкового священника, воспитывался на средства духовно-армейскаго вѣдомства, и, кажется, на мое содержаніе выдавалась сумма даже нѣсколько бо́льшая обычнаго бурсацкаго содержанія.

Итакъ, мать пошла въ квартиру смотрителя, а я, въ страхѣ и нетерпѣніи, ожидалъ ее въ корридорѣ. И что же? Выходитъ мать сіяющая, довольная, обнимаетъ меня со слезамм и говоритъ, что смотритель очень хвалилъ меня, говорилъ, что я прекрасно учусь, что подаю большія надежды и т. п... А одежда, а сапоги?... Но развѣ стоило думать о нихъ послѣ такого тріумфа!.. Старикъ нашъ смотритель хорошо зналъ материнское сердце и ловко отвлекъ разговоръ въ другую сторону...

Еще въ большемъ пренебреженіи было наше нравственное воспитаніе. Бурсацкая толпа была въ высшей степени груба, невѣжественна и дика. Эта грубость и дикость нравовъ высказывалась, прежде всего, въ бурсацкихъ играхъ. Что это были за игры! Играли, напр., въ мячъ. Но мячи дѣлались какіе-то особенные: солидныхъ размѣровъ и такъ туго набивались, что ловкій ударъ мяча сбивалъ съ ногъ мальчугана, а иногда причинялъ ему увѣчье. Очень любили играть въ свайку, но и эта игра для проигравшаго соединялась съ истиннымъ мученіемъ: онъ долженъ былъ вытаскивать изъ влажной земли и подавать выигравшимъ тяжелую свайку безконечное число разъ. И при этомъ, усталый, обливающійся по́томъ, со слезами на глазахъ, не встрѣчалъ ни въ комъ ни малѣйшаго участія, напротивъ—брань, презрѣніе, насмѣшки. Всякая игра неизбѣжно соединялась съ насиліемъ, съ причиненіемъ боли, иногда просто невыносимой. И всякій проигравшій все-таки опять игралъ, со злобой въ душѣ, съ мстительнымъ желаніемъ, въ свою очередь, причинить боль другому.

Ужасны были и постоянныя драки. Дрались ежедневно и, можно сказать, ежечасно; дрались и въ одиночку, одинъ на одинъ, и толпами, классъ на классъ, и проч. Дерущихся сейчасъ же окружала жадная до такихъ зрѣлищъ толпа и поощряла своими замѣчаніями. Силачей просто боготворили, слабымъ же приходилось до крайности плохо. Болѣе сильные и великовозрастные принимали даже участіе въ кулачныхъ бояхъ, которые тогда еще водились въ Одессѣ.

Несомнѣнно, что одною изъ существеннѣйшихъ причинъ этой междоусобной брани, было хроническое недоѣданіе, озлоблявшее бурсака и взвинчивавшее его нервы. Съ другой стороны, невольно думается, что скудное питаніе, издревле обычное въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, не оставалось безъ вліянія и далеко за порогомъ школы. Наши батюшки, надо правду сказать, склонны къ застольнымъ излишествамъ,—но винить ли ихъ въ томъ? Послѣ долговременнаго невольнаго воздержанія, пріучавшаго бурсака жадными очами глядѣть на всякія яства, какъ не впасть въ соблазнъ, когда ни одна треба не обходится безъ угощенія?

Отвратителенъ былъ еще бурсацкій цинизмъ, проявлявшійся въ непристойныхъ разговорахъ, похожденіяхъ бурсаковъ старшаго возраста и въ безобразной, грубой, площадной ругани, которая горохомъ разсыпалась по корридорамъ, по классамъ, висѣла и стонала въ воздухѣ, особенно во время игръ. Удивительно, что прислуга въ училищѣ, за исключеніемъ одного сторожа, была женская; наша экономка, бойкая вдова-попадья, для кухни и уборки зданія нанимала деревенскихъ дѣвушекъ,—вѣроятно, потому, что это обходилось гораздо дешевле.

Дѣти нашего духовенства, растущія большею частью въ деревнѣ, безъ особаго воспитательнаго ухода, вообще дѣти не «нѣжнаго» воспитанія, сравнительно легко сживались съ грубой бурсацкой средой; но между ними, хотя и рѣдко, попадались натуры мягкія, нѣжныя, пользовавшіяся дома тщательнымъ и заботливымъ попеченіемъ: вотъ на нихъ-то эта грубость нравовъ отражалась убійственно.

Мнѣ врѣзался въ памяти особенно одинъ такой примѣръ. Поступилъ въ бурсу нѣкто Ш—скій, сынъ богатаго сельскаго священника. Его старшій братъ тоже учился въ училищѣ и выдѣлялся среди бурсаковъ своею порядочностью, скромностью и манерами, обличавшими его воспитанность. Сколько я помню, онъ такимъ и остался, несмотря на вліяніе среды. Это былъ мальчикъ съ исключительной выдержкой и сильнымъ характеромъ. Младшій его братъ былъ мальчикъ въ высшей степени добрый и ласковый, но съ чрезвычайно слабой волей, въ противоположность брату. Фигура его была не складна; онъ былъ не по лѣтамъ высокъ, толстъ, неуклюжъ, очень близорукъ и, какъ всѣ близорукіе, разсѣянъ. Вслѣдствіе близорукости, онъ носилъ очки, и эти очки, единственныя на ученическомъ носу въ бурсѣ, служили предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ. Мальчикъ, повторяю, былъ чрезвычайно добрый, тихій и симпатичный: ко всѣмъ онъ относился очень довѣрчиво и дружелюбно. И вотъ бурса сразу, какъ у насъ выражались, «затюкала» этого мальчугана. Его буквально затравили. Черезъ мѣсяцъ его узнать нельзя было: онъ, краснѣвшій до корней волосъ при каждомъ нескромномъ словѣ, началъ безобразно ругаться, смѣшно перековеркивая слова, смысла которыхъ, очевидно, совершенно не понималъ, бѣшено кидался въ драку, дѣлалъ дерзкія выходки учителямъ и проч. И все это у него выходило какъ-то болѣзненно, истерически. Въ концѣ концовъ, онъ заболѣлъ сильнымъ нервнымъ разстройствомъ; отецъ взялъ его домой и больше не привозилъ. И хорошо сдѣлалъ!

Надзора за учениками, внѣ классовъ, не было почти никакого. Инспекторъ нашъ, нѣкто З—ревъ, былъ человѣкъ очень мягкій, добрый и гуманный; но мы видѣли его только на урокахъ. Онъ былъ человѣкъ болѣзненный и велъ свое инспекторское дѣло спустя рукава.

Два надзирателя во время игръ и вообще въ свободное отъ занятій время не выползали изъ своихъ логовищъ и предоставляли намъ полную свободу; къ тому же они часто мѣнялись и, повидимому, не имѣли никакой охоты взяться за дѣло воспитанія, какъ слѣдуетъ: трудъ ихъ оплачивался плохо, и въ эту должность

временно шли только что окончившіе семинаристы, въ ожиданіи священническаго мѣста. Дольше другихъ,—кажется, года два,—пробылъ у насъ нѣкто Петръ Ивановичъ Б—ко. Это былъ человѣкъ добродушный, но очень недалекій и грубый. Расправа у него была короткая: поймаетъ за вихры и, помявъ неопрятную голову бурсака въ своихъ громадныхъ длаияхъ, выругается крѣпкимъ словомъ и отпуститъ съ миромъ, причемъ, непремѣнно, поплюетъ себѣ на концы пальцевъ и оботретъ о штаны.

Выскочишь, бывало, въ окно изъ класса, когда зазѣвается учитель, и, зажавъ въ кулакѣ «мѣдякъ, пустишься бѣгомъ въ лавочку, боязливо поглядывая по сторонамъ, не смотритъ ли кто. У калитки, какъ изъ подъ земли, вдругъ вырастаетъ длинноногая фигура Петра Ивановича и могучею рукою хватаетъ за чубъ.

— Куда ты бѣжишь?

— Ой, пустите, П. И., больно!

— Я тебя спрашиваю: куда ты бѣжишь, мерзавецъ?

— Я, П. И., въ лавочку, за сѣмячками!

Петръ Ивановичъ очень любилъ грызть сѣмячки и потому сейчасъ же смягчался и отпускалъ: Ну, бѣги, чортъ съ тобой, да смотри же и мнѣ дашь!

До чего былъ слабъ надзоръ за нами, видно изъ слѣдующаго факта. Весною, какъ только оканчивались занятія, и насъ распускали готовиться къ экзаменамъ, т. е. такъ къ концу мая, полбурсы выселялось на «дачу». Дачей служилъ упомянутый выше сосѣдній дворъ, гдѣ бурсаки рыли себѣ ямы, устилали ихъ травою, а иные устраивали даже маленькія землянки и жили тамъ, т. е. дневали и ночевали. И никто не обращалъ на это вниманія. Въ данномъ случаѣ, отсутствіе надзора, впрочемъ, было къ лучшему: по крайней мѣрѣ, хоть свѣжимъ воздухомъ (т. е. относительно свѣжимъ) можно было подышать.

Бурса, какъ я сказалъ, помѣщалась наискосокъ противъ архіерейскаго дома. Несмотря на такую близость, ни одно «его преосвященство» никогда не заглянуло сюда,—такъ, хотя бы для прогулки, чтобы кстати и посмотрѣть, что тутъ дѣлается. Архіерей являлся только въ рѣдкихъ, торжественныхъ случаяхъ, напр.,

на экзаменахъ, и къ его появленію, о которомъ, конечно, было извѣстно заранѣе, все подчищалось и кое-какъ приводилось въ порядокъ.

Изъ развлеченій, которыми нѣсколько освѣжалась и разнообразилась наша монотонная жизнь, слѣдуетъ упомянуть о домашнихъ спектакляхъ. Они устраивались обыкновенно на святкахъ, безъ всякаго руководства или участія начальства, а исключительно стараніями самихъ учениковъ. Любимою пьесой былъ знаменитый «Царь Максиміліанъ». Какъ попала эта народная пьеса въ бурсу? Вѣроятно, ученики слышали ее въ селахъ, въ исполненіи доморощенныхъ деревенскихъ артистовъ, а можетъ быть, и сами принимали въ этомъ исполненіи участіе. Текстъ пьесы, сколько мнѣ помнится, совпадаетъ, въ общемъ, съ тѣмъ, который напечатанъ В. Каллашемъ въ его брошюрѣ: «Царь Максиміліанъ» (глуховскій варіантъ); впрочемъ, текстомъ вообще распоряжались свободно, допуская всякія вставки и измѣненія, лишь бы выходило «гладко». Уже студентомъ, я видѣлъ, какъ-то на святкахъ, эту пьесу въ одномъ селѣ херсонской губерніи, въ исполненіи солдатъ, бывшихъ въ отпуску въ этомъ и другихъ сосѣднихъ селахъ. Глядя на представленіе, я тогда живо вспомнилъ бурсу. Очевидно, бурсаки заимствовали отъ такихъ именно артистовъ не только самый текстъ, но и тонъ, манеры и пріемъ исполненія.

Діалоги перемежались пѣснями, при чемъ послѣднія вставлялись въ пьесу часто безъ всякаго отношенія къ тексту, а просто ни къ селу, ни къ городу: тутъ было и «Боже, царя храни», и «Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ», и даже духовныя пѣсни.

Изъ нашего скуднаго репертуара помню еще пьесу «Разбойники», сочиненную какимъ-то училищнымъ поэтомъ; текстъ ея, также какъ и «Царя Максиміліана», не былъ записанъ, а сохранялся въ устной передачѣ, по традиціи, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Содержаніе ея, сколько мнѣ помнится, заключалось въ слѣдующемъ.

Какое-то путешествующее семейство, состоящее изъ отца («благородный отецъ»), матери (комическая старуха) и дочери (ingénue dramatique), попадаетъ въ руки разбойниковъ. Ограбивъ проѣзжихъ, разбойники собираются убить ихъ, а пока предаются веселому торжеству. Атаманъ же (первый любовникъ) задумчивъ и мраченъ: онъ пораженъ красотой прелестной плѣнницы и задумываетъ спасти ее... Въ критическую минуту, когда разбойники, разгорячённые виномъ, приступаютъ къ атаману, упрекая его въ малодушіи и шумно требуя смерти плѣнниковъ, внезапно, какъ deus ex machina, является офицеръ, женихъ прекрасной дѣвицы съ отрядомъ солдатъ. Происходитъ схватка. Разбойники бѣгутъ, оставивъ на полѣ битвы смертельно раненаго атамана. Передъ смертью онъ поетъ какой-то «жестокій» романсъ.

Конечно, обстановка, костюмы и проч.—все было въ высшей степени примитивно.

Вообще же, не весело жилось въ бурсѣ! Въ грубой обстановкѣ, родной домъ, родная семья, какъ бы бѣдно и тѣсно ни жилось тамъ, казались какимъ-то далекимъ и милымъ, будто навсегда утраченнымъ раемъ.—И, Боже мой, какъ хороши были лѣтнія поѣздки домой, на вакаціи! Сколько было въ нихъ самыхъ свѣтлыхъ и чистыхъ наслажденій, сколько восторга и даже какого-то блаженства! Эти поѣздки незабвенны, и я помню ихъ очень отчетливо и теперь,—да, правда, онѣ были очень похожи одна на другую.

Передъ отъѣздомъ отъ радостнаго волненія я не сплю, бывало, цѣлую ночь; подъ утро вздремну немного, а чуть забрезжится разсвѣтъ, уже на ногахъ, сіяющій, радостный и бодрый, несмотря на безсонную ночь. Вмѣстѣ съ младшимъ братомъ начинаемъ укладываться въ дорогу; вездѣ въ спальняхъ уже просыпаются, суетятся и хлопочутъ другіе отъѣзжающіе. Предстоитъ еще идти къ сестрѣ, попрощаться и взять племянника-гимназиста, который уже, конечно, томится ожиданіемъ, и только тогда ѣхать на вокзалъ. Все кажется, что что-нибудь помѣшаетъ, задержитъ, не дастъ уѣхать... Но вотъ все кончено, мы въ вагонѣ! Громадный, шумный, надоѣвшій городъ остался позади, и уже замелькали

кругомъ веселыя, зеленыя поля... Восторгу нашему нѣтъ предѣловъ! Онъ растетъ все crescendo и передъ послѣдней станціей доходитъ до какого-то бурнаго взрыва. Братъ и племянникъ начинаютъ пѣть и танцовать въ вагонѣ, къ немалой потѣхѣ пассажировъ; я же, какъ старшій, стараюсь сдерживать свои чувства, но все во мнѣ бурлитъ и клокочетъ отъ радости...

Первые дни все какъ-то не вѣришь, что дома: проснешься утромъ, прислушиваешься и присматриваешься: дома ли? Дома. И радостный вскакиваешь съ постели.

Глава II-я.

Какъ насъ учили? Припоминая своихъ учителей, могу сказать, что въ общемъ, за немногими исключеніями, насъ учили порядочно. Пала старинная зубристика, и старые педагоги, послѣдніе могикане бурсы, уступили мѣсто новымъ. При мнѣ въ самомъ началѣ моего пребыванія въ училищѣ, допѣвалъ еще свою послѣднюю пѣсню какой-то допотопный педагогъ, учитель латинскаго языка, приходившій частенько въ классъ не совсѣмъ трезвымъ и вызывавшій учениковъ протяжнымъ, тоненькимъ голоскомъ, передѣлывая почему-то мужское окончаніе фамиліи на женское, да еще всегда съ прибавленіемъ слова «свинья».

— Воскресенская—свинья! Иди отвѣчать урокъ!

— Добровольская—свинья! Стань въ уголъ! и т. п.

Онъ скоро убрался отъ насъ.

Учителя толково разъясняли уроки и обращались съ нами гуманно, въ противоположность надзирателямъ, которые (въ особенности вышеупомянутый П. И. Б—ко) щедро и невозбранно раздавали направо и налѣво щелчки, подзатыльники и затрещины, не говоря уже о грубой брани.

Но вотъ бѣда: учителя очень часто мѣнялись. То происходила, по какимъ-то, неизвѣстнымъ для насъ, соображеніямъ, перетасовка классовъ между преподавателями, то сами преподаватели выбывали изъ училища. Такъ, за 4 года пребыванія моего въ

училищѣ, у насъ перемѣнилось три учителя русскаго языка, три—латинскаго и, кажется, четыре учителя ариѳметики; по другимъ предметамъ было приблизительно такъ-же.

Между учителями было два превосходныхъ преподавателя: Коноваловъ—географіи и ариѳметики и М. И. Климовичъ—латинскаго языка. Оба прекрасно знали свои предметы, очень интересно и живо ихъ преподавали и пользовались не только высокимъ уваженіемъ, но и любовью учениковъ. Они обращались съ нами вѣжливо, даже деликатно, не допуская, однако, никакихъ вольностей и поблажекъ, и я не помню, чтобы кто-либо изъ учениковъ позволилъ себѣ у нихъ на урокѣ какую-нибудь грубую шалость или неприличную выходку. Значитъ, и бурсу, какъ ни дика она казалась съ вида, можно было воспитать по-человѣчески. Разумѣется, для этого нужно было положить много труда и терпѣнія, а главное—любви къ дѣлу и къ дѣтямъ; но всего этого не доставало нашимъ воспитателямъ.

Помню, какъ-то двое изъ нашихъ молодыхъ преподавателей, жившіе въ зданіи училища, задумали заняться нашимъ просвѣщеніемъ и стали устраивать вечернія бесѣды съ учениками.

Надо замѣтить, что общій уровень умственнаго развитія бурсъ былъ очень невысокъ. Изъ деревень, вмѣстѣ съ запасами домашней провизіи, привозились и огромные запасы невѣжественныхъ понятій и грубыхъ суевѣрій, которыми живетъ темная народная масса. Между учениками ходило множество самыхъ нелѣпыхъ разсказовъ о домовыхъ, чертяхъ и вѣдьмахъ, разсказовъ, не возбуждавшихъ въ массѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ истинности и выслушивавшихся съ суевѣрнымъ страхомъ.

Для того, чтобы освѣтить эту тьму невѣжества, недостаточно было одной казенной учебы; нужна была просвѣтительная бесѣда, нужна была хорошая книга. А между тѣмъ библіотека въ училищѣ была какая-то въ высшей степени жалкая и скудная, да и книги изъ нея выдавали чрезвычайно рѣдко, такъ что были ученики, которые оканчивали курсъ, не видавъ въ глаза никакой другой книжки, кромѣ учебной.

И вотъ, наши учителя стали по вечерамъ читать намъ русскихъ писателей и объяснять прочитанное, стали знакомить съ гражданской исторіей, которая совершенно не преподавалась въ училищѣ, терпѣливо выслушивали наши вопросы и давали отвѣты на нихъ. Бывало, помню, и такъ, что передъ вечерней молитвой всѣ толпой выходили на дворъ, и наши руководители, глядя на звѣздное небо, вели астрономическія бесѣды. Эти занятія возбуждали живой интересъ и высокое уваженіе къ «учености» нашихъ наставниковъ; они, несомнѣнно, могли бы имѣть громадное вліяніе на наше развитіе; но, къ сожалѣнію, не помню уже по какой причинѣ, скоро прекратились, и все пошло попрежнему.

Не могу не вспомнить еще одного изъ своихъ преподавателей, милаго и симпатичнаго, но глубоко несчастнаго человѣка, Н. Ф. В—скова. Это воспоминаніе будетъ, мнѣ кажется, не лишнимъ уже потому, что даетъ еще одну иллюстрацію для характеристики нашей бурсацкой среды.

Н. Ф—чъ былъ у насъ недолгое время надзирателемъ, а потомъ учителемъ греческаго языка. Вначалѣ дѣло шло у него прекрасно: онъ живо и весело давалъ свои уроки, обращался съ нами всегда мягко; его любили и уважали. Но вотъ подкралась тяжелая болѣзнь, постепенно превратившая Н. Ф. изъ красиваго, изящнаго, молодого человѣка чуть не въ урода. Тутъ-то и сказалась, во всей своей безобразной наготѣ, дикость нашихъ нравовъ. Все слабое, хилое, больное пользовалось въ бурсѣ нескрываемымъ презрѣніемъ; товарищей, обладавшихъ какимъ-нибудь физическимъ недостаткомъ, высмѣивали безъ всякаго сожалѣнія и давали имъ обидныя прозвища; всякое проявленіе слабости, всякія «нѣжности», слезы и т. п. встрѣчались насмѣшливымъ хохотомъ или бранью

Н. Ф—чъ не избѣжалъ общей участи. Его болѣзнь сдѣлалась преметомъ издѣвательствъ, превратившихся, въ концѣ концовъ, въ настоящую травлю; дисциплина у цего въ классѣ пала, и на урокахъ стало твориться нѣчто просто невообразимое. Все это, разумѣется, раздражало и изнуряло его до крайности, но

бурса была жестока и безпощадна. Я не могу забыть того растеряннаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко-скорбнаго взгляда, которымъ смотрѣлъ иногда нашъ бѣдный Н. Ф—чъ на бушующую и бѣснующуюся въ классѣ толпу! Вмѣстѣ съ тѣмъ, Н. Ф—чъ былъ человѣкъ въ высшей степени справедливый. Даже въ минуты крайняго раздраженія онъ сохранялъ безпристрастіе въ оцѣнкѣ успѣховъ учениковъ, какъ бы ни изводили они его своими выходками. Съ нимъ нерѣдко вступали въ объясненія относительно балловъ, и онъ чрезвычайно терпѣливо выслушивалъ всякую претензію, наклонившись къ говорящему и внимательно обдумывая, какъ будто бы опасался, не совершилъ ли онъ и въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь несправедливости: но потомъ выпрямлялся и, поднявъ палецъ вверхъ (это былъ его любимый жестъ), восклицалъ: «А все-таки я былъ правъ»! И вслѣдъ затѣмъ давалъ соотвѣтствующее объясненіе.

Эту, такъ сказать, непреклонную справедливость онъ сохранялъ не только въ отношеніяхъ съ учениками, но и съ начальствомъ, и со всѣми, съ кѣмъ сталкивала его судьба. Впослѣдствіи онъ пошелъ въ священники и священствовалъ сначала въ Одессѣ; но потомъ архіепископъ Н—ръ, чрезвычайно безцеремонно обращавшійся съ духовенствомъ, нашелъ его наружность недостаточно представительною для города и перевелъ въ деревню.

И здѣсь онъ продолжалъ оставаться тѣмъ же неуклонно честнымъ человѣкомъ, какимъ былъ въ училищѣ, а потому постоянно имѣлъ дѣла въ консисторіи. На смертномъ одрѣ онъ, говорятъ, получилъ отъ своего начальства извѣщеніе, что его дѣло (не знаю какое) не выгорѣло въ консисторіи. И вотъ, по своей привычкѣ, онъ поднялъ палецъ къ небесамъ и сказалъ: «А все таки я былъ правъ»! Такъ съ этимъ и умеръ нашъ бѣдный маленькій Галилей. Миръ его праху!

Смотрителемъ училища былъ нѣкто Маркіанъ Демьянычъ Г—скій. Это былъ старикъ очень почтенной наружности, всегда гладко выбритый, аккуратный, съ торжественными, медленными жестами и такою же рѣчью. Онъ преподавалъ катехизисъ, и преподавалъ прекрасно, но отъ учениковъ требовалъ зубристики. Если кто-нибудь пытался разсказывать «своими словами» урокъ,

онъ всегда останавливалъ его замѣчаніемъ; «Говори-ка, братецъ, по книжкѣ: вѣдь лучше, чѣмъ въ книжкѣ, не скажешь»! Изъ преподавателей онъ одинъ только придерживался старинной системы заучиванія уроковъ «на зубокъ».

Бурса относилась къ нему съ уваженіемъ, несмотря на то, что поговаривали, будто бы онъ несовсѣмъ чисто велъ матеріальныя дѣла училища. Не знаю, насколько это было вѣрно, но что-то тутъ было неладно, какъ о томъ свидѣтельствуетъ разсказанный эпизодъ съ моимъ обмундированіемъ; да, кромѣ того, съ перемѣной смотрителя, насъ стали содержать гораздо лучше. Какъ бы тамъ ни было, М. Д. внушалъ бурсѣ какое-то невольное уваженіе и слылъ человѣкомъ умнымъ и образованнымъ, какимъ и былъ, кажется, въ дѣйствительности, и ему предстояла блестящая карьера, но неудачной женитьбой онъ все испортилъ и свѣковалъ свой вѣкъ въ должности смотрителя училища.

Воспитаніемъ нашимъ М. Д. занимался мало и былъ, повидимому, поглощенъ какими-то другими заботами. Иногда говорилъ онъ намъ торжественныя рѣчи, но чаще прибѣгалъ къ болѣе сильнымъ способамъ педагогическаго воздѣйствія: вооружался хлыстомъ и съ помощью его, отъ времени до времени, водворялъ порядокъ, преимущественно на вечернихъ занятіяхъ, когда шумъ становился невыносимымъ и достигалъ до смотрительской квартиры.

Вооруженный тѣмъ же хлыстомъ, М. Д. пускался иногда въ преслѣдованіе курильщиковъ. Табакъ, какъ и все запретное, былъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ и заманчивыхъ лакомствъ: курили, какъ водится, и въ печку, и въ форточку, въ классахъ и въ корридорѣ, но чаще всего въ отхожемъ мѣстѣ, которое вообще играло въ училищѣ роль клуба. Но въ то же время это лакомство считалось и очень дорогимъ, и табакъ водился постоянно только у немногихъ, болѣе зажиточныхъ курильщиковъ. Счастливый обладатель папироски отправлялся въ «клубъ», окруженный, подобно планетѣ, нѣсколькими спутниками, которые уже заранѣе выговаривали, или какъ у насъ выражались, «застраховывали» себѣ позволеніе «потянуть», т. е. получить окурокъ.

Первый «страхователь» получалъ на половину докуренную папироску—«бычекъ»; второй окурокъ, носившій названіе «потягачка», доставался слѣдующему по очереди, и, наконецъ, какой-ниб. запоздалый «страхователь», по пословицѣ «Sero venientibus ossa», долженъ былъ довольствоваться «кидачкой», мизернымъ огрызкомъ папироски, котораго хватало на двѣ-три затяжки.

И вотъ, подобравшись иной разъ потихоньку къ дверямъ «клуба», когда «махальные» зазѣвались и «проморгали» приближеніе начальства, М. Д—ычъ останавливался у входа съ поднятымъ хлыстомъ и прежде всего грознымъ окрикомъ приводилъ въ страхъ и трепетъ все почтенное собраніе клубмэновъ, а затѣмъ приказывалъ всѣмъ выходить по-одиночкѣ, награждая тутъ же каждаго ударомъ хлыста. Ученики старались обыкновенно прошмыгнуть мимо такъ, чтобы избѣжать удара, и спектакль получался довольно забавный. М. Д. довольствовался, большею частью, удачной ловлей и не прибѣгалъ къ другимъ наказаніямъ.

Во всякомъ случаѣ, смотрителя боялись больше, чѣмъ кого-либо другого изъ нашего педагогическаго персонала. Помню, какого страха натерпѣлся я однажды. Затѣяли мы разыграть въ классѣ архіерейское служеніе. Нарядили одного изъ товарищей, С—ча, нынѣ благополучно священствующаго, архіереемъ, наворотивъ на него нѣсколько «бурокъ», чтобъ казался толще, и перевязавъ его шарфами, и поставили на столъ. Архіерей нашъ, пыхтя подъ тяжестью своихъ одеждъ, стоялъ на столѣ и благословлялъ насъ. Я изображалъ священника, другіе—кто діаконовъ, кто пѣвчихъ. Въ самый разгаръ «служенія» входитъ вругъ въ классъ М. Д—чъ. Всѣ бросились по мѣстамъ; я, стоявшій задомъ къ дверямъ, не успѣлъ скрыться и растерянно топтался на мѣстѣ, держа въ рукѣ кадильницу, устроенную изъ жестяного чайника; архіерей же такъ и застылъ на мѣстѣ, ибо безъ посторонней помощи не могъ двигаться. На всѣ разспросы М. Д—ча, архіерей, отъ страха лишившійся употребленія языка, безмолвствовалъ, неподвижно стоя на столѣ, и я долженъ былъ разсказать все. Должно быть, старикъ самъ хохоталъ въ душѣ, потому что, сдѣлавъ намъ

краткое внушеніе о неприличіи нашей выходки, ушелъ, приказавъ убрать «архіерея» со стола. Кажется, насъ даже не наказали.

Въ сущности, нашъ старикъ былъ очень добръ, и бурса какъ-то чувствовала его доброту, какъ чувствовала она его умъ и образованіе, и любила его. Я помню, какъ онъ вдругъ уѣхалъ куда-то лѣчиться и вернулся нескоро. Однажды по училищу разнеслась вѣсть, что пріѣхалъ М. Д—чъ. Ученики столпились во дворѣ и обступили его. Онъ сильно измѣнился, похудѣлъ, обросъ бородой и какъ-будто совсѣмъ не былъ похожъ на прежняго М. Д—ча. Онъ что-то говорилъ, и не какъ прежде, важно и торжественно, а какъ-то тихо, ласково и грустно. Я не могъ разслышать всего, но понялъ, что онъ прощался съ учениками, говорилъ о своей болѣзни и о томъ, что скоро совсѣмъ насъ покинетъ. Было что-то грустное и трогательное въ этомъ прощаньи: старикъ былъ растроганъ, тронуты были и ученики, и сожалѣніе о томъ, что онъ оставляетъ насъ, было искреннее и общее.

Вскорѣ онъ умеръ, и его мѣсто занялъ человѣкъ молодой и энергичный. Съ перемѣной смотрителя, бурса наша совлекла съ себя «ветхаго человѣка» и начала новую жизнь. Перейдя въ 4-ый классъ и пріѣхавъ послѣ каникулъ, я засталъ училище въ новомъ, съ иголочки, зданіи и обновленнымъ во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Я окончилъ курсъ въ 1877 году. По объему учебный курсъ училища равнялся приблизительно 4-емъ классамъ гимназіи. Учили насъ, какъ я сказалъ, порядочно, и мы получали, въ общемъ, вполнѣ удовлетворительное начальное образованіе. Но вотъ бѣда: по естествовѣдѣнію, какъ это, впрочемъ, было и въ гражданскихъ гимназіяхъ, познанія наши равнялись круглому нулю, и этотъ пробѣлъ не восполнялся и въ семинаріи

Чтобы поступить въ семинарію, нужно было подвергнуться въ августѣ испытанію. Почему семинарія не довѣряла нашимъ аттестатамъ и находила нужнымъ еще разъ экзаменовать насъ, трудно понять. Кромѣ несправедливости, это правило было нехорошо и въ томъ отношеніи, что совершенно лишало насъ необходимости отдыха, такъ какъ всѣ каникулы нужно было усиленно заниматься.

Какъ бы тамъ ни было, въ августѣ я сдалъ благополучно вступительный экзаменъ и былъ принятъ казенно-коштнымъ воспитанникомъ въ Одесскую духовную семинарію.

II.

Духовная семинарія.

Глава I-я.

Духовная семинарія, какъ извѣстно, есть учебное заведеніе для приготовленія будущихъ пастырей церкви.

Впрочемъ, въ то время, какъ я поступилъ въ Одесскую семинарію, еще не былъ изданъ циркуляръ, закрывшій семинаристамъ доступъ въ университеты безъ аттестатовъ зрѣлости, и, окончивъ четыре класса семинаріи, можно было, послѣ повѣрочнаго испытанія въ университетѣ, поступить на любой факультетъ; повѣрочное же испытаніе производилось чисто формальнымъ образомъ, и его выдерживали всѣ. Пятый и шестой классы семинаріи были спеціально богословскіе, и воспитанники этихъ классовъ назывались богословами.

Какъ же выполняла семинарія свою задачу?

О внѣшней сторонѣ я не буду распространяться. Содержали насъ, вообще говоря, прилично, хотя кормили опять-таки довольно скудно. Полагалось ѣсть два раза въ день: въ 2 часа обѣдъ, въ 8 час. ужинъ. Какъ тамъ ни говори, хотя бы и для будущихъ пастырей,—мало! Утромъ, какъ это ни странно, давали только по куску бѣлаго хлѣба и больше ничего. Вся семинарія дѣлилась на «компаніи» и распивала чаи на собственный счетъ. Были, однако, такіе горемыки (правда, немногіе), которые не имѣли ровно никакихъ средствъ, а къ товарищамъ изъ самолюбія не присоединялись, и потому никогда не пили чая. Но все остальное: помѣщеніе, одежда, обувь и проч. было вполнѣ приличное.

Перехожу собственно къ учебно-воспитательной сторонѣ.

Прямой своей задачи семинарія не выполняла, или выполняла только въ слабой степени уже потому, что громадное большинство (такъ, по крайней мѣрѣ, было въ Одесской семинаріи, да, кажется, и въ другихъ), и притомъ все лучшее, весь цвѣтъ семинаріи—все это уходило въ университетъ, по окончаніи четырехъ классовъ. Богословскіе классы были немноголюдны и пополнялись «начетчиками», т. е. молодыми, а иногда и почтеннаго возраста, людьми, пробывшими нѣсколько лѣтъ въ должности псаломщиковъ и поступавшими прямо въ 5-ый классъ семинаріи по особому, очень облегченному экзамену. Богословы, какъ люди солидные и притомъ уже избравшіе себѣ опредѣленную дорогу, держались нѣсколько особнякомъ отъ остальной братіи; начальство, разумѣется, къ нимъ благоволило и всячески имъ покровительствовало.

Курсъ ученія въ первыхъ четырехъ классахъ назывался общеобразовательнымъ; по объему онъ,—разумѣется, если взять въ разсчетъ и четыре класса училища,—приблизительно равнялся 8-ми классному гимназическому курсу; но только приблизительно, такъ какъ разница въ программахъ по отдѣльнымъ предметамъ,—въ особенности же по математикѣ, которая вообще въ семинаріяхъ проходилась слабо,—была довольно существенная. Впрочемъ, дѣло было не столько въ разницѣ программъ, сколько въ требованіяхъ и въ общемъ учебномъ строѣ гимназій и семинарій, о чемъ я нѣсколько подробнѣе скажу ниже. Строгой регламентаціи преподаванія въ семинаріи не было: учитель не былъ рабомъ программы, какъ въ гимназіи, и могъ вести свое дѣло болѣе свободно и болѣе спокойно, не опасаясь, что его привлекутъ къ отвѣтственности за какой-нибудь непройденный союзъ въ грамматикѣ древнихъ языковъ или за какое-либо видоизмѣненіе въ учебномъ планѣ того или другого предмета. Такимъ образомъ, личность преподавателя имѣла весьма существенное значеніе въ общемъ ходѣ и успѣшности учебнаго дѣла.

Въ мое время между преподавателями Одесской семинаріи было нѣсколько замѣчательныхъ личностей, и я считаю нелишнимъ остановиться на воспоминаніи о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Учителемъ латинскаго языка былъ Сергѣй П-чъ С-евъ, или, какъ его называли семинаристы, просто, «Сережка».

Длинный, худой, съ рыжей бородкой и вѣчно смѣющимися зеленоватыми глазками, вертлявый и юркій, несмотря на свой высокій ростъ, онъ былъ скорѣе похожъ на ярославскаго разбитного малаго, приказчика изъ магазина, чѣмъ на педагога. Тѣмъ не менѣе, свой предметъ онъ зналъ и велъ дѣло хорошо. Онъ не морилъ насъ различными тонкостями грамматическаго анализа, на что такіе великіе мастера были братья-чехи въ гимназіяхъ, а главное вниманіе обращалъ на переводъ авторовъ. Прекрасно владѣя языкомъ, онъ требовалъ и отъ насъ хорошаго изложенія и тщательно исправлялъ всякія неправильности, которыми изобилуетъ наша южно-русская рѣчь. Преподаваніе свое онъ пересыпалъ остротами, каламбурами, былъ съ учениками за панибрата, вступалъ охотно въ бесѣду, не имѣющую отношенія къ уроку, и все таки успѣвалъ дѣлать дѣло. Я былъ его ученикомъ три года (потомъ онъ умеръ), и хотя въ 4-мъ классѣ уже ничего не дѣлалъ по латинскому языку (преподаватель, замѣнившій С--ва, былъ изъ рукъ вонъ плохъ, изучилъ его настолько основательно, что держалъ экзаменъ зрѣлости, почти не приготовляясь по этому предмету. Среди учениковъ онъ пользовался большою популярностью, и стоило ему показаться въ семинаріи, въ свободные часы, какъ его тотчасъ окружали толпой и вступали съ нимъ въ непринужденную бесѣду. Его неожиданная смерть возбудила всеобщее сочувствіе и сожалѣніе.

Учителей греческаго языка было два: въ первомъ и въ двухъ богословскихъ классахъ преподавалъ протоіерей о. Егоръ П-ко, въ остальныхъ Ник. Ив. Бр--овъ.

«Волна и камень, стихи и проза, ледъ и пламень не столь различны межъ собой», какъ были различны эти два преподавателя.

О. Егоръ былъ личность въ высшей степени замѣчательная. Прежде всего была замѣчательна его наружность. Это былъ старикъ, высокаго роста, немного сутуловатый, съ громадною, совершенно бѣлою бородою, съ бѣлыми же нависшими бровями,

придававшими лицу его суровый видъ. Выступалъ онъ всегда какъ-то торжественно, широкимъ и твердымъ шагомъ, немного опустивъ голову, и сурово глядѣлъ на всѣхъ исподлобья. Всматриваясь, однако, въ его глаза, легко можно было замѣтить, что подъ этою суровостью кроется чистѣйшее добродушіе и скрытый, настоящій хохлацкій юморъ. Онъ обладалъ большимъ умомъ и разносторонностью познаній: въ мое время онъ преподавалъ, кромѣ греческаго, еще еврейскій яз. (необязательный предметъ), а прежде читалъ богословіе въ старшихъ классахъ, и священное писаніе, и логику, и латинскій языкъ, который, какъ и греческій, зналъ въ совершенствѣ, и еще что-то. Это былъ одинъ изъ «остальныхъ изъ стаи славной» питомцевъ старой академіи, которые съ спеціальнымъ богословскимъ образованіемъ соединяли и солидное общее образованіе, и превосходное знаніе древнихъ языковъ. Оригиналъ о. Егоръ былъ необыкновенный. Всѣмъ, не говоря уже объ ученикахъ, учителямъ, о. инспектору и, кажется, даже ректору онъ говорилъ «ты». Уваженіе, которымъ онъ пользовался, давало ему право на эту вольность. Какъ учитель, однако, онъ давалъ намъ немного. По старости своей и по хохлацкой лѣни, онъ тяготился преподаваніемъ и велъ дѣло спустя рукава. Переводили мы кое-какъ, съ неизмѣнною помощью подстрочника, листы котораго часто вкладывали въ книгу, Anabasis Ксенофонта, да изрѣдка писали переводы съ русскаго на греческій яз., для чего предлагался обыкновенно перефразированный текстъ того же Anabasis'a; въ грамматику же и не заглядывали.

Благодаря снисходительности о. Егора, въ классѣ никто почти ничего не дѣлалъ. Но за то на урокахъ его зачастую бывало преинтересно и превесело! Придравшись къ первому случаю, онъ откладывалъ переводъ въ сторону и начиналъ намъ разсказывать... Чего-чего только не разсказывалъ онъ! Тутъ были и греческіе философы, и исторія, и личныя воспоминанія о суровой старой бурсѣ, и подшучиванье надъ бурсой современной и проч. и проч. И разсказывалъ онъ великолѣпно, картинно, живописно, сопровождая свои разсказы выразительной мимикой и жестикуляціей и приправляя ихъ такимъ перцемъ малороссій-

скаго юмора, что стѣны класса просто дрожали отъ нашего хохота. И все это продѣлывалъ онъ серьезно, даже сурово, иногда гнѣвно покрикивая на насъ, если ужъ мы развеселялись не въ мѣру. На урокахъ у него мы чувствовали себя, какъ дома, весело и непринужденно. Иной разъ, во время перевода или разсказа, о. Егоръ вдругъ останавливался и начиналъ прислушиваться... Въ классѣ тотчасъ воцарялась мертвая тишина, издалека ясно доносились звуки военной музыки, все приближавшіеся: по улицѣ, мимо семинаріи, проходилъ полкъ. Моментально всѣ выскакивали изъ-за партъ и бросались къ окнамъ, предоставляя первое мѣсто о. Егору, большому любителю такихъ зрѣлищъ. Полкъ проходилъ; звуки марша замирали въ отдаленіи, а о. Егоръ все еще стоялъ, погруженный въ задумчивость; потомъ вдругъ окидывалъ насъ взглядомъ и, насупивъ брови, придавъ лицу свирѣпое выраженіе, восклицалъ: «Это, просто, что за безобразіе! Маршъ по мѣстамъ!» Надо замѣтить, что черезъ четыре слова къ пятому о. Егоръ пристегивалъ словечко «просто».

Таковъ то былъ милѣйшій о. Егоръ. Про него всѣ говорили, что онъ былъ человѣкъ въ высшей степени самостоятельный и независимый и держалъ себя съ большимъ достоинствомъ со всѣми архіереями. Онъ былъ магистръ академіи.

Совсѣмъ въ иномъ родѣ былъ другой нашъ «грекъ» Ник. Ив. Бр-овъ. Онъ былъ грозою семинаріи и предметомъ общей, единодушной ненависти. Это былъ какой-то маньякъ, человѣкъ полусумасшедшій. Никто не зналъ его прошлаго, да и настоящая жизнь его была окутана туманомъ: мы не знали, гдѣ его квартира, какова его домашняя обстановка, женатъ ли онъ, или холостъ. На улицахъ онъ никогда не показывался и зналъ только дорогу въ семинарію, куда являлся на уроки съ поразительною аккуратностью, пропуская $1^1/_2$ минуты послѣ звонка. Мы часто провѣряли: $1^1/_2$ минуты, ни больше, ни меньше! Одѣтъ онъ былъ всегда въ потертый черный сюртукъ, застегнутый наглухо, безъ признаковъ бѣлья, штанишки коротенькія, обтрепанныя. Онъ былъ маленькаго роста, голову держалъ всегда опущенною внизъ и только изрѣдка взглядывалъ на насъ мутнымъ и злобнымъ

взглядомъ. Весь онъ напоминалъ какую-то ядовитую гадину; все человѣческое въ немъ какъ будто замерло; улыбка никогда не озаряла его лица, лишь изрѣдка на немъ появлялось что-то вродѣ злобной усмѣшки.

Но надо отдать ему справедливость: греческій языкъ онъ зналъ превосходно и, кажется, жилъ и дышалъ только греческимъ языкомъ. Онъ благоговѣлъ передъ героями «Иліады» и «Одиссеи», выражался о нихъ всегда съ особеннымъ почтеніемъ, особо торжественнымъ стилемъ, а въ греческихъ боговъ, кажется, вѣрилъ и поклонялся имъ. Онъ и насъ заставлялъ (но тщетно!) проникаться благоговѣніемъ къ гомеровскому эпосу и въ переводахъ преслѣдовалъ простоту языка: даже о собакѣ Одиссея нельзя было сказать, что она издохла,—«снизошла въ Аидъ»! Грамматику у него не учили, а просто ѣли, зазубривая не на животъ, а на смерть всякія исключенія, неправильные глаголы, союзы и проч.

Строгъ онъ былъ до крайности: высшимъ балломъ у него была тройка, которую имѣли, однако, всего три-четыре человѣка въ классѣ, остальные—двойки и единицы, «единицы съ небольшимъ», какъ выражался Ник. Ив., т. е. $1^1/_4$, $1^1/_2$ и т. п., и нули.

«Вы, гашпадинъ,—говорилъ онъ шепелявя и не называя по фамиліи, а всегда «гашпадинъ»,—сегодня лучше: вчера вамъ была единица; сегодня единица съ небольшимъ»,—и ставилъ $1^1/_4$.

Можно себѣ представить, какъ чувствовали, съ одной стороны, мы себя, послѣ блаженства у о. Егора, а съ другой, какъ чувствовалъ себя Ник. Ив., выслушивая наши отвѣты и, поражаясь нашимъ невѣжествомъ. Иной разъ онъ схватывалъ себя за голову и произносилъ, морщась, какъ отъ сильной боли: «О невѣжество! о позоръ!»—и ставилъ нули. Начальство, разумѣется, хорошо знало Ник. Ив-ча и знало, что если ему дать волю, то онъ пропуститъ въ слѣдующій классъ не болѣе пяти человѣкъ, а потому представителемъ экзаменаціонной комиссіи неизмѣнно назначало о. Егора. И тутъ получался великолѣпный спектакль.

О. Егоръ, пользуясь правомъ предсѣдателя, приглашалъ себѣ въ ассистенты обыкновенно своего друга и пріятеля, ученаго протоіерея В—скаго, добряка и оригинала, и они вдвоемъ производили просто чудеса.

Предъ началомъ экзамена Бр—овъ разложитъ нѣсколько кучекъ билетовъ: въ одной кучкѣ вопросы изъ этимологіи, въ другой синтаксисъ, въ третьей авторъ и т. д. Ученикъ выходитъ отвѣчать и беретъ изъ каждой кучки по билету.

— Ты это, просто, что дѣлаешь?—вопрошаетъ о. Егоръ, какъ бы недоумѣвая.

— Беру билеты по тремъ отдѣламъ,—говоритъ ученикъ, уже предвидя потѣху.

— Будетъ съ тебя и одного билета: этакъ мы, просто, ночевать тутъ будемъ, что ли? Неправда ли?—обращается онъ къ ассистенту.

— Конечно, конечно,—покашливая, тоненькимъ голоскомъ подтверждаетъ о. В—скій.

Блѣдный отъ злобы, Бр—овъ пробуетъ протестовать, но напрасно.

На экзаменѣ о. Егоръ не даетъ разойтись Бр—ову и съ двухъ-трехъ словъ отправляетъ на мѣсто.

Случалось, что Бр—овъ, не помня себя, ловилъ учениковъ за фалды и удерживалъ у стола, чтобы задать еще вопросъ; но, наконецъ, видя, что всѣ усилія тщетны, погружался въ какую-то апатію и только лѣпилъ безъ милосердія въ свой списокъ нули и единицы.

Экзаменъ конченъ. Начинается выставка балловъ.

— У васъ сколько?—спрашиваетъ о. Егоръ Бр—ова.

— У меня единица!

— Чудеса! А у меня, просто, три! А у васъ?—къ В—скому.

— А у меня четыре, преспокойно, съ неизмѣннымъ покашливаніемъ, отвѣчаетъ добрѣйшій протоіерей.

Бр—овъ подпрыгиваетъ на стулѣ, какъ ужаленный.

Выводятъ тройку.

Эта потѣха повторялась изъ года въ годъ неизмѣнно, и неизмѣнно, послѣ экзамена. Бр—овъ подавалъ жалобу на о. Егора въ правленіе семинаріи. Но правленіе только посмѣивалось...

Безпрестанно жаловался Бр—овъ и на учениковъ: тотъ не умѣетъ сидѣть въ классѣ, тотъ нагрубилъ ему, тотъ не поклонился и проч. Одинъ разъ онъ хотѣлъ посадить въ карцеръ даже сторожа. Это было такъ.

Въ самый разгаръ урока, когда шла рѣчь о доблестяхъ Одиссея, въ классъ вдругъ вошелъ зачѣмъ-то сторожъ. Онъ недавно поступилъ на службу и не зналъ, что въ классъ, во время урока, входить нельзя. Ник. Ив. счелъ это величайшимъ святотатствомъ. Онъ такъ зашипѣлъ на сторожа, что тотъ вылетѣлъ сейчасъ же, какъ пуля, при громкомъ хохотѣ всего класса. Б—овъ страшно поблѣднѣлъ отъ злобы и послалъ дежурнаго за инспекторомъ. Явился о. инспекторъ. Б—овъ долго объяснялъ ему проступокъ сторожа и наше неприличное поведеніе и, въ заключеніе, спросилъ, нельзя ли и его, и насъ наказать. О. инспекторъ отвѣтилъ, что насъ накажетъ, а сторожу сдѣлаетъ выговоръ. «А нельзя ли и его въ карцеръ?»—неожиданно спросилъ Ник. Ив. Мы всѣ опять такъ и покатились отъ хохота, на этотъ разъ съ безмолвнаго согласія о. инспектора, который самъ прыснулъ и, махнувъ рукой, ушелъ.

Съ каждымъ годомъ нашъ Ник. Ив—чъ бѣсился и свирѣпствовалъ все больше и больше, сильнѣе и сильнѣе, и сдѣлался, наконецъ, совершенно невыносимъ и для учениковъ, и для начальства. Должно быть, его постарались сплавить, потому что внезапно, незадолго передъ экзаменами, онъ вдругъ былъ переведенъ въ П—въ. Всѣ ликовали и торжествовали.

Въ какой-то праздничный день была устроена веселая экскурсія за городъ, въ рощу; тамъ поставили въ сѣни деревъ каменную плиту и сдѣлали соотвѣтствующую надпись на греческомъ языкѣ: это была эпитафія Бр—ву; тутъ же убили маленькую змѣю и отправили ее потомъ посылкою въ П—въ, на имя Б—ва. Радость наша усугубилась еще и тѣмъ, что занятія съ нами и выставленіе годичныхъ балловъ было поручено нашему

милому о. Егору. Трудно описать, съ какимъ искреннимъ восторгомъ встрѣтили мы о. Егора, когда, въ первый разъ послѣ изгнанія Бр—ва, онъ вошелъ къ намъ въ классъ! О. Егоръ отлично понималъ наше состояніе и, противъ обыкновенія, не морща своего чела, а улыбаясь намъ слегка насмѣшливой улыбкой, онъ взошелъ на каѳедру, остановился, окинулъ насъ взглядомъ и, при воцарившейся тишинѣ, поднявъ руку вверхъ, торжественно продекламировалъ:

Плачьте, нимфы: нѣтъ Орфея!

Боже мой, какимъ оглушительнымъ хохотомъ загрохоталъ нашъ классъ при этомъ поэтическомъ намекѣ на освобожденіе наше отъ Бр—скаго ига!

Занятій, разумѣется, не было, а было сплошное веселое времяпрепровожденіе, благодаря неистощимому запасу разсказовъ и остротъ о. Егора. Для очистки совѣсти, мы, впрочемъ, переводили «Иліаду» и «Одиссею», и тутъ-то какъ нельзя болѣе сказалась діаметрально-противоположная разница воззрѣній нашихъ двухъ преподавателей на гомеровскій эпосъ. Боги и герои были безжалостно совлечены со своихъ пьедесталовъ и предстали предъ нами, къ общему удовольствію и потѣхѣ, въ комическомъ видѣ; торжественно-напыщенный стиль нашихъ переводовъ замѣнился простымъ, безыскусственнымъ, иногда даже грубоватымъ языкомъ. О. Егоръ не признавалъ ни царей, ни героевъ, ни «пышныхъ одеждъ», ни «благовонныхъ маслъ».

— Яки тамъ цари?—говорилъ онъ намъ на чистѣйшемъ малороссійскомъ нарѣчіи. «Яки тамъ цари»? Ἄναξ—то, просто, пастухъ, а не царь! Яке тамъ благовонне масло? То, просто, дёготь: ваши ἀναξ'ы имъ мазалысь, щобъ ихъ вошы не йилы»! Нечего и говорить, что всѣ эти комментаріи встрѣчались всеобщимъ одобреніемъ и съ одушевленіемъ принимались къ свѣдѣнію.

Иногда мы пытались щегольнуть предъ о. Егоромъ пріобрѣтеннымъ у Бр—ва знаніемъ различныхъ тонкостей употребленія какого-нибудь сослагательнаго или желательнаго наклоненія съ частицею ἄν и выпаливали наизусть цѣлыя тирады изъ учебника

со всѣми примѣчаніями, замѣчаніями Бр--ва и примѣрами. О. Егоръ, вообще не долюбливавшій грамматики, выслушивалъ насъ съ видомъ недоумѣнія и потомъ, махнувъ рукой, говорилъ: «Садись, просто! Что за чепуху ты несешь»!

Затѣмъ о. Егоръ объявилъ намъ, какъ онъ поступитъ съ нашими годичными баллами: единицы будутъ обращены въ тройки, двойки—въ четверки; нулямъ придется остаться въ двойкахъ, но была обѣщана помощь и поддержка на экзаменѣ.

— Но тутъ у васъ, замѣтилъ въ заключеніе о. Егоръ, есть четыре человѣка, имѣющіе по тройкѣ. То, просто, уже, должно быть, какіе-нибудь Демосѳены! Гдѣ они?

Четыре «Демосѳена», въ числѣ коихъ былъ и я, вытянулись на своихъ мѣстахъ. О. Егоръ объявилъ, что изъ благоговѣнія къ нашимъ познаніямъ, онъ не осмѣлится насъ спрашивать, а прямо поставитъ намъ за годъ по пятеркѣ и, полюбовавшись нашими греческими физіономіями, посадилъ насъ. До Демосѳеновъ намъ, разумѣется, было далеко; но скажу о себѣ, что греческую грамматику у Бр—ва я изучилъ дѣйствительно хорошо и сохранилъ это знаніе надолго. Готовясь впослѣдствіи къ экзамену зрѣлости, я по греческому языку почти не занимался.

Изъ другихъ педагоговъ слѣдуетъ отмѣтить преподавателя гражданской исторіи, протоіерея о. Ѳедора Т—скаго. Это былъ человѣкъ очень умный и знающій. Онъ былъ не рѣчистъ, рѣчь его не отличалась плавностью; но въ разсказахъ его было столько интересныхъ подробностей, онъ говорилъ всегда съ такимъ увлеченіемъ и такъ умѣло обрисовывалъ личности и эпохи, что его просто заслушаться можно было. Шедеврами были у него разсказы о Неронѣ и объ Александрѣ I-омъ. Однако, его почти никто не слушалъ. На его урокахъ занимались приготовленіемъ другихъ уроковъ, спали, даже играли въ шашки и пили чай. И ничего этого онъ не замѣчалъ, или не хотѣлъ замѣтить. Причиной такого отношенія учениковъ къ занятіямъ была доброта и слабость о. Ѳедора, какъ преподавателя: онъ очень рѣдко спрашивалъ уроки и никогда не ставилъ неудовлетворительныхъ балловъ. На экзаменахъ выѣзжали, благодаря мошенничеству

съ билетами. Однако, тотъ, кто внимательно слушалъ уроки о. Ѳедора и желалъ учиться, могъ, дѣйствительно научиться у него многому.

Слабо было поставлено въ семинаріи преподаваніе математики и физики,—и не потому, чтобы учителя были плохіе; напротивъ, преподаватель математики, К. И. Ф—тъ, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ и учителемъ гимназіи, велъ дѣло вполнѣ добросовѣстно, а преподаватель физики В—рь, въ то время лаборантъ, а нынѣ профессоръ университета, былъ знатокомъ своего предмета и блестяще преподавалъ его. Но количество уроковъ для этихъ предметовъ было недостаточное, и пройти полный курсъ было невозможно. Физику мы изучали только въ одномъ 4-омъ классѣ, при 3-хъ, кажется, урокахъ, и успѣли пройти только нѣкоторые отдѣлы, и то почти безъ опытовъ, потому что физическій кабинетъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ; въ математикѣ тоже остались большіе пробѣлы.

Во всякомъ случаѣ, въ другихъ семинаріяхъ дѣло обстояло, какъ мнѣ не разъ приходилось слышать, гораздо хуже. Воспитанникъ одной изъ сѣверныхъ семинарій разсказывалъ мнѣ, что у нихъ математику и физику преподавалъ кандидатъ духовной академіи, который самъ очень мало смыслилъ въ этихъ наукахъ. Открывая въ 1-омъ классѣ курсъ алгебры, онъ, съ первыхъ же словъ, старался увѣрить своихъ слушателей, что алгебра вещь пустая и вовсе немудреная. «Что это за наука?—говорилъ онъ. A+b—сложеніе, кончено! A—b — вычитаніе, кончено! Вотъ вамъ два алгебраическія дѣйствія»! Разумѣется, отъ такого преподаванія въ головахъ слушателей ничего не оставалось.

Вообще же, кромѣ математики, такъ называемый общеобразовательный курсъ семинаріи, какъ я уже упомянулъ, былъ довольно близокъ къ гимназическому; правда, семинаристы почти совершенно не знали новыхъ языковъ, потому что учились имъ въ теченіе только двухъ лѣтъ, да и то кое-какъ; но вѣдь и въ гимназіяхъ преподаваніе этихъ предметовъ было поставлено очень жалко. Можно сказать съ увѣренностью, что научный багажъ «средняго» семинариста и «средняго» же гимназиста былъ приблизительно

одинаковъ; что же касается общаго развитія, то въ этомъ отношеніи семинаристы не только не уступали гимназистамъ, но прямо превосходили ихъ. Говорю это по опыту, потому что, выйдя изъ семинаріи и приготовляясь къ экзамену зрѣлости, я близко узналъ гимназическую среду; впослѣдствіи же около 12 лѣтъ былъ преподавателемъ гимназіи въ періодъ Деляновскаго управленія министерствомъ. И тѣмъ не менѣе семинаристу было очень трудно выдержать пресловутый экзаменъ зрѣлости. Семинаристы, какъ и всѣ вообще экстерны, должны были экзаменоваться изъ всего гимназическаго курса, не исключая и тѣхъ предметовъ, по которымъ гимназисты не подвергались экзамену, напр.—по русскому языку, географіи, физикѣ, космографіи. Экзаменъ зрѣлости былъ, да и теперь еще остается, преимущественно испытаніемъ памяти; требовалось, слѣдовательно, возобновить и освѣжить въ памяти безпорядочную массу различныхъ свѣдѣній, отчасти наполовину, а отчасти и совершенно перезабытыхъ, да, кромѣ того, кое-что выучить заново. Главная же бѣда была въ томъ, что гимназія для семинаристовъ, представляла міръ совершенно невѣдомый, чуждый. Нелегко, конечно, доставался и гимназистамъ выпускной экзаменъ; но, все-таки, они въ гимназіи были у себя, дома, а дома, какъ говорится, и стѣны помогаютъ; они хорошо были знакомы съ требованіями школы; да, наконецъ, и преподаватели, какъ-никакъ, были для нихъ люди свои, готовые, хотя бы изъ собственныхъ разсчетовъ, чтобы не ударить передъ округомъ лицомъ въ грязь, оказать своимъ питомцамъ всякую поддержку, а подчасъ и поблажку. На экстерновъ же смотрѣли въ гимназіи или враждебно, какъ на лишнюю обузу, или, въ лучшемъ случаѣ, равнодушно.

Семинаристъ шелъ на экзаменъ въ гимназію, какъ въ темный лѣсъ, робко и неувѣренно, опасаясь, и не безъ основанія, что какой-нибудь педантическій чехъ сниметъ съ плечъ его буйную голову, и «не большой горой, а соломинкой», подставивъ ему подъ ножку либо хитроумное extemporale, котораго онъ никогда не писалъ, либо какой-ниб. conjunctivus prohibitivus, котораго онъ въ семинаріи «не проходилъ». Самая обстановка экза-

меновъ дѣйствовала обезкураживающимъ образомъ не только на экстерновъ, но и на учениковъ гимназіи. Считаю не лишнимъ вспомнить здѣсь, какъ я держалъ свой первый письменный экзаменъ зрѣлости по русскому языку.

Насъ ввели въ залъ и разсадили за отдѣльными столиками, на почтительномъ разстояніи другъ отъ друга. Ровно въ 9 часовъ (въ этотъ часъ, ни минутой раньше или позже, начинался экзаменъ во всѣхъ гимназіяхъ округа) вошла въ залу комиссія: директоръ, инспекторъ, преподаватель и два ассистента. Прежде всего директоръ прочелъ намъ нѣсколько параграфовъ гимназическаго устава, въ которыхъ излагался порядокъ экзамена, а также строго на строго, подъ страхомъ лишенія права продолжать испытаніе, запрещалась всякая, даже малѣйшая попытка къ несамостоятельности въ исполненіи письменной работы. Сдѣлавъ это зловѣщее вступленіе, далеко не бодрящимъ образомъ подѣйствовавшее на насъ, директоръ вынулъ изъ кармана пакетъ и, повертѣвъ его въ рукахъ, передалъ инспектору, тотъ—слѣдующему и т. д., пока пакетъ не обошелъ всѣхъ членовъ комиссіи. Это осматривали, цѣлы ли печати на конвертѣ. Впослѣдствіи, когда я самъ неоднократно участвовалъ въ этихъ комиссіяхъ, мнѣ всегда казалась комичной вся вышеописанная процедура, но тогда это безмолвное ощупываніе пакета не казалось смѣшнымъ, а, напротивъ, дѣлалось какъ-то жутко и тоскливо.

Какъ извѣстно, нерѣдки были случаи обмана и подкупа, чтобы добыть заранѣе темы, которыя изготовлялись въ округѣ и для всѣхъ гимназій были однѣ и тѣ же. Помню, что и у насъ собирали по 14 рублей съ человѣка для этой цѣли, но дѣло почему-то не выгорѣло. Во всякомъ случаѣ, процедура осматриванія пакетовъ была совершенно безцѣльна и представляла изъ себя великолѣпный образчикъ педагогическаго бюрократизма.

Обнюхавши пакетъ, вскрыли его и, къ удивленію нашему, извлекли оттуда другой, только поменьше, но покрытый, такъ же, какъ и первый, печатями. Пощупавши и его, добыли, наконецъ, тему, покоившуюся, подобно кашеевой смерти, за двѣнадцатью печатями. Тема была слѣдующая: «Законность и строгій порядокъ

въ школьномъ воспитаніи; ихъ значеніе для будущей жизни воспитывающихся и средства, какими удобнѣе достигнуть осуществленія ихъ въ школѣ». Эта странная, трехъэтажная и не совсѣмъ складно выраженная тема привела насъ въ немалое смущеніе. Но я владѣлъ перомъ недурно и, мысленно поставивъ эпиграфъ къ своему сочиненію: «еже писахъ, писахъ», принялся строчить, подъ зоркими взглядами стороживщей насъ комиссіи. Выходить можно было только по крайней надобности, и то въ сопровожденіи надзирателя; сидѣть было какъ-то неловко; самочувствіе было отвратительное... Просидѣвъ пять часовъ и написавъ листа два какой-то белиберды (положительно не помню, что я писалъ; да и что могъ написать на эту тему юноша, хотя бы и «зрѣлый?»), я вышелъ, шатаясь отъ усталости, и съ наслажденіемъ глотнулъ свѣжаго воздуха, ибо въ залѣ было нестерпимо душно, а оконъ не позволяли открывать изъ опасенія какихъ-либо недозволенныхъ манипуляцій, въ родѣ подбрасыванія «шпаргалокъ». Я былъ совершенно подавленъ и долго не могъ придти въ себя... Неудивительно, что между семинаристами находилось немного охотниковъ рисковать своею судьбой въ погонѣ за аттестатомъ зрѣлости.

Глава II-я.

Перехожу теперь собственно къ воспитательной сторонѣ и къ изображенію внутренней жизни семинаріи.

Воспитывая будущихъ пастырей церкви, семинарія, естественно, должна была заботиться о томъ, чтобы сдѣлать насъ людьми религіозными. Она и старалась достигнуть этого,—но мѣрами чисто-внѣшними. Насъ водили въ церковь (церковь была своя, домовая) подъ праздники и въ праздники, заставляли говѣть два раза въ великомъ посту, на первой и на послѣдней недѣлѣ, кормили постнымъ по средамъ и пятницамъ, и проч., какъ полагается. Извѣстно, однако, что такими мѣрами трудно привить религіозность; скорѣе можно достигнуть обратныхъ результатовъ,

какъ это и наблюдается сплошь и рядомъ, напр., въ пансіонахъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ другой стороны, духъ времени тогда былъ такой, что религіозныхъ людей между семинаристами было немного; большинство къ религіи относилось или равнодушно, или отрицательно. Тѣмъ не менѣе, когда былъ изданъ циркуляръ, закрѣпостившій семинаристовъ, богословскіе классы сразу наполнились и тѣми, кто мечталъ объ университетѣ, и многимъ изъ вольнодумцевъ и отрицателей пришлось поневолѣ сдѣлаться священниками. Нѣкоторые, однако, пытались бороться съ судьбой, но большею частью неудачно. Я помню, одинъ изъ моихъ товарищей, не считавшій возможнымъ, по своимъ убѣжденіямъ, сдѣлаться священникомъ, вышелъ изъ семинаріи, въ надеждѣ какъ-нибудь попасть въ университетъ. Въ университетъ онъ не попалъ и, прошатавшись года 2—3 безъ дѣла, поступилъ въ псаломщики при какой-то сельской церкви. Прошло нѣсколько лѣтъ. Однажды село это посѣтилъ архіепископъ Н—ръ, произвелъ подробную ревизію и остался очень доволенъ псаломщикомъ: читаетъ въ церкви прекрасно, отвѣчаетъ на вопросы очень толково, вообще видно, что человѣкъ дѣльный и способный. Пошли разспросы, гдѣ учился, почему не кончилъ курса и т. п. Выслушавъ откровенный разсказъ нашего псаломщика, преосвященный сказалъ ему: «Остепенись, женись и просись»! Бѣдняга остепенился уже давно; ему оставалось только жениться, что́ онъ и сдѣлалъ, не откладывая въ долгій ящикъ, и вскорѣ же былъ рукоположенъ въ священники.

При такомъ настроеніи умовъ,—хотя, можетъ быть, оно и не было достаточно глубокимъ и серьезнымъ,—требованія внѣшней религіозности и благочестія являлись для многихъ тяжелой обузой, и уклоненіе отъ этихъ требованій было въ семинаріи обычнымъ. Къ чести нашего начальства, нужно сказать, что въ такихъ случаяхъ оно примѣняло обыкновенно то же архипастырское внушеніе: «Остепенись!», или обычное наказаніе, какъ оставленіе безъ отпуска, пониженіе балла за поведеніе и т. п., не прибѣгая къ особымъ, крутымъ мѣрамъ,—и слава Богу! Сколько молодыхъ жизней могло бы, при иномъ отношеніи, быть загублено понапрасну!

Духъ времени отражался весьма замѣтнымъ образомъ и на всемъ строѣ внутренней, интимной жизни семинарскаго товарищества.

Предполагается, обыкновенно, что въ закрытыя учебныя заведенія не долженъ проникать никакой «духъ» извнѣ,—на то, молъ, они и закрытыя! Но это чистѣйшее заблужденіе. Возьмите исторію внутренней жизни любого закрытаго учебнаго заведенія и вы увидите въ ней вѣрное отраженіе современной эпохи. Это можно замѣтить даже въ наиболѣе, такъ сказать, закрытыхъ заведеніяхъ, каковы женскіе институты. Да и можетъ ли быть иначе? Есть тысячи путей, по которымъ вѣяніе окружающей жизни незамѣтными струйками проникаетъ сквозь самыя толстыя стѣны интернатовъ.

Были времена, когда семинаристы увлекались «чистою поэзіей», заводили толстые «альбомы» и тщательно вписывали въ нихъ стихи Жуковскаго и Пушкина; времена перемѣнились, и новыя поколѣнія семинаристовъ стали заполнять страницы своихъ альбомовъ выдержками изъ рѣчей Лассаля, памфлетовъ Герцена и статей «Колокола» и «Полярной Звѣзды».

Въ мое время такихъ «альбомовъ» въ семинаріи не водилось, но читали семинаристы очень много. Существовалъ, такъ сказать, общій рецептъ чтенія, который предлагался старшими товарищами всякому новичку, желавшему пріобрѣсти «идейное развитіе». Первыми развивателями новичковъ, поступавшихъ въ семинарію изъ духовныхъ училищъ, являлись обыкновенно «старички», т. е. оставшіеся на второй годъ въ первомъ классѣ; они смотрѣли на своихъ новыхъ товарищей немножко свысока и покровительственно, какъ на неотесанную деревенщину, которую надо было еще научить уму-разуму.

— Бокля читалъ?—огорашивалъ какой-нибудь бойкій «старичокъ» совсѣмъ еще юнаго, неопытнаго новичка.

— Бокля? Какого Бокля?—недоумѣвалъ новичокъ.

— А Спенсера?

— Нѣтъ, не читалъ.

— А Дарвина?—не унимался «старичокъ».

— Н-н-нѣтъ!

— Эге, да ты, братъ, еще совсѣмъ младенецъ!

И «младенецъ» принимался за чтеніе и добирался понемногу и до Бокля, и до Спенсера.

Интересовались преимущественно общественными науками и естествознаніемъ, которое открывало семинаристамъ совершенно новый для нихъ міръ природы; зачитывались, конечно, и беллетристикой. Особенно охотно читались сочиненія Рѣшетникова, Левитова, Наумова и др. писателей, изображающихъ народную жизнь, а также романы Михайлова-Шеллера и Шпильгагена; большою популярностью, помню, пользовался романъ Швейцера «Эмма», растрепанный экземпляръ котораго, неизвѣстно кому принадлежавшій, постоянно ходилъ по рукамъ. Изъ журналовъ въ большомъ ходу были «Отечественныя Записки», въ которыхъ особенно живой интересъ возбуждали статьи Михайловскаго и сатиры Щедрина. Изъ поэтовъ читался, перечитывался и заучивался наизусть,—не въ классѣ, разумѣется,—Некрасовъ.

Ходили читать обыкновенно въ публичную библіотеку или добывали книги изъ частныхъ библіотекъ, или отъ знакомыхъ студентовъ, бывшихъ товарищей и т. п. Мы не были стѣснены строгой дисциплиной. Послѣ обѣда не только въ праздники, но и въ будни, мы уходили, куда хотѣли; можно было уйти и вечеромъ, лишь бы явиться къ перекличкѣ передъ вечерней молитвой. Иногда наша инспекція пыталась приструнить насъ, приказывала запирать калитку на ключъ и заводила какіе-то отпускные билеты, которые надо было показывать при выходѣ дворнику. Но эти «строгости» какъ-то не прививались... Проходила недѣля, другая, и калитка опять стояла открытою настежь, а дворникъ мирно дремалъ въ своей караулкѣ... За нашимъ чтеніемъ также никто не слѣдилъ; никто не допрашивалъ, какія книги читаешь, откуда берешь ихъ; вообще никогда никакого «сыска» начальство наше не производило. При такой системѣ жилось намъ легко и привольно. Впрочемъ, едва ли тутъ была какая-нибудь заранѣе намѣченная и обдуманная система; все дѣло за-

ключалось, кажется, въ личныхъ свойствахъ и качествахъ нашихъ воспитателей.

Ректоромъ семинаріи былъ протоіерей М. Ѳ. Ч. Онъ былъ человѣкъ очень умный, очень тактичный и... очень тонкій. О тактѣ и тонкости его свидѣтельствуетъ уже то обстоятельство, что онъ оставался неизмѣнно любимцемъ всѣхъ архіереевъ, управлявшимъ одесскою епархіею. А ихъ за многолѣтній періодъ ректорства о. М—ія перемѣнилось немало, и это были люди самыхъ различныхъ характеровъ, начиная отъ кроткаго, почти святого Д—ія и кончая кипучимъ и бурнымъ Н—омъ. Въ семинаріи о. ректоръ всегда былъ удивительно ровенъ и спокоенъ. Если случалось ему выйти изъ себя и обмолвиться горячимъ словомъ, то объ этомъ долго говорили, какъ о чемъ-то необычайномъ. Съ нами онъ былъ мягокъ и благосклоненъ, но держалъ насъ всегда на почтительномъ разстояніи и, вообще, мало вмѣшивался въ нашу жизнь, предоставивъ дѣло воспитанія почти всецѣло о. инспектору; тѣмъ не менѣе, всѣ чувствовали, что главою семинаріи былъ именно онъ.

Инспекторомъ былъ протоіерей А. С—въ. Добрѣйшая душа былъ нашъ о. инспекторъ! Инспекторскихъ способностей у него не было ни на іоту, и онъ старался замѣнить ихъ напускною строгостью и ворчливостью, что выходило у него очень комично. Онъ былъ заика; но заикался какимъ-то особеннымъ манеромъ, произнося слова съ глубокимъ придыханіемъ и выкрикивая ихъ нараспѣвъ, сдавленнымъ и прерывающимся голосомъ. При богослуженіи этотъ недостатокъ у него почти не былъ замѣтенъ. Въ противоположность о. ректору, онъ былъ очень горячъ и вспыльчивъ. Вспылитъ, набросится на ученика, обругаетъ его, почему то всегда во множественномъ числѣ («лѣнтяи!», «свиньи!», «мерзавцы!» и т. п.), посулитъ ему Богъ вѣсть чего,—а черезъ минуту остынетъ, успокоится, уменьшитъ или вовсе отмѣнитъ наказаніе, а иногда чуть не извиняется.

Иной разъ, во время длиннаго вечерняго богослуженія, ученики начинаютъ, бывало, понемногу исчезать изъ церкви и собираются въ саду, покуриваютъ папироски, мирно бесѣдуютъ. О.

инспекторъ замѣтитъ, что ряды порѣдѣли, смекнетъ, въ чемъ дѣло, и отправляется «на охоту». Подобравъ рясу, онъ отважно пускается въ преслѣдованіе, стараясь хоть одного поймать на мѣстѣ преступленія. «Охота» обыкновенно оканчивалась полной неудачей для о. инспектора; но если ему удавалось невзначай схватить кого-либо за руку, восторгу его не было предѣловъ! Онъ съ торжествомъ тащилъ свою жертву къ фонарю, чтобы разсмотрѣть лицо, и потомъ всѣмъ разсказывалъ о своемъ успѣхѣ: «Вотъ какую крысу я поймалъ сегодня»!

Прозвище ему было «Савка»: почему и какъ онъ получилъ такое прозвище, не знаю, но оно какъ-то очень шло къ нему.

Старикъ давно уже умеръ, но память о немъ жива и теперь среди его бывшихъ воспитанниковъ. Товарищи мои, нынѣ большею частью священники, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, съ самымъ теплымъ чувствомъ поминаютъ покойнаго о. инспектора за его удивительную незлобивость и добродушіе.

Помощникомъ у него былъ нѣкто К—скій, человѣкъ ничтожный во всѣхъ отношеніяхъ и смирный, какъ овца. Прозывали его,—тоже не знаю почему,—«Ременецъ». Никто его, что называется, въ грошъ не ставилъ.

Естественно, что при такомъ начальствѣ семинаристы чувствовали себя «свободными гражданами» и жили припѣваючи: цѣлыми толпами уходили въ театръ, на бульваръ, любили посидѣть въ чайномъ трактирѣ или въ дешевой пивной.

И что же? При этой внѣшней свободѣ, въ семинаріи не было ни пьянства, ни другихъ тайныхъ пороковъ, обычныхъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Даже больше того: я положительно не помню, за время пребыванія своего въ семинаріи, ни одного случая проявленія среди воспитанниковъ нравственной испорченности или распущенности. Воспитательное вліяніе имѣло не начальство, а кругъ товарищей; общее же направленіе товарищества было доброе, гуманное. Благодаря отсутствію гнетущей власти полицейскаго надзора, ежовыхъ рукавицъ и т. п.,

всѣ чувствовали себя легко и бодро, а покидая семинарію, уносили доброе воспоминаніе о ней.

Въ 1881 году я оставилъ семинарію. Съ грустью прощаясь съ товарищами, я записалъ въ своемъ дневникѣ:

«Прощай семинарія! Добромъ всегда помяну тебя, потому что жилось, мыслилось и чувствовалось здѣсь привольно! Покладистое начальство, доброе товарищество, наши невинныя продѣлки и забавы, наши молодыя мечты и горячіе, подчасъ очень шумные, споры въ классахъ и спальняхъ, или въ семинарскомъ саду по вечерамъ, а то и въ поздній часъ ночи, первый пылъ юности и первыя увлеченія,—все было хорошо, обо всемъ буду вспоминать съ удовольствіемъ».

Ю. Г.

Степовый сокилъ.

I.

Весна була рання, дружна. Снигъ зійшовъ скоро, и степъ заразъ же почавъ зеленіты. Повіялы зи сходу суховіи й скоро жъ высушылы землю й обвіялы, обсмажылы облыччя степового люду. Де-не-де прокынувся видъ зимового сну чепурный, сывенькый ховрашокъ; вылизъ винъ зъ своеи темнои норы, продеръ за зиму заспани очи и свыснувъ першу свою писню, стовбчыкомъ ставшы на зазеленилому горбочку.

Весняна степова робота була саме въ роспали. Скризь, аждо далекого пивденного моря, люде краялы плугамы чорну вохку землю, кыдалы въ рыллю сухе золоте зерно и зубчастымы боронамы роспушувалы, чесалы й перечисувалы повне родючои сылы лоно земли. Тилькы вугильни шахты та зализноробни заводы курылы своимы чорнымы высоченнымы дымарямы, ховаючысь де-не-де по степовыхъ балкахъ, унykаючы по нызынахъ, або мріючы по шпыляхъ и ребрахъ гирськыхъ кряживъ. Тамъ не зналы ни зимы, ни весны. Тамъ, у надрахъ земли, довбалы й рвалы чорно-блыскучи вугильни пласты; тамъ, пиднявшы вугиль на поверхъ, перепаловалы ёго на матовый пиздрастый коксъ; тамъ, у велычезныхъ печахъ, такъ, якъ варыть добра господыня про свою семью у горщечку грецьку кашу, варылы-топылы жовте каминня—зализну руду. Зъ тыхъ печей, по проводахъ, биглы огняни струмни й застыгалы въ велычезныхъ штабахъ, и ножи краялы

ти гарячи, ще рожеви штабы на рельсы, якъ та жъ сама господыня крышыть у борщъ моркву.

Тамъ не помичалы ни звычайныхъ у тимъ краю суховіивъ, ни першого свысту ховрашка.

Кинчався вербный тыждень. У повитовому мисти на той часъ що-року бувавъ ярмарокъ, и теперъ по чорныхъ, ще незапорошеныхъ шляхахъ до ёго зъ усихъ краивъ по степу зъйиздылысь люде. Саме мисто лежало у лощыни, надъ маленькою ричкою, упъявшысь своимы будынкамы й хатамы у важкый, глеюватый грунтъ, урывшысь у ёго и пустывшы свое кориння геть на вси бокы по яркахъ и рудыхъ провалляхъ.

Ярмарокъ тилькы ще почынавсь. Люде зъйиздылысь, але торгу ще не було ніякого. На велыкому ривному майдани перекупкы дарма заклыкалы покупцивъ-селянъ, — ти ще не йшлы до ихъ столивъ зъ печеною рыбою, чахонью, оселедцямы, таранею, паляныцямы й бублыкамы и велыкымы мидянымы самоварямы,— такымы старымы й понивеченымы, що сказавъ бы—булы воны й нидъ Севастополемъ, и нидъ Плевною та и ще мабуть у якыхъ-сь невидомыхъ свитови, але важкыхъ баталіяхъ.

Покупци не йшлы до ихъ. Воны ще малы свій харчъ зъ дому.

Цыгане дарма гарцювалы киньмы й выгукувалы тежъ покупцивъ,—нихто не прыцинювався до ихъ баскыхъ, загодя добре набытыхъ пугамы, пужалнамы й чобитьмы коней. Ждалы, щобъ стала цина.

Сёгодня зъ-обидъ суховій ущухъ и подыхнуло зъ пивдня тепломъ й вохкистю. Надъ-вечиръ почавъ накрапаты дрибный и ривный дощыкъ. Люде сыдилы нидъ возамы. Мокри кони й волы жувалы вохку запашну солому, а собакы, що тежъ увъязалысь до ярмарку, скоса поглядалы на незнаныхъ имъ, новыхъ сусидъ, але лежалы смырно й поважно. Воны добре зналы, що булы не дома у себе, де-небудь у Крывій Балци, або у Семыхативци, а у повитовому мисти, де жывуть не прости мужыкы, а паны вельможни, що въ бильшости мають довжелезни, сами найналестынськи посы и бердычевськи пейсы.

Все було незнаёме,—и вулыци зъ возивъ, и сусиды. И тому то Рябкы, Сиркы, Шарыкы й инши селянськи дармогавы поводылыся смырно, поважно, зовсимъ навпакы своему звычаеви.

На майдани, посередъ ярмарку, булы навернени горы усякого краму. Тутъ булы: колеса, ночвы, горшкы, плугы, борoны, вiялкы, возы й сани, викна, видра и чавуны й инше добро. Тутъ же сыдивъ, закрывшысь кожухомъ, старый, знаный на ввесь повитъ, коваль Вовкъ. Передъ нымъ лежалы ёго роботы кинськи пута й свердельчыкы. Биля ёго зибралась купа народу. Сыдилы навколишкахъ и роздывлялысь пута. Складалы ихъ и роскладалы; прымирялы соби на рукы, клалы пута зновъ до купы и зновъ бралы въ рукы.

Вовкъ сыдивъ и байдуже поглядавъ на мужыкивъ. Винъ зовсимъ не мавъ надiи, що хто зъ ихъ сёгодня купыть у ёго хочъ одне путо або свердельчыка. За свiй довгый викъ винъ добре вызнавъ селянъ: торгъ буде завтра та цислязавтрёго, а сёгодня тилькы—прыцинка.

II.

Розмова снувалась якось недбало. Казалы такъ, абы що казаты.

— Ну, зъ цёго пута чорта рытого що выкрадешъ!—промовывъ одынъ зъ мужыкивъ, любуючы на важке, дебеле путo.

— Дывысь, твоя шкапа ще ёго й не потягне!... —озвався до ёго, осмихаючысь, сусида-землякъ.

— Хто?.. Моя кобыла?.. Эге-ге! така вона й есть!..

— Потягне, чы не потягне, а такы правда,—путo добряче. Коло ёго й метець попомудруе!—прыставъ до розмовы третiй сусида.

— Э, ни! Путo це намъ—такъ воно путo, а на доброго чоловика такъ воно—казна-що!..

— То правда.

— Та ни,—такы попоцокается и добрый злодiй.

— Розсказуйте!..—перепынывъ розмову землякамъ старый селянынъ зъ другои слободы, зъ довгою, сывою, по кинцяхъ жовтуватою, бородою, у рудій старій смушевій шапци.—У ёго на все есть одмычкы. Хиба винъ буде ёго быть?.. Стане винъ! П-хэ!..—Винъ те туды поверне, а се туды, тамъ прыдавыть,—такъ воно само спаде зъ конякы, мовъ объ весни шкура зъ гадюкы.—Знаю я си штукы! У насъ черезъ волость велы одного такого пташка—заковани й рукы й ногы. Заперлы ёго въ холодну, колы поглянуть трохы перегодя у викно, а винъ сыдыть на лави, на рукахъ ничого немае, скынувъ зъ себе сорочку й довбется у комири...

— Мабуть нужа, сердегу, обсила,—засміялысь селяне.

— Мабуть,—почавъ дали сповидачъ.—До ёго,—а винъ каже: «не турбуйтесь,—казённе добро не пропаде. Все горазд буде». Покы увійшлы въ холодну,—уже винъ и одягненый и закутый.

— То винъ, каторжный, очи одводывъ,—завважывъ другый дидъ, зъ жовтымъ, безбородымъ, у зморшкахъ, мовъ у скопця, облыччямъ.

— А хиба то правда: можно очи одводыты?

— Та вже жъ, мабуть, стари люде не брешуть, колы кажуть. Вже не дарма кажуть!—видповивъ трохы образлыво жовтовыдый дидъ.—Онъ у нашого жыда, Фуксы, якъ кони выведено!?. Булы замкнени у стайни, и наймытъ спавъ пидъ дверыма. Та ще й не пизно було: тилькы-тилькы люде облягаты почалы... Самъ жыдъ ще й не спавъ...

— Гроши, мабуть, чортивъ пархъ, личывъ!..—не втерпивъ укынуты сливце одынъ зъ селянъ.

— Чы гроши личывъ, чы що друге робывъ,—того не скажу, ну, а не спавъ ще... И свитло въ хати горило. А *винъ*,—тутъ оповидачъ якось таемнычо пидвивъ до-горы безволоси бровы и забалакавъ зовсимъ тыхо, мовъ боячысь, що хто пидслухае,—а *винъ* пидходыть до ёго наймыта значыть,—нашъ такы парубокъ бувъ,—та й каже: «а ну, Петре, посунься трохы!» Тому здалось, що то хазяинъ стоить,—винъ и посунувся. Одсунувся, що й двери

можно видчыныты въ стайню... А *той* поодмыкавъ усе; якъ уже винъ тамъ одмыкавъ,—не знаю... Вывивъ коней... пара добра була,—чотыри сотенни давалы, такъ не взявъ жыдъ... Вывивъ кони, сивъ верхы та й подався!.. Прокынувся наймытъ—винъ тамъ и спавъ,—тилькы що першый сонъ перебувъ, колы глядь:—двери видчынени!.. Винъ у стайню, дума: «що жъ се я забувъ и доси кони завесты?»... Туды—ажъ коней й слиду немае!.. Высять сами пута на яслахъ... И ничогисенько не поламано, и замкы цили... Та ще, гаспедивъ сынъ, и пута порозвишувавъ на яслахъ: «на-те, мовъ, вамъ,—запирайте ще!..»—Той тоди до жыда: такъ и такъ... выведено кони... А жыдъ ухопывъ ключы одъ стайни—ёму ихъ наймытъ прынисъ зъ-вечера—«якъ же», каже, «такъ: ключи жъ ось у мене?..»

— Эге, ключы!..—засміявся коваль, прытоптуючы велыкымъ пальцемъ правыци тютюновый попилъ въ люльци.

— Ключы! Що тамъ ключы! Попопокайся имы!..

— Куды!..

— Оттаке!

Уся кумпанія сміялась, уявляючы соби переляканого и збентеженого жыда зъ ёго ключыма.

— Ну, й що жъ?

— Та ничого, такъ и пропалы кони.

— Отъ тоби й путо!..

Селяне дывувалысь. Той злодій здавався имъ якымъ-ся характернымъ, проты якого ничого не вдіешъ. Прыйшовъ и взявъ, що хотивъ, а ты тилькы дывысь на ёго!

— Се люде таки,—почавъ дали розмову довгобородый у рудій шапци дидъ, мовъ угадуючы думку всихъ,—се таки, що боронь одъ ихъ, Боже! Скилькы вже воны намъ лыха наробылы!.. И ничого не вдіешъ. У насъ по-надъ селомъ и шляхъ есть такый... Та вы, мабуть, знаете: злодійськый шляхъ?.. Такъ ёго й зовуть. Иде винъ якъ-разъ по кряжахъ: по-надъ Поповымъ Лисомъ, Мидгирнымъ, Иванивкою, Камъянкою, ажъ прямисенько на Ростовъ та Таганрогъ. Отъ воны, идолови души, тымъ шляхомъ и ганяють нашыхъ коней. Степъ... людей тамъ немае... Ну, имъ и

воля: жены, хочъ голову соби зломы!.. Одного разу, у-осены, оремо мы зъ сыномъ биля Пидгорного; чую въ-ночи—стугонить земля... Та такъ же тоби стугонить, мовъ табунъ коней бижыть... Прокынувся я, дывлюсь,—ажъ по шляху щось таке такъ тоби чеше, такъ чеше!.. Верхы... и двое коней на прыводи веде: «Злодіяка», думаю, «щобъ тоби чортяка голову скрутыла!» Колы чую—зновъ стугонить: другый летыть. Веде четверыка. Я якъ гукну: «А—эй!.. держы злодія!..» А винъ якъ лясне пугою по коняхъ, якъ гукне соби,—тилькы ёго й бачывъ!..

— Се таке кляте зилля, що зъ нымъ ничого не зробышъ.

— Чому не зробышъ?.. Треба добре стеретгы кони, то й цили будуть,—промовывъ маленькый чоловичокъ, ще молодый, у черкасыновій чумарчыни, зъ гостренькымъ носыкомъ и цапыною боридкою; винъ все до сёго часу мовчавъ и тилькы жыво-жыво копырсавъ передъ собою ципкомъ землю, мовъ горобець соняшне лушпыння.

— Стеретгы... Онъ «у Фукы стереглы, де вже краще!..— видповивъ ёму оповидачъ про Фуксыну прыгоду.—Стережы, не стережы, а захоче вывесты, то выведе...

— То такы правда: у Фуксы нема краще, якъ зроблено,— промовывъ довгобородый дидъ, похытуючы головою у рудій шапци.

— — —

III.

— А у насъ ще краще було,—промовывъ ще хтось новый, що стоявъ биля гурту.

Селяне оглянулысь на ёго знызу и насторочылы вуха. Але той мовчавъ. А всимъ такъ хотилося послухать чогось цикавого. И здавалось, що сей чоловьяга може росповисты про щось цикаве. Се бувъ коновалъ, а коновалы народъ бувалый. Навить до того часу нерухомый коваль Вовкъ поворухнувся, кахыкнувъ и на хвылыну выпустывъ зъ рота свою люльку, допытливо дывлячысь на коновала и мовъ кажучы: «ну, що-жъ? почынай, брате!»

— Та нужъ бо, кажитъ, що тамъ у васъ було!—обизвався вдруге маленькый рухлывый чоловикъ зъ цыпкомъ, и ёго очи прыщулылысь, а невелычка голова зъ зацикавленнямъ вытягалась на тонкій шыйци наперед. Ёму страшенно хотилось послухать, що тамъ такого було, що ще краще того, про що оповидавъ безбородый и безбровый, зморшкуватый дидокъ.

— Та що жъ казаты,—почавъ, мовъ нехотя, новый оповидачъ,—звистно, якъ злодій, то й злодій. Кожень злодій на те злодій, щобъ дурнивъ дурыты—На ярмарку въ Лугани, що бува объ Спаса, бувъ одынъ чоловьяга и нагледивъ винъ соби, значыть, тамъ у другого чоловика добрячого коныка. Маштачокъ такы справди ывроку: круглый, мовъ злытый; самъ вороный, а на лоби лысына; грыва густа, блыскуча... Ну, скажемо, конык хочъ куды! До хазяина: «продай», каже, «що хочъ, визьмы!» Той не продае, каже—не продажный.—«Та ну жъ бо, продай!»—«Ни, не продамъ», каже, «и балакаты ничого!».. Що тутъ будешъ робыты?

Оповидачъ прыпынывся. Обвивъ гострымы, пронызуватымы очима всю кумпанію, вынявъ зъ кышени кысета и почавъ робыты цыгарку. Ёму було рокивъ трыдцять пьять. Облыччя у ёго було смугляве, цыганкувате. Зросту бувъ не выликого, але въ плечахъ огрядный, а одягненый въ стару чумарку сынёго сукна. На пояси у ёго высило всяке коновальське прычандалля. Винъ не хапаючысь дыставъ зъ кышени кысета й тако жъ поклавъ ёго туды зновъ.

— Ну, що жъ дали?—не вцытивъ зновъ горобцюватый чоловичокъ зъ цыпкомъ.

— Пожды, завтра торгъ буде,—промовывъ осмихаючысь коновалъ.—Чы нема у кого блызько сирнычка?

Ёму далы сирнычка. Винъ закурывъ цыгарку, затягся дымомъ и, здавалось, зовсимъ забувъ, що винъ почавъ щось розказуваты.

— Такъ якъ же, каже: непродажній?..—нагадавъ ёму зновъ сиренькый горобчыкъ и почавъ ще жвавише торсаты цыпкомъ якусь соломынку.

— Эге жъ,—зитхнувшы й сплюнувшы, мовъ знехотя почавъ коновалъ. «И за сто карбованцивъ», каже, «не виддамъ коня». Перестоялы ото день, уже хочъ и до-дому йихаты. «Продай», каже.—«Ни, не продамъ». А той чоловикъ—душа гаряча, за полы хапается: продай та й продай. Дуже упавъ ёму въ око той кинь... Ажъ тутъ ёго й видводыть у бикъ чоловичокъ... такъ соби... незнаёмый. «Що дасы,—каже—чоловиче, твоя буде коняка?»

— «А якъ же ты зробышъ?»—«Та то вже мое дило»—каже. Ну, и поладналы воны: такъ и такъ,—пивсотни карбованцивъ ёму, якъ прыведе коня.

IV.

Оповидачъ зновъ прыпынывся. Подывывся на своихъ слухачивъ, обвивъ очыма весь майданъ. Сонце, заходячы, саме выглянуло на хвылыну зъ-за хмаръ и ще разъ освитыло й мисто, й ярмарокъ, и били яткы на майдани, напъяти рядынамы, биля якыхъ бабы-пекарькы варылы на двори вечерю. Видъ ихъ повійнуло до коновала пахучымъ дымомъ и смакомъ добре упеченои рыбы.

Винъ сплюнувъ и почавъ дали:

— Ну, такъ пойихавъ той мужыкъ до-дому... «Щожъ,—каже волею не продаешъ, то сылувать не стану». Пойихавъ и хазяинъ того коня. Запригъ соби й пойихавъ. Купывъ винъ вiялку—йихаты важко, то йиде соби повагомъ. А чоловикъ той, що взявся коня добуты—за нымъ, за нымъ... Прыйихалы въ село, де жывъ той мужыкъ. И чоловикъ той за нымъ. Бачe винъ, що чоловикъ той, хазяинъ того коня—людына заможна: жыве добре, двиръ увесь обгороженый, а стайня зроблена цидъ одниею стрихою зъ хатою. И хидъ черезъ сипы. Сучого сына выкрадешъ! Ну, та ничого.

— Переночувавъ той чоловикъ ничъ на городи въ бурьяни. Тилькы стало свитаты, мужыкъ и пойихавъ на поле. Узявъ и кони зъ собою. Старый пойихавъ та два сыны й дви невисткы.

Зосталась одна баба та диты. Отъ выйшла баба за чымъ-ся зъ хаты до комори, а той,—винъ ще ранише перебрався зъ городу до хлививъ,—заразъ въ сины, та на горище. А дытына й побачыла ёго,—такъ хлопчыкъ-пузанчыкъ, ледви одъ земли выдно. Прыходыть баба, а воно й каже: бабусю, а тамъ дядько!—й показуе на горище. «Де тамъ у греця дядько»,—каже баба—«то тамъ сало у мишку». А сало такы справди висыть у мишку на бантыни. «Ни, дядько».—«Патякай»!—каже. А той сыдыть соби—ничычыркъ!

— Просыдивъ до вечора. Прыйиздять зъ поля вси й коней прыводять. Повыпрягалы. Силы вечеряты у синяхъ. А той сыдыть на горищи, ёму й выдко все. Повечерялы. Старый и каже: «заводьте жъ коней, хлопци, у стайню, та й самы тутъ у двохъ лягайте. Бо теперъ ярмарокъ,—багато всякого народу блукае». Ото завелы коней, засунулы засовомъ двери, послалы повсть саме пидъ дверыма и лягають спать обыдва сыны головамы у стайню. Що тутъ робыть? Ще й рушныцю положылы биля себе.

— Отъ, якъ вси поснулы, чоловикъ той взявъ зъ бантыны сало и злазыть зъ горища. Поставывъ сало на порози... Що тутъ утнешъ: лежать двое на повсти, здорови таки обыдва. Отъ винъ узявъ та тыхесенько й лигъ мижъ нымы посередыни. Воны думають, що имъ тисно, збылысь до-купы, и порозсувалысь дали видъ ёго. Полежавъ винъ такъ трохы, смырно соби, а потимъ прыкотывся до одного, прытулывся до ёго... Тому душно,—винъ и одкотывся дали. Тоди винъ до другого—и той геть одкотывся. Воны, звисно, сплять й посуваются вви сни. Така думка, що воны у двохъ. А въ литку, знаете сами, одно видъ другого, мовъ одъ вогню, тикае. Ну, ото винъ позсовувавъ ихъ геть зъ повсти, а тоди вставъ, одсунувъ засова й видчынывъ двери. Тоди постриножувавъ тыхъ коней, що стоялы зъ воронымъ, а вороного вывивъ геть изъ стайни тыхесенько соби по повсти. Ти хлопци сплять, ажъ хропуть, нычого не чуютъ. И старый на двори спыть на дрогахъ. Отъ винъ видчынывъ ворота, взявъ сало, взявъ рушныцю, сивъ на коня, та якъ гаркне, якъ свысне, якъ стрельне

зъ рушныци!.. Тилькы ёго й чулы!.. Ти, звисно, прокынулысь: туды-сюды, що та якъ... Покы роздывылысь, у чому тутъ сыла,— эге-ге!.. ловы витра въ поли!..

— Ну й не наздогналы?

— Куды тамъ! Такый и винъ бувъ, щобъ дався въ рукы! Покы воны тихъ коней поростриножувалы, такъ уже ёго й не чуть було. Ничъ була хмарна. Вылетивъ винъ за село, пройихавъ зъ пивъ-верствы по шляху, а тоди звернувъ просто въ поле, та выгономъ объйихавъ по-за селомъ назадъ, тай пойихавъ соби знову такы по шляху въ другый край. Ти летять туды, де винъ показавъ имъ дорогу, а винъ и пойихавъ соби геть, куды ёму треба було. Другого дни писля полудня й прывивъ коня новому хазяинови.

— Що жъ, и заплатывъ ёму той чоловикъ, якъ умовылысь?

— А вже-жъ, що заплатывъ!

V.

Слухачи дывувалысь. Мырнымъ, байдужымъ селянамъ маловалась картына, якъ винъ, той злодій, такъ обдурывъ добрыхъ людей. Та ще й стриляе: нате, мовлявъ, вамъ ловить!..

— Отъ собака, такъ собака!

— Именно—собака!

— Двое не встереглы. Оттаке!

— Та иншый бы тыхенько соби, а винъ зъ рушныци ба-бахъ!..

Покы слухачи дывувалысь, прыгадуючы, якъ було дило, коновалъ-оповидачъ непомитно счезъ, мовъ кризь землю провалывся. Нихто не помитывъ, колы винъ и одъ гурту одійшовъ.

— Де-жъ це саме було, у якому сели?—поспытавъ коваль и повивъ навкругы очима.

Коновала уже не було.

— Де-жъ це винъ подився?—дывувалысь люде, озыраючысь.

— Хто такый, кого це вы выдывляетесь?—запытавъ ихъ незнаёмый имъ селянынъ, що пидходывъ саме теперъ до ихъ гурту. Ти розсказалы ёму.

— А якый винъ зъ облыччя?—запытавъ той.

— А що, хиба?

— Та отъ вы скажить, тоди й я вамъ скажу.

— Та чоловикъ, якъ чоловикъ...

— Ну, а на облыччя якый?

— Чорнявый.

— Велыкого зросту?

— Ни, отакого, якъ я.

— А на цыгана не скыдается?

— Та трохы есть... Тилькы винъ не цыганъ.

— Ну, такъ ото-жъ знайте, що ото винъ самый—той злодій—и есть! То жъ винъ самъ й выкравъ того коня. Я самъ на свои очи бачывъ того маштачка: гарный коняка! Тилькы той чортъ трохы перегнавъ ёго... Винъ самъ зъ нашого села, зъ Орихового, Сокилъ—прозвыще ёго. Ого-го, яки винъ штукы выробляе!..

— Чомъ же ёго у Сибиряку не запровторять,—спытався жовтовыдый дидокъ.

— Эге!.. запровторьте!.. Ёго ще ни разу и не судылы:— не піймаешъ. Тамъ така хытра штука, що ну!..

Селяне дывувалысь. Такъ ось яка сторія. Онъ яки бувають злодіи! Де-котри навить почалы лапаты у кышеняхъ: чы не похазяйнувавъ винъ тамъ у ихъ.

— Та невже жъ такы справди то винъ?

— Отъ ей-Богу, що винъ.

— Та ни?

— Та кажу-жъ.

— И самъ оце такъ-о розсказуе про себе?!..

— А що жъ вы думаете? Що ёму пошкодыть? Винъ не боится ничого.

— Дывысь ты... Отъ такъ сторія!..

И довго ще дывувалысь селяне.

Вечорило. Дрибный дощыкъ давно вже переставъ. Тепла мла обгортала й мисто й ярмарокъ. А коновалъ у сыній чумарци уже ходывъ у другому кинци ярмарку, и ёго гостри, пронызувати очи выглядалы молодецькои здобычи.

М. Чернявськый.

Въ поискахъ новой красоты.[1]

(Замѣтки читателя).

III.

Общепризнанной главой символизма въ украинской литературѣ считается г-жа Ольга Кобылянская, являющаяся въ тоже время и чуть ли не единственной у насъ дѣйствительно талантливой представительницей этого направленія, хотя, на нашъ взглядъ, талантъ ея сильно переоцѣненъ неумѣренными поклонниками и панегиристами. Буковинка по происхожденію, она въ дѣтствѣ получила чисто нѣмецкое воспитаніе, вліяніе котораго,—довольно, впрочемъ, одностороннее, исчерпывающееся однимъ лишь ничшеанствомъ,—до сихъ поръ сказывается на формѣ и содержаніи ея произведеній, чего, по утвержденію г-жи Л. Украинки будтобы «не могутъ ей простить ея галицкіе критики» (Л. Украинка—«Малорусскіе писатели на Буковинѣ», Жизнь, 1900, IX, 126), на самомъ дѣлѣ относящіеся къ г-жѣ Кобылянской почти восторженно. Первые литературные опыты молодой писательницы какъ это вполнѣ естественно было въ ея положеніи, писались по-нѣмецки, и только впослѣдствіи, подъ вліяніемъ извѣстной писательницы и поборницы женскаго движенія въ Галичинѣ г-жи Кобрынской, она пробуетъ свои силы въ украинской литературѣ.

Первые шаги г-жи Кобылянской въ родной литературѣ были для писательницы источникомъ довольно чувствительныхъ разочарованій отъ постигшихъ ее на этомъ поприщѣ неудачъ. Такъ, написанная въ 1886 г. повѣсть «Людина» появляется лишь въ 1894 г. послѣ многихъ злоключеній и странствованій по редак-

[1]) См. Кіев. Ст. № 10.

ціямъ украинскихъ журналовъ, да и то редакція «Зорі», помѣстившей, наконецъ, эту повѣсть, около двухъ лѣтъ выдержала ее въ своемъ портфелѣ, очевидно не рѣшившись сразу ее напечатать; вторая крупная вещь г-жи Кобылянской, написанная въ концѣ 80-хъ годовъ повѣсть «Царівна», появляется лишь въ 1895 году въ газетѣ «Буковина». Мы не думаемъ, чтобы эти неудачи можно было приписывать, какъ это дѣлаетъ въ упомянутой статьѣ г-жа Л. Украинка, какому то предубѣжденію галицкихъ критиковъ противъ нѣмецкой культуры, ни тѣмъ болѣе тому, уже совершенно невѣроятному обстоятельству, что галицкая критика «проникнута въ большинствѣ принципами натурализма»,— будетъ, кажется намъ, гораздо проще и согласнѣе съ истиной поставить эти неудачи на счетъ самой писательницѣ, объясняя ихъ прежде всего особенностями ея произведеній. Мы лично не принадлежимъ ни къ противникамъ нѣмецкой культуры, ни къ поклонникамъ натурализма, но это не мѣшаетъ намъ, во-первыхъ, думать, что нѣмецкая культура не на одномъ Ничше клиномъ сошлась, а во-вторыхъ, желать, чтобы въ произведеніяхъ украинскаго писателя не встрѣчалось, при томъ въ чрезмѣрномъ изобиліи, выраженій въ родѣ: «симъ разомъ *ошибнулись* ви» («Покора», 54), «лежала простягнувшись *в цілій своїй довгости*» (Л.-Н. Вістник, 1898, I. 47): такихъ сомнительныхъ образовъ, какъ «кусень нетиканої краси» («Покора», 76) и по истинѣ какофоническихъ сочетаній словъ, какъ: «орли наіжали люто пера, чорні, ворожо блистячі очі звертаючи чигаючо въ доли» («Покора», 80),—все это, можетъ быть, и естественно въ устахъ нѣмецкаго человѣка, но для украинскаго писателя совершенно непростительно. Стиль г-жи Кобылянской, дѣйствительно неуклюжій, тяжелый, изобилующій неправильностями и варваризмами, ставитъ значительныя препятствія читателю,—но не въ одномъ лишь стилѣ дѣло. Гораздо важнѣе, что съ неуклюжей формой заключаетъ союзъ и рука объ руку идетъ и темнота содержанія, зависящая отъ неясности задачъ и нѣкоторыхъ изъяновъ художественныхъ средствъ писательницы, осложняющихся при томъ еще особымъ, такъ сказать, идейнымъ букетомъ, уже прямо возбуждающимъ

противъ себя протестъ со стороны читателя. Въ виду указанныхъ особенностей,—ниже о нихъ будетъ подробнѣе сказано,—необходимъ былъ нѣкоторый промежутокъ времени, въ теченіе котораго читающая публика и критика могли бы освоиться съ произведеніями г-жи Кобылянской. Теперь, когда такая привычка уже создалась, г-жа Кобылянская и заняла опредѣленное мѣсто въ нашей литературѣ и пріобрѣла прочно-установившуюся репутацію главы новаго направленія, являясь дѣятельной сотрудницей украинскихъ изданій въ Галичинѣ и на Буковинѣ. но до того ей пришлось испытать всѣ горечи и разочарованія неудачъ, справедливо или несправедливо, но всегда сопряженныхъ съ нововведеніями въ какой бы то ни было области. Изъ поставленной нами задачи вытекаетъ необходимость пересмотрѣть литературное достояніе г-жи Кобылянской, опредѣлить цѣнность его и объяснить то вліяніе, которое оно оказываетъ на литературу и общество. Минуя первую повѣсть г-жи Кобылянской, какъ представляющую для насъ не много интереса, свой анализъ ея произведеній мы начнемъ съ «Царівни»,—произведенія для нашей писательницы въ высшей степени характернаго, дающаго ключъ къ уясненію и уразумѣнію всей ея послѣдующей литературной дѣятельности, обрисовывающаго какъ нельзя лучше писательскую физіономію автора. «Царівна»—это прототипъ всѣхъ произведеній г-жи Кобылянской: здѣсь въ зародышѣ, а иногда и въ болѣе разработанной формѣ предъ читателемъ предстаютъ почти всѣ персонажи ея позднѣйшихъ произведеній; здѣсь сосредоточены занимающіе писательницу вопросы, ея личные и общественные идеалы; здѣсь, наконецъ, содержится отгадка того направленія, которымъ пошла въ своей литературной дѣятельности г-жа Кобылянская.

Повѣсть г-жи Кобылянской—это исторія жизни одаренной отъ природы высшими порывами и стремленіями, какой-то даже «тугою за красою» женщины, которая рвется изъ «буденной» обстановки, изъ среды «тупихъ, підлихъ душъ» съ одними лишь желудочными интересами, изъ сферы «рослинного вегетованія» къ достойному человѣка счастью, которое въ концѣ концовъ и находитъ въ замужествѣ съ нѣкіимъ «аристократомъ духа» и въ

литературной дѣятельности на пользу родной страны. Условія, среди которыхъ получила свои первыя впечатлѣнія и дальнѣйшее развитіе наша «царівна»,—эта «горда, вражлива, аристократична душа», какъ аттестуетъ ее г-жа Кобылянская,—дѣйствительно ужасны, несмотря на свою сѣренькую, по внѣшности, какъ будто и безобидную форму, на свой однообразный фонъ. Лучше будетъ, впрочемъ, сказать—*благодаря* этому фону, такъ какъ положеніе здѣсь живой души тѣмъ ужаснѣе, что сѣренькое существованьице представляетъ собой обычный образъ жизни того круга людей, той среды, въ которой пришлось вращаться нашей героинѣ: противоположность обычныхъ интересовъ среды и «гордої аристократичної души» тѣмъ рельефнѣе, выпуклѣе выступаетъ и тѣмъ положеніе ея трагичнѣе. Это, говоря словами героини, собственно не жизнь, а «рослинне вегетоване, хвилями перерване тихими зойками борби о істноване». Всѣ помыслы представителей этого растительнаго царства сосредоточены на вопросахъ и интересахъ желудочнаго свойства: выбиться въ люди, во что бы то ни стало сдѣлавъ карьеру, завладѣть только для себя, по картинному выраженію г. Мамина-Сибиряка, кусочкомъ хлѣба съ масломъ, жениться на солидномъ приданомъ, съ одной стороны, и во что бы то ни стало поймать мужа, съ другой,—вотъ и все, чѣмъ исчерпываются стремленія этой среды. Взглядъ на женщину выраженъ въ обращеніи одного достойнаго представителя этой среды къ героинѣ слѣдующимъ образомъ: «чи думала ти коли небудь над тим, що властиво мужчина, а що жінка? Мужчина—то «всьо», а жінка—то «нічо». Ви, дівчата, від нас залежні, як ті рослини від сонця, від воздуха... Ми надаєм вам змислу (sic), поваги, значіня, одним словом все... Дівчата підростають раз-в-раз і всі вони хотять замуж вийти, всі що до одної» («Царівна», стр. 27). Какъ ни тяжело героинѣ признаться, но и она въ концѣ концовъ находитъ въ этихъ ужасныхъ по своему цинизму и наглой откровенности словахъ, правду: да, дѣйствительно—«нічим є жінка», и не нашедшая мужа дѣвушка навсегда обречена служить бременемъ для родныхъ; удѣлъ ея—«кров нашу ссати», какъ со свойственной ей деликатностью вы-

ражается тетка Наталки Верковичъ. Естественно, что въ средѣ, проникнутой такими взглядами на женщину, отношенія между полами полны фарисейства и самой дикой нетерпимости: уже одно, напр., присутствіе дѣвушки безъ старшихъ въ обществѣ неженатыхъ мужчинъ является тамъ страшнымъ преступленіемъ, оскорбляетъ «добрые нравы», налагая на дѣвушку неизгладимое пятно преступницы противъ «хорошаго тона». Любви тамъ, разумѣется, не признаютъ въ иныхъ формахъ, кромѣ животной чувственности, и матери съ гордостью заявляютъ для поученія своимъ дочерямъ, что они выходили замужъ, «не хоруючи ані трохи на ту поетичну недугу» («Царівна», 31), а знали лишь иголку, хозяйство, молитвенникъ, и тѣмъ не менѣе честно исполняли свой долгъ—рожали дѣтей, воспитывали (читай—питали) и внушали имъ ту же мораль, на которой сами выросли и которой основное правило гласитъ: «держатись землі і йти давнім убитим шляхом» (ibid. 111). О высшихъ стремленіяхъ, объ идеяхъ тамъ если и говорятъ, то не иначе, какъ со смѣхомъ и болѣе или менѣе презрительными эпитетами, называя ихъ вздорными и вредными фантазіями: чтеніе книгъ въ этой средѣ вообще считается занятіемъ малопочтеннымъ и недостойнымъ серьезнаго человѣка, такъ какъ развиваетъ «культъ примх і романтики», а о томъ, что, напр., Гейне—авторъ для молодыхъ дѣвушекъ неподходящій,—уже и говорить нечего. Среди этой убійственной, мертвящей обстановки, среди людей съ такими низкими и пошлыми фарисейскими взглядами, проводитъ дѣтство и первые годы сознательной жизни, выростаетъ въ сознающаго себя человѣка Наталка Верковичъ, героиня повѣсти г-жи Кобылянской. Что помогло ей сохранить чистоту и чуткость душевную, вопреки вліянію среды, мы не знаемъ; правда, она часто съ благодарностью вспоминаетъ о благотворномъ вліяніи, оказанномъ на нее родителями и въ особенности—бабушкой, но какъ тѣ, такъ и другая умерли очень рано и, оставшись послѣ ихъ смерти въ семьѣ своего дяди, она всецѣло подпадаетъ дѣйствію мертвящей среды, только какъ то чудомъ не оказывающей на нее своего разлагающаго вліянія. Какъ бы то ни было, но на первыхъ же страницахъ

повѣсти Наталка Верковичъ является предъ читателемъ уже вполнѣ созрѣвшимъ, умственно и нравственно окрѣпшимъ организмомъ, которому удалось сохранить «вражливу аристократичну душу», жаждущую во всемъ «тонкоі корректности» и стремящуюся «залетіти далеко-далеко». Чтеніе книгъ, какъ милость, разрѣшенное дядей, укрѣпляетъ очевидно врожденные задатки добра, открываетъ ей глаза на окружающую среду, направляетъ мысли ея въ другую сторону отъ животныхъ интересовъ и возбуждаетъ духъ гордаго протеста. Въ качествѣ женщины, она особенно живо чувствуетъ ненормальное положеніе въ этой средѣ именно женщинъ, и потому она становится поборницей женскаго движенія, внимательно изучаетъ его, пробуетъ даже писать о женскомъ вопросѣ; въ качествѣ русинки, она чутко прислушивается къ безотрадному положенію родного народа и дѣлается горячей патріоткой. Естественно, что такой образъ мыслей не только не находитъ отклика и сочувствія въ окружающей средѣ, но встрѣчаетъ лишь противодѣйствіе и, испытавъ милліонъ терзаній, она уходитъ изъ дому дяди, порвавъ всѣ отношенія со средой отказомъ сдѣлать «приличную партію» съ занимающимъ видное и обезпеченное положеніе старикомъ. Но еще въ домѣ дяди у нея зарождается первая любовь къ нѣкоему Орядину, соціалъ-демократу по убѣжденіямъ и «загорілому поклонникові Маркса». Красивый, гордый, пылкій, страстный, этотъ въ своемъ родѣ тоже кандидатъ въ «сверх-человѣки» совершенно завладѣваетъ душою «своеі царівни», какъ онъ называетъ Наталку, хотя его высокое положеніе не мѣшаетъ ему при первой же встрѣчѣ съ ней сплетничать на счетъ своего бывшаго учителя и отпускать своей «царівні» довольно банальные комплименты. Впослѣдствіи за нимъ открываются еще болѣе выразительныя «качества»: онъ то картежничаетъ напропалую, то ищетъ забвенія въ мимолетной связи съ первой встрѣчной женщиной, а сверхъ всего оказывается непостояннымъ и нетвердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, карьеристомъ и т. п. «Царівна» все это ему прощаетъ за то, что онъ «син мого народа», «великий (?), гордий», она все еще надѣется, что онъ сдѣлается «кращою, сильнійшою істотою», «морально-свобідним (?)

мужчиною», предъ которымъ должно преклоняться. Въ ожиданіи этого она отказывается отъ «буденного» счастья съ нимъ и, разорвавъ съ родными, идетъ на свой хлѣбъ. Счастье ее не оставляетъ и тутъ: поступивъ компаньонкой къ старой женщинѣ г-жѣ Марко, она находитъ въ ней вторую мать и попадаетъ въ маленькое, но за то отборное общество «вибраних, расових людей», приходящихся вполнѣ подъ стать ей, у которой также «с раса». Покровительница «царівни»—женщина въ высшей степени тонко чувствующая, благородная; изъ подругъ одна, Оксана, «ненавидить усе, що грубе, безъ чувства і що—немузикальне», другая, художница,—«прехороша поетична душа»; докторъ Марко—истинный «аристократ духа». Неясное самой Наталкѣ вначалѣ влеченіе къ доктору Марко выростаетъ въ сильную любовь и съ нимъ она находитъ счастье и полное удовлетвореніе своимъ стремленіямъ, раздѣляя свое время между мужемъ и занятіями литературой. «Царівна» до послѣдняго шага осталась «царівной», достигла «полудня» своей жизни, не склонившись на уступки предъ полнотой растительнаго существованія.

Было бы очень интересно остановиться на этой повѣсти г-жи Кобылянской, на характеристикѣ двухъ враждебныхъ слоевъ общества—представителей растительнаго существованія и высшихъ людей,—на страстныхъ исканіяхъ героинею «сверхъ-человѣка» и т. п., но, къ сожалѣнію, мы принуждены отказаться отъ этого, такъ какъ мы не характеристику г. Кобылянской пишемъ и данная повѣсть занимаетъ насъ исключительно съ точки зрѣнія избранной нами темы. Поэтому мы ограничимся лишь краткими замѣчаніями, главнымъ образомъ имѣя въ виду прослѣдить эволюцію взглядовъ нашей писательницы и здѣсь, въ одномъ изъ первыхъ ея произведеній, найти зачатки тѣхъ особенностей, которыя пышнымъ цвѣтомъ развернулись впослѣдствіи. Въ общемъ, несмотря на многіе свои недостатки, повѣсть г-жи Кобылянской составляетъ незаурядное явленіе въ украинской литературѣ и можетъ быть названа чуть ли не единственнымъ пока у насъ образцомъ психологическаго романа. Правда, событія и развитіе дѣйствія здѣсь много зависятъ отъ случайностей, которыя вообще играютъ за-

мѣтную роль въ произведеніяхъ г-жи Кобылянской: случайно на героиню не оказываетъ разлагающаго вліянія мертвящая среда родственниковъ, случайно она получаетъ разрѣшеніе читать книги и также случайно, безъ всякаго руководительства, попадаетъ на лучшія произведенія человѣческаго генія, обогатившія ея умъ и сердце, а не развратившія ее въ конецъ, что было болѣе естественно въ той средѣ, которая ее окружала; точно также случайно она оказывается въ обществѣ избранныхъ людей, а не такихъ, которые бы сразу поставили компаньонку на приличную отъ себя дистанцію, что опять таки представляется болѣе возможнымъ; случайно, наконецъ, она встрѣчается съ докторомъ Марко и т. п. Все это, конечно, возможно, но такое обиліе случайностей лишаетъ произведеніе той типичности, того характера художественнаго обобщенія, который оно имѣло бы при иномъ развитіи дѣйствія. Въ настоящемъ же своемъ видѣ жизнь героини является слишкомъ исключительной, слишкомъ богатой счастливыми случайностями; авторъ заботливо устраняетъ съ ея жизненнаго пути всѣ препятствія, о которыя могли бы разбиться ея стремленія къ счастью, сбрасываетъ всѣ камни, о которые могла бы запнуться ея нога, и потому достигнутымъ въ концѣ концовъ счастьемъ героиня обязана не столько собственнымъ усиліямъ, сколько благопріятному стеченію обстоятельствъ. Это—не завоеванное, а данное извнѣ счастье; результатъ счастливыхъ совпаденій, а не послѣдовательной и непрестанной борьбы, и потому протестующій, по замыслу автора, характеръ героини является въ сущности довольно пассивнымъ и безцвѣтнымъ. Много также недоумѣнныхъ вопросовъ и сомнѣній возбуждаетъ безконечный романъ Наталки съ нарядившимся въ тогу высшихъ стремленій, но въ сущности пустымъ карьеристомъ Орядинымъ, въ которомъ она слѣпо ищетъ признаковъ высшей натуры; одновременно и параллельно развивающееся чувство къ другому сверхъ-человѣку, доктору Марко, опять таки недостаточно выяснено и оправдано психологически. Героиня, въ общемъ чрезвычайно проницательная и чуткая, въ данномъ случаѣ оказывается совершенно лишенной этихъ качествъ, наивно не догадываясь о томъ, что давно уже знаютъ читатели

вмѣстѣ съ авторомъ. Нельзя, кромѣ того, не отмѣтить, что г-жа Кобылянская слишкомъ злоупотребляетъ до крайности растянутыми разговорами и спорами «высшихъ людей» о любви, счастьи, исканіяхъ сверхъ-человѣка, о женскомъ вопросѣ, отношеніяхъ половъ и т. п.,—всѣ эти безконечныя словоизверженія «высшихъ людей» очень неясны и нехарактерны и лишь загромождаютъ развитіе дѣйствія, напоминая въ то же время очень мѣткую характеристику подобныхъ препирательствъ, сдѣланную покойнымъ Глѣбомъ Успенскимъ: «дѣвица доказывала противъ «мускова полу». Порфирычъ (собесѣдникъ) выводилъ на чистоту «женскую часть». Наконецъ, мѣстами непріятно поражаетъ читателя тонъ разсказа—то приподнятый, нѣсколько искусственный, граничащій съ неискренностью, то сильно отдающій какимъ то смиреніемъ, которое, какъ извѣстно, часто бываетъ «паче гордости». Очень можетъ быть, что этотъ непріятный тонъ зависитъ отъ избранной писательницей формы,—большая часть повѣсти излагается въ видѣ дневника Наталки, а извѣстно, что авторы дневниковъ всегда изображаютъ собственную особу въ нѣсколько выпяченномъ, такъ сказать, видѣ, всегда любуются своимъ собственнымъ изображеніемъ даже при всемъ стремленіи къ правдивости и искренности. Все это составляетъ крупные недостатки разбираемаго произведенія, но въ общемъ, повторяемъ, повѣсть очень интересна, и хотя дѣйствующія лица поставлены авторомъ въ данныя положенія болѣе или менѣе случайно, но психологія ихъ при данныхъ положеніяхъ разработана удачно, а одна какая-нибудь сравнительно небольшая жанровая картинка (напр., сцена съ Румункой, стр. 328—338) способна вознаградить читателя за терпѣніе и обрисовать характеръ дѣйствующихъ лицъ глубже, яснѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ всѣ эти безконечные разговоры о «высшемъ человѣкѣ» и тому подобныхъ превыспренныхъ вещахъ, уснащаемые немилосердно цитатами изъ Ничше, Канта, Лессинга. Чего нибудь, спеціально относящагося къ области «новой красоты», читатель здѣсь также не встрѣтитъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ рискованныхъ образовъ и странныхъ выраженій, зависящихъ, быть можетъ, или отъ не вполнѣ удачнаго подбора словъ, или отъ недостаточности язы-

ковыхъ средствъ автора; такъ, отъ г-жи Кобылянской мы узнаемъ, что можно находить свое отраженіе «*на золотім тлі* молодої, любови жадібної *души*» (стр. 104), что сердце бываетъ «*чистим, прозорим, мов та імла*» (169), что «любов *миготить* крізь всі нерви» (178) и т. п. И тѣмъ не менѣе мы считаемъ «Царівну» произведеніемъ для г-жи Кобылянской въ высшей степени характернымъ, содѣйствующимъ выясненію ея послѣдующей литературной дѣятельности и содержащимъ въ зародышѣ всѣ свойства и особенности ея позднѣйшихъ произведеній.

Уже изъ нашего краткаго пересказа содержанія «Царівни» и болѣе чѣмъ бѣглой характеристики героевъ этого произведенія читатель, быть можетъ, замѣтилъ, что на г-жу Кобылянскую оказала сильное вліяніе философія Ницше, что образъ этого моднаго философа нашихъ дней стоялъ передъ ней во время созданія «Царівни» и вдохновлялъ ее въ извѣстномъ направленіи. И дѣйствительно, Наталка оказалась насквозь пропитанной идеями Ницше, предъ которымъ она просто преклоняется, какъ ни кажется страннымъ такое поклоненіе со стороны завзятой феминистики по отношенію къ философу, не особенно жаловавшему «женскую часть», автору—между прочими желчными выходками по адресу женщинъ—и достаточно выразительнаго афоризма: «если идешь къ женщинѣ, не забудь захватить кнутъ». Нѣсколько замѣчаній съ нашей стороны покажутъ это вліяніе еще яснѣе. Въ одномъ мѣстѣ своего дневника Наталка, сама въ нѣкоторомъ родѣ «сверхъ-человѣкъ», говоритъ: «суть люде з визначними характерами, котрі мають вплив і мимо окружаючих іх сил, але *для таких істот не можуть істнувати права*» («Царівна», 161), и на этомъ то основаніи она преподаетъ Орядину слѣдующее наставленіе: «*не дбайте о загал* і йдіть своєю дорогою, доки не опинитесь високо-високо» (167), пока не сдѣлаетесь, молъ, «морально-свобідним мужчиною», какъ поясняетъ она въ другомъ мѣстѣ. Орядинъ въ качествѣ сверхъ-человѣка такъ и поступаетъ: люди, по его словамъ, для него не болѣе, какъ шахматныя фигуры, которыми онъ распоряжается по собственному усмотрѣнію, сообразуясь лишь со своими цѣлями, оказавшимися впослѣдствіи не особенно возвышен-

ными. Всѣ остальные въ большей или меньшей степени сверхъ-человѣки изъ «Царівни» также стараются по мѣрѣ своихъ силъ и способностей сообразоваться съ вышеприведенной программой отношенія къ обществу и также стремятся «залетіти високо-високо», куда то въ надоблачныя выси, то будучи «аристократами духа», «вибраними расовими людьми», то обладая «прехорошими поетичними душами» или даже какой-то «тугою за красою» и ненавистью до всего, «що немузикальне». Эта тенденція преклоненія предъ «высшими людьми» и презрѣнія къ обыкновеннымъ смертнымъ, это принесеніе въ жертву интересовъ массъ интересамъ небольшой кучки избранныхъ счастливцевъ обнаруживается не въ одной только «Царівнѣ»,—ею проникнуты всѣ произведенія г-жи Кобылянской. Для насъ пока сказаннаго достаточно, и потому подведемъ, такъ сказать, итоги міровоззрѣнію, на которомъ основана «Царівна». Существуетъ, видите ли, нѣкоторая темная масса, толпа, для которой г-жа Кобылянская устами своихъ аристократическихъ героевъ не щадитъ сильныхъ эпитетовъ, въ родѣ: «підлі душі», «гіени», «бездушна товпа» и т. п., а на фонѣ этой темной массы, на этомъ, говоря уже терминомъ самого Ничше, навозѣ пышнымъ цвѣтомъ процвѣтаетъ и красуется нѣсколько сверхъ-человѣковъ, высшихъ существъ, для которыхъ «не можуть істнувати права», такъ какъ они стоятъ выше всякаго права, и которымъ, слѣдовательно, все позволено. *Никакихъ обязанностей не существуетъ, все позволено*— вотъ мораль высшихъ людей и имъ самимъ предоставлено разбираться, гдѣ и въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ обуздать свою неограниченную свободу при столкновеніи съ требованіями жизни. Мы уже знаемъ, что примѣняя на практикѣ эту сомнительную мораль, одинъ изъ сверхъ-человѣковъ г-жи Кобылянской, Орядинъ, не только не поднялся «високо-високо», но опустился весьма даже низко, сдѣлавъ свои якобы высшія стремленія ширмой для своекорыстныхъ побужденій,—сама г-жа Кобылянская на осязательномъ примѣрѣ показала, къ чему можетъ привести исповѣдываемая ею теорія при примѣненіи ея въ области морали: практика оказалась убійственной для теоріи. Какіе плоды даетъ та же теорія въ примѣненіи къ литературной дѣя-

тельности, этому живымъ примѣромъ служитъ сама г-жа Кобылянская.

«В моій душі повно мрій, багато образів, барв... Коли б я вміла музику, котрою упоююся, то укладала би все те в мельодиі. Де-котрі з них було би дуже, дуже трудно відограти» («Царівна», 39)—такъ характеризуетъ себя Наталка, которая вообще можетъ считаться alter ego г-жи Кобылянской, насколько послѣдняя обнаруживаетъ себя въ своихъ произведеніяхъ. Въ другомъ мѣстѣ та же характеристика выражена еще ярче: «у мене бувають не раз дивні, дивні чутя,—не «чутя», поправилась я мимовільно—лише поодинокі почутя, справді немов які згублені, заблукані в людськім серцю тони, котрі не знають, до котроі мельодиі приналежні, де їм пристати» (стр. 62). Эти слова Наталки о себѣ самой можно, по нашему мнѣнію, поставить эпиграфомъ къ характеристикѣ литературной дѣятельности г-жи Кобылянской, особенно позднѣйшаго періода, когда мораль Ничше: «высшимъ людямъ все позволено» въ примѣненіи къ литературѣ овладѣла ею совершенно. Разница только въ томъ, что г-жа Кобылянская облекаетъ свои образы и тоны не въ мелодіи, а придаетъ имъ словесное выраженіе, но отъ этого они не выигрываютъ въ ясности и такъ же трудны для пониманія, какими были бы мелодіи Наталки для игры. Остановимся на этой чертѣ литературной физіономіи г-жи Кобылянской.

По природѣ талантъ г-жи Кобылянской,—въ этомъ, кажется, согласны между собою всѣ критики, касавшіеся ея литературной дѣятельности,—по преимуществу лирическій, стремящійся къ выраженію разнообразныхъ чувствъ, душевныхъ движеній и порывовъ, въ данное время волнующихъ и занимающихъ писательницу. Вообще, смѣна чувствъ и движеній въ душѣ человѣка хотя и подчинена извѣстнаго рода законамъ (одновременности, сходства, противоположности и общности мѣста), тѣмъ не менѣе связь между ними часто трудно бываетъ установить: не всегда сознаніе наше можетъ вполнѣ ясно объяснить, почему завладѣло душой то или другое чувство и въ какой преемственной связи оно находится съ предыдущими и послѣдующими душев-

ными движеніями. Но здѣсь нужно имѣть въ виду, что нормальный человѣческій умъ своей дисциплинирующей силой держитъ эти внезапные и капризные порывы въ должныхъ границахъ: подавляя не основанныя на законахъ правильнаго мышленія и, слѣдовательно, незаконныя представленія и выдвигая законныя, эта дисциплинирующая способность стоитъ, такъ сказать, на стражѣ послѣдовательнаго, связнаго мышленія, комбинируетъ душевныя движенія въ извѣстной связи и послѣдовательности. Представимъ, что эта дисциплинирующая и комбинирующая способность ума, подавляющая незаконную ассоціацію представленій, вдругъ исчезла,—тогда получимъ совершенное разстройство мыслительныхъ способностей: смѣна представленій будетъ происходить не въ извѣстной связи и послѣдовательности, а совершенно безсвязно, чисто механически, не подчиняясь никакимъ опредѣленнымъ законамъ. Это, разумѣется, крайній случай, чисто патологическій, но даже у совершенно здоровыхъ и здравомыслящихъ, повидимому, людей встрѣчается иногда нѣкоторое уклоненіе въ эту сторону—недостатокъ дисциплинирующей силы ума, слѣдствіемъ чего является неспособность къ ясному, отчетливому и послѣдовательному мышленію,—то, что Максъ Нордау очень мѣтко называетъ «тиранiей ассоціаціи представленій». Люди съ лирической складкой характера, характеризуемые быстрой и капризной смѣной душевныхъ движеній и легко поддающіеся всѣмъ, даже мимолетнымъ, впечатлѣніямъ, вообще бываютъ менѣе способны къ послѣдовательному, дисциплинированному мышленію и чаще являются рабами ассоціаціи представленій,—отсюда вошедшій даже въ пословицу «лирическій безпорядокъ»... Вообразимъ теперь писателя, талантливаго, впечатлительнаго, съ массой образовъ, наполняющихъ его воспріимчивую душу, но съ совершенно недисциплинированнымъ умомъ: представимъ далѣе, что силой вниманія онъ не только не старается подавлять названныя нами выше незаконными ассоціаціи представленій, но даже напротивъ—придерживается того мнѣнія, что «суть люде, для яких не можуть істнувати права», т. е. что они сами себѣ законъ. Что можетъ получиться у такого писателя, даже при условіи, что онъ

обладаетъ настоящимъ художественнымъ талантомъ? Отвѣтъ ясенъ: образы, наполняющіе его душу, мимолетныя впечатлѣнія, смутныя представленія будутъ слѣдовать безъ видимой связи между собою, перемѣшиваясь, какъ въ калейдоскопѣ; настроенія, не сдерживаемыя дисциплинирующей силой ума, будутъ безпрерывно мѣняться, переходя скачками къ самымъ разнообразнымъ смѣнамъ; образы будутъ группироваться въ чрезвычайно неожиданныхъ сочетаніяхъ, и вслѣдствіе этого, произведенія такого писателя будутъ отмѣчены въ сильнѣйшей степени субъективностью, недоступною для пониманія посторонняго наблюдателя, который лишенъ возможности опредѣлить и провѣрить тотъ путь, какимъ складывались данныя комбинаціи образовъ и мыслей. И даже чѣмъ богаче запасъ ихъ въ душѣ такого писателя, тѣмъ для читателя хуже, потому что тѣмъ причудливѣе и загадочнѣе будутъ ихъ комбинаціи, тѣмъ недоступнѣе плоды такого капризнаго мышленія для постороннихъ людей. Въ результатѣ получится словомъ, то, о чемъ говоритъ Орядинъ: «є люде, що горнуть все в себе, всю красу, всі твори людського життя. *Чим більше набірають в себе всякого «світла», тим незрозумілійшими стають для свого окруженя. Чи не роблять вони сами себе незрозумілими»?* Характерный отвѣтъ на этотъ полувопросъ даетъ Наталка: «для *буденних умів*—без сумніву» («Царівна», стр. 187). Хемницеровскій метафизикъ, сидя въ своей ямѣ, надо полагать, также очень негодовалъ на своего отца, не сумѣвшаго «буденнымъ умомъ» постигнуть его премудрыхъ разсужденій на счетъ «вервія», но мы съ читателемъ едва ли раздѣлимъ его негодованіе. Точно также и г-жа Кобылянская устами своей alter-ego очевидно хотѣла сказать колкость по адресу «буденних умів»: если они, молъ, не въ состояніи понимать премудрыхъ глаголовъ, исходящихъ отъ людей того типа, о которомъ говоритъ Орядинъ, то въ этомъ виновата исключительно ихъ собственная ограниченность, не обязывающая, дескать, «высшихъ людей» спускаться до пониманія толпы. Мы вовсе не намѣрены защищать «толпу» отъ колкости панны Верковичъ, но однако воспользуемся тѣмъ, что она сама сказала, а она нечаянно для самой себя въ сущ-

ности лишь подтверждаетъ мысль собесѣдника и, запутавшись въ своего рода «вервіи», выдаетъ testemonium paupertatis авторамъ премудрыхъ глаголовъ, которыхъ силится защитить. Орядинъ имѣетъ въ виду, очевидно, художниковъ, а между тѣмъ вовсе не нужно обладать какимъ-то особеннымъ, «не-буденнимъ» умомъ, чтобы постигать красоты художественнаго произведенія. Творенія великихъ художниковъ слова доступны пониманію самыхъ обыкновенныхъ людей именно въ силу своей художественности, соединенной съ правдивостью, простотой и глубокимъ пониманіемъ человѣческой психики; можно даже съ увѣренностью сказать, что чѣмъ произведеніе художественнѣе, тѣмъ оно проще и доступнѣе именно даже и «буднимъ» умамъ. Недоступность даннаго художественнаго произведенія свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что художникъ или не нашелъ подходящаго выраженія для своей мысли, иначе говоря, выразилъ ее неясно, неточно, сбивчиво, или же самая мысль его обладаетъ нѣкоторыми дефектами. На одной художественной выставкѣ намъ пришлось встрѣтить картину, изображающую рядъ шестовъ съ навитыми на нихъ въ верхней части волнистыми линіями фіолетоваго цвѣта. Въ простотѣ души мы подумали, что это просто обыкновенные «кужили», и лишь удивились тому, что художнику пришла странная фантазія рисовать ихъ, да еще въ фіолетовомъ цвѣтѣ. Подходимъ ближе и, едва довѣряя глазамъ, читаемъ надпись: «деревья»!... Читатель, полагаемъ, согласится, что не «буденность» нашего ума помѣшала намъ постигнуть тайны этой картины,—ибо понимать художественныя красоты картинъ Шишкина мы вѣдь въ состояніи,—а что-то другое, отъ насъ совершенно независящее: это что-то—есть единственно та до невозможности нелѣпая форма, въ которую художникъ воплотилъ свою, не Богъ знаетъ какую мудрую и трудную для пониманія, идею.

Исповѣдуемый теоретически Наталкой Верковичъ принципъ пренебреженія къ запросамъ «буденныхъ умів» г-жа Кобылянская примѣняетъ практически, и мы сейчасъ увидимъ результаты и образцы такой манеры. Неясность, туманность и обрывочность произведеній г-жи Кобылянской зависятъ прежде всего именно

отъ той причины, что писательница не пытается комбинировать «заблукані в людскім (ея) серці тони, котрі не знають до котроі мельодиі приналежні, де ім пристати», въ такіе образы, которые были-бы понятны и доступны всякому обыкновенному смертному. Тоны, разумѣется, не знаютъ, «де ім пристати»,—знать это долженъ ихъ творецъ, на обязанности котораго и лежитъ забота о томъ, гдѣ ихъ пристроить. Но такъ какъ творецъ принадлежитъ къ «высшимъ людямъ», для которыхъ законъ не писанъ, то, пользуясь принципомъ—«своя рука владыка», онъ и размѣщаетъ ихъ, какъ фантазія подскажетъ, куда придется,—часто въ совсѣмъ не подходящія мѣста; не заботясь ни о ясности, ни о послѣдовательности, комбинируетъ матеріалъ въ образы и картины, поражающіе своимъ безпорядочнымъ, хаотическимъ видомъ. Обиліе образовъ и красокъ въ этомъ случаѣ оказываетъ только плохую услугу г-жѣ Кобылянской, такъ какъ, усиливая пестроту и яркость картины, она еще болѣе затрудняетъ пониманіе ея въ цѣломъ и въ частностяхъ, превращая въ пестрое, яркое пятно, въ которомъ краски перемѣшаны въ самыхъ невозможныхъ сочетаніяхъ. Это главный изъянъ творчества г-жи Кобылянской, а затѣмъ идутъ—недостаточность лексическаго матеріала, тяжелый стиль, неправильные, противорѣчащіе духу языка обороты и конструкція, вносящіе и свою долю путаницы въ общую сокровищницу; а усвоенная писательницей манера лаконическихъ выраженій, обиліе недомолвокъ, и якобы восполняющихъ ихъ многоточій, къ которымъ всѣ символисты чувствуютъ большую слабость, если и способствуютъ чему либо, то отнюдь не красотѣ, а еще большему затемненію и безъ того неяснаго смысла. Вотъ нѣсколько образцовъ стиля г-жи Кобылянской, при чемъ мы постараемся выражаться, по возможности, подлинными словами писательницы, чтобы дать читателю наглядное представленіе о ея манерѣ.

На какого-то художника производитъ неизгладимое впечатлѣніе образъ молодой цыганки съ двумя дѣтьми, просящей милостыню и подъ окномъ у него оставляющей «щось зі своеі покори»; художникъ подаетъ милостыню дѣвочкѣ, которая поцѣлуемъ въ руку выражаетъ свою благодарность, и оставляетъ нищихъ

«з тайним (?) щастем в грудях», а поцѣлуй «лежав ему на руці, немов прилипший до неі браток». Прошло много времени, художникъ все забылъ, но черезъ семь строчекъ оказывается, что онъ вовсе не забывалъ и «тижні минають, як стоіть ему циганя перед душею»; онъ занятъ желаніемъ увидѣть вновь поцѣловавшую его дѣвочку «з чорними очима, щастем розсіяними», подать ей милостыню и получить благодарность въ видѣ поцѣлуя «тими пречистими аксамітно-мягкими братками». Но она не придетъ: она выростетъ, разовьется въ такую же высокую пальму, какъ и ея мать, такъ же будетъ просить милостыню и «оставляти щось зі своеі покори». Это называется «Покора» (см. сборникъ подъ тѣмъ же названіемъ, стр. 1—5), и хотя слово это въ очеркѣ г-жи Кобылянской повторяется нѣсколько разъ, но оно ровно ничего не объясняетъ въ разсказанной исторіи и читатель вправѣ недоумѣвать, при чемъ здѣсь эта странная «покора».

Въ одно прекрасное лѣтнее утро нѣкто, наслаждавшійся долгое время чуднымъ горнымъ видомъ (въ описаніи его между прочимъ читаемъ: «біля неі (горы) темний, вузький *яр різнородно формованих, залісених гір і скель*»), принимается, наконецъ, за работу. Но сосредоточиться на ней ему мѣшаетъ нищенка, своимъ однообразнымъ нытьемъ разстраивающая въ конецъ его нервы, хотя онъ въ то же время вслушивается въ это нытье съ «охотою, повною скаженості» и ощущаетъ его «цілим тілом від стіп до голови». «Подразнений майже до крови (!)», этотъ нѣкто летитъ къ нищенкѣ, чтобы бросить ей милостыню и хотя этимъ заставить ее замолчать. Нищенка оказывается совершенно слѣпой; съ ранняго утра ея «скавуліне» не тронуло еще ни одного сердца— и въ то время, когда она изливается въ благодарностяхъ и призываетъ на подавшаго благословеніе Божіе—«несказано гидке чувство заволоділо мною». Почему? что такое? въ чемъ дѣло?— неизвѣстно Это—«Жебрачка» (сборникъ «Покора» стр. 6—9).

Какой то «син музи» любитъ маленькія, тонкія аристократическія женскія ручки, которыя «не мали типу товпи» и своими движеніями, неизвѣстно почему, напоминали маленькихъ птичекъ «Син музи» собирается охранять своихъ маленькихъ птичекъ.

«щоб не стикалися за часто з грубим товаром (?) щоденьщини», оградить ихъ, какъ драгоцѣнные камни, отъ всякаго прикосновенія, чтобы даже лучи солнца «не гралися на них за довго і не заприязнювали ся з ними занадто»; его сердце уже «ткало якісь безумні пляни на будучність». Но неблагодарныя маленькія ручки, «скарби тоті», въ одинъ скверный день возстали, собрали всю благопріобрѣтенную и отъ аристократическихъ предковъ унаслѣдованную силу и угостили бѣднаго «сина музи» такимъ чувствительнымъ тумакомъ, что онъ потерялъ въ обращеніи съ ними всю свою смѣлость. Очеркъ называется «Що я любив» («Покора», 10—11) и, какъ замѣтилъ, должно быть, читатель, отмѣченъ горделивымъ презрѣніемъ къ «толпѣ» a-là Ничше.

Въ осенній ненастный вечеръ, подъ шумъ дождя, усталую героиню одолѣваютъ возвышенныя мысли о началѣ всѣхъ началъ, о какихъ то цѣнностяхъ, но, главнымъ образомъ, о красотѣ, «в которій красі затонули-б і «вартости», і сучасна «мораль», і угинаючі ся спини, і сльози горя, і саме горе». Изнеможенная героиня впадаетъ въ забытье и ищетъ того, «за котрим мое серце тужило»: она уже совершенно явственно ощущаетъ его присутствіе, какъ вдругъ появляется какая-то женщина, оказавшаяся впослѣдствіи Матерью Божіей. Когда героиня осталась одна, ее сначала охватываетъ «мучачий сум», а затѣмъ она «скинула неміч з своіх суставів, зібрала всю свою силу і з любовю, яку не відчувала доси ніколи для него полинула вперед, немов та стріла.—Сонце запалало на сході і пригнобило пітьму. Шляхи указались ясно й виразно». Но для читателя совсѣмъ неясно, о чемъ вообще идетъ рѣчь въ данномъ произведеніи, озаглавленномъ «Мати Божа» («Покора», стр. 12—21), до того здѣсь все случайно и безсвязно. Одинъ изъ критиковъ, писавшихъ о г-жѣ Кобылянской, называетъ это произведеніе «невиразною сонною фантазією» и сознается, что не понимаетъ его (Осип Маковей—«Ольга Кобилянська». Л.-Н. Вістник, 1899, кн. I, стр. 48); не понимаемъ его и мы.

Еще мотивъ изъ Ничше, изображающій двухъ сверхъ-человѣковъ, мужского и женскаго пола, взаимно заинтересованныхъ, чувствующихъ инстинктивное влеченіе другъ къ другу, но вна-

чалѣ сопротивляющихся этому чувству. Онъ «з бабами» не хочетъ имѣть никакого дѣла, такъ какъ это «нарід примховатий, вибагливий, повний претенсий і суперечностий, повний самолюбства, в поглядах ограничений, дитинний»,—словомъ, какая то «мозайка чутя»; кромѣ того, онъ занятъ практикой, наукой и литературой и рѣшаетъ такіе, напр.. вопросы о Толстомъ: «чи не Магомед він якогось рода?» Она, съ своей стороны, увѣрена что бракъ, можетъ быть, сдѣлается заманчивымъ, «як настануть Ніцшого Uebermenschen, над-люде, ті его сміючіся льви», а покамѣстъ лѣчится по методѣ пастора Кнейпа, собирается переводить произведенія Гете и Ничше, но, кажется, больше занята вопросомъ «котору сукню взяти», собираясь на балъ, чтобы не погрѣшить «ані супроти мого сумного настрою, ані супроти доброго смаку». Въ концѣ концовъ, однако, герой съ героиней преблагополучно и сочетаваются, забывая свои теоріи; впрочемъ, она предварительно взяла съ него какія то обѣщанія, которыя онъ формулируетъ такъ: «вона би хотіла, щоби я став якимсь «висшим» чоловіком, Uebermensch». Произведеніе, озаглавленное «Він і вона» («Покора», стр. 33—62), составляетъ въ общемъ второе, значительно сокращенное изданіе «Царівни» и со стороны содержанія отмѣчено глубокимъ презрѣніемъ къ «толпѣ», которую сверхъ-человѣки г-жи Кобылянской не устаютъ награждать презрительными пинками на каждомъ шагу, а со стороны формы—очень плохимъ языкомъ, образцами котораго могутъ служить выраженія, въ родѣ: «нині не веремя на мою недугу» (стр. 42), «груба приязнь» (52) «вона ставить мою терпеливість просто на пробу (36), «сміючіся льви» (37), «я мусів уоружувати ся всіми уймаючими прикметами» (53), «сим разом ошибнулись ви» (54), «писати діло» (52) и т. п.

Еще и еще мотивъ изъ Ничше, изображающій дѣвицу съ возвышенной душою, еще въ дѣтствѣ проявлявшую себя многими странными для окружающихъ поступками. Она «бачила особливші форми і з-явища дерев, що вигинались у вихрі», «бачила образи в тонах, відчувала образи в тонах, переживала в уяві з-явища, котрі творила сама: казкові, фантастичні, неможливі і

плакала з смутку невиясненого»; подобно «Маленькому герою» Достоевскаго, она укротила бѣшенаго жеребца и это также «ій здавало ся чимось барвним, перемагаючим, чимось, що прыгадувало образи і переходило в тони». Достигши возраста совершенна, она «старалась усіми силами заспокоіти в собі ненаситну жадобу краси»; но такъ какъ «не мала вона в собі того, що привязує буденних людей на довгий час, була занадто оригінальна, за мало нинішна, а не мала в собі нічого з «плебейскости», то «й не подобала ся довго мужчинам; ій не бажав ніякий мужчина за жінку». Впрочемъ, и сама она въ этомъ отношеніи въ долгу не оставалась: «любила чи одного, пристрастно, з пожертвованем, майже з божевільною любвою (sic), однак вона була віроломна натура,—значить не любила нікого довго». Несмотря на то, что «въ моіх жилах (конецъ произведенія почему-то излагается отъ перваго лица) пливе кров будуччини, не маю будуччини, не маю в житю своім полудня» и «крізь усей той блеск, котрий филює так роскішно крізь мою душу... ве ся щось, немов жалібний креповий фльор». Въ то же время «жите лежить переді мною не як щось сумне, безвідрадне, важке до перенесеня, але як би один пишний, сьвяточний день, горячо пульсуючий, приваблюючий, широкий, порываючий образ, або немов яка соната»,— это благодаря музыкѣ, отъ которой героиня то «готова вмирати», то дѣлается «божевільно-відважна, велика погорджуюча, любляча»... Произведеніе называется «Impromtu phantasie». («Покора», 95—102) и страдаетъ хаотичностью, противорѣчивостью и ходульностью.

Новая варіація на ту же тему—Vals melancholique» (Л.-Н. Вістник, 1898, I), изображающая сожительство трехъ дѣвушекъ, изъ которыхъ каждая отличается особымъ строемъ духовной организаціи. Одна, Марта,—врожденная жена и мать, «тип тих тисячок звичайних, невтомимо працюючих мурашок, що гинуть без надгороди, а родять ся на те, щоби любовю своєю удержувати лад на сьвіті» (Л.-Н. Вістник, 1898, I, 61); это—«проста робітниця, тип послугача з природи вже, що не наділила ій наумисно тим гордим даром (гордостью), щоби повзав» (70). Она умѣетъ

«прекрасно подавати чай», имѣетъ «всі здібности доброі господині, матері і жінки» (41), а при нуждѣ можетъ и дровъ нарубить; подруги ее нѣсколько третируютъ, и она сама сознаетъ себя передъ ними «такою дрібною і незначною, що й не знаходила слів на свою низшість» (57) и способна имъ «віддати цілу свою істоту на услугу» (46). Другая, Ганнуся,—буквальное повтореніе Оксаны изъ «Царівни»:—это «вибрана істота», «расова людина», которая «любила над усе елеганцію, називаючи се третьою важною заповідію в умовах до щастя» (первыя двѣ—гармонія и красота); она считаетъ, что «лише ми одні піддержуємо красу в житю, ми артисти, вибрана горстка суспільности» (36) и ужъ, разумѣется, не станетъ «цілувати ся в уста» и не сядетъ за одинъ столъ съ человѣкомъ некрасивымъ и безъ манеръ. Наконецъ, третья, Софія,—точная копія съ Наталки Верковичъ и безыменныхъ героинь изъ «Він і вона» и «Impromptu phantasie»: это—«type antique», ея «душа немов з тонів складалася і була сама олицетворена музика. Вона вічно шукала гармоніі. В людяхъ, в їх відчуванню, в їх відносинах до себе і до природы» (34); во всемъ она требуетъ «спокою, випливаючого з замилованя до музики, і гармоніі в відносинах, передовсім гармоніі» (53); подобно героинѣ «Impromptu phantasie», она также «не належала до тих, що їх бере ся за жінки» (68). Нечего и говорить, что въ такомъ избранномъ обществѣ о «толпѣ» не говорятъ иначе, какъ съ глубокимъ презрѣніемъ, хотя языкъ этихъ небожителей не обличаетъ изысканнаго вкуса, ибо испещренъ такими выраженіями: «Я вибалушила кризь темряву очі», «розлазитися в чутяхъ», «горестний усьмішок», «злетівший ангел», «атак серцевий» «знаю вас лише з видженя», «лежала, простягнувшись в цілій своій довгости» и т. п. Но за то отъ нихъ мы узнаемъ, что существуютъ «звучні барви», «глядане між звуками», что можно «вытрясать» «всі леліі своеі души під ноги» кому-нибудь и т. д.

Старая погудка, но тономъ уже повыше. Нѣкто имѣлъ «поранкову (?) душу», которая «не була буденна буда (!), повна крамського товару», а «справдішня дама» и, какъ дамѣ и полагается, инстинкты имѣла «делікатні, як цвітковий пил леліі, и «над усе

любила поетів і артистів—жерців красоти, сьпіваків любови, богівъ землі і творців поранкових душ». «Поранкова душа» собрала эту «добірну публіку» у себя, оградила ее «від поганих звуків і плоских лобів юрби» и услаждалась тѣмъ, что поэты и артисты творили «нові скарби, нові вартости» и даже—mirabile dictu—«нові форми... (?) жінок і мужчин»! Само собою здѣсь не послѣднее мѣсто занимала и любовь, которая «пригадує запах фіялок і те щасте, що зачароване в стародавних казках. Та всього того,—предусмотрительно замѣчаетъ удивительная «поранкова душа»,—юрба не може й уявити собі. А юрбою,—добавляетъ она въ предупрежденіе недоразумѣній,—тупоумною юрбою є у мене всі ті, що не шанують і не чтять поета, не стелять йому під ноги найкоштовнійших килимів, не сиплють йому під ноги квіток і золота... Тупоумна, груба юрба! Вона не стоіть того, щоби красота хоч раз пройшлася по ії оселях, щоби хоч раз вповні обернула до неі своє чудове лице і показала ій щось викінчене! Тьфу на тупоумну юрбу, що не шанує своіх вибранців... Богів землі... Коханців моеі поранкової душі» (Л.-Н. Вістник, 1899, I. 39)... Но да не подумаетъ читатель, что эта «деликатная» дама умѣетъ только ругаться и плеваться,—нѣтъ, это только отъ полноты чувствъ, разъ рѣчь зашла о толпѣ, одного упоминанія о которой, какъ видно, наша «поранкова душа» не переноситъ; въ обычное время она занята другимъ. Каждое утро г-жа «поранкова душа» «пускала ся в тихі вандрівки» и все попадавшееся ей разсматривала «довгими поглядами»; «від ненастанного подиву очи ії зробили ся великі, зачудовані, і вся вона зробила ся частиною красоти». Возвращаясь изъ путешествій, она разсказывала о видѣнномъ и слышанномъ, а затѣмъ наслаждалась зрѣлищемъ поэтовъ, «як вони без перепони і неподільно можуть віддавати ся Музам», и достаточно насладившись, отправлялась въ объятія Морфея, посылая привѣтствія одному избранному изъ избранныхъ. Но ничто не вѣчно подъ луной, и блаженное состояніе «поранковоі души» было нарушенно самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ одинъ прекрасный день она отправилась совершать обычный променадъ—и не возвратилась: не было ее и на другой,

и на третій день, и только на пятый, вечеромъ, прибыла, но въ какомъ видѣ!—«Ішла волочучи ноги (просимъ читателя не забывать, что рѣчь идетъ о душѣ), з очима втупленими въ землю. Її лице нагадувало блідість труна». Натурально пошли разспросы, что и въ какомъ смыслѣ, но душа «відвернула лице на бік», начала плакать, а утромъ слѣдующаго дня даже отъ завтрака отказалась. Всѣ души поэтовъ собрались къ своей поклонницѣ, утѣшали, чѣмъ могли, предлагая между прочимъ въ утѣшеніе даже «старанну *опіку в формі великої коштовної перлини*, оправленої въ золото»,—очень, должно быть, хорошая вещь,—но ничего не помогло и бѣдная «поранкова душа» продолжала пребывать безутѣшной. Наконецъ, появился онъ, избранный изъ избранныхъ, и произошло слѣдующее,—предоставимъ дальнѣйшій разсказъ самой г-жѣ Кобылянской.

— 66 —

Він прийшов. Без шуму, осторожно, і сів на краю її постелі. Довго сидів і промовлявъ.

Я догадувався, що він говорив до неї і чого просив, і я затаїв в собі дух, щоб видерти у захланної тиші те, що мало статися. Вона вкінці прихилилася до його просьби, бо кохала його. Велике кохане все прихиляється.

Вона сіла на постелі і озирнулася. Здивовано і трівожно, так трівожно, як я ще ніколи не бачив її.

— Чи тут нема нікого? *Зовсім нікого?*

— Нікого. Тільки квіти. Але квіти не чують нічого, вміють тілько цвісти і дихати пахощами.

Тоді вона закрила своє лице, на котрім розітлівся весь сором її істоти і прошептала:

— В моїм краю...

Він урочисто повторив її слова:—В моїм краю...

— ... поети...

— ... поети...

— ... се жебраки!

— ... се жебраки!

Послѣ этого «поранкова душа» вспорхнула и улетѣла, оставивъ «жебрака», а на томъ и фантазіи, носящей названіе «Поети»

(Л.-Н. Вістник, 1899, I), конецъ. Одинъ изъ критиковъ ухитрился усмотрѣть здѣсь «оборону поетів», написанную при томъ «оригінально і з безперечним талантом» (О. Маковей, см. «Л.-Н. Вістник», 1899, I, 49),—можетъ быть, не будемъ спорить, хотя намъ очень подозрительнымъ показалось, что критикъ вышеприведеннымъ и ограничился, малодушно уклонившись отъ болѣе подробныхъ комментаріевъ и предоставивъ «докладнійший осуд» этого произведенія читателямъ.

Одно изъ произведеній г-жи Кобылянской намъ хотѣлось бы подвергнуть для примѣра болѣе подробному разбору; по нѣкоторымъ соображеніямъ мы останавливаемъ свой выборъ на очеркѣ «Під голим небом» (Л.-Н. Вістник, 1900, IX). Этотъ выборъ представляетъ то удобство, что, во-первыхъ, поклонниками г-жи Кобылянской данный очеркъ считается однимъ изъ шедевровъ ея творчества,—значитъ намъ представляется случай окунуться, такъ сказать, въ самую гущу ея дарованія; во-вторыхъ, тема, составляющая содержаніе «Під голим небом», разрабатывалась и другими писателями,—въ русской, напр., литературѣ гр. Львомъ Толстымъ и г. Маминымъ-Сибирякомъ,—значитъ, есть возможность «познать вещь сравненіемъ», а это самый, какъ извѣстно, для познанія удобный пріемъ. Содержаніе очерка въ сущности очень незамысловато: ѣдутъ путники зимней порой, на пути ихъ застигаетъ среди степи вьюга, во время которой они и замерзаютъ. Читатель навѣрное помнитъ разсказъ «Хозяинъ и работникъ» гр. Толстого; можетъ быть, также читалъ и «Исповѣдь» г. Мамина-Сибиряка, и знаетъ, что въ это несложное содержаніе можетъ быть вложена талантомъ такая сила истиннаго трагизма, проистекающаго отъ сознанія безуспѣшности борьбы слабаго человѣческаго существа съ великой природой, что въ состояніи буквально потрясти читателя. Соблазнительна эта тема и съ психологической стороны, такъ какъ даетъ писателю возможность развернуть свое знаніе человѣческой души и представить, какъ встрѣчается человѣкомъ непредвидѣнная заранѣе, но неизбѣжная смерть, наиболѣе грозная именно этой своей непредвидѣнностью. И гр. Толстой, и г. Маминъ-Сибирякъ такъ и отнеслись къ

своей задачѣ и каждый изъ нихъ, своеобразно съ особенностями своего дарованія, показалъ отношеніе своихъ героевъ къ неожиданной, но неотвратимой катастрофѣ. Ихъ герои—это обыкновенные живые люди, мысли и настроенія которыхъ находятъ легкій доступъ къ уму и сердцу читателя и въ немъ также возбуждаютъ соотвѣтственное настроеніе; поступки ихъ вполнѣ ясны, понятны и психологически оправданы: всякій, даже мысленно поставивъ себя въ подобное положеніе, легко представитъ, что онъ самъ переживетъ и перечувствуетъ. Закрывая книгу каждаго изъ названныхъ писателей, вы не чувствуете раздражающей и гнетущей неудовлетворенности отъ сознанія чего то смутнаго, неяснаго, недосказаннаго,—вы удовлетворены тѣмъ художественнымъ матеріаломъ, какой даетъ вамъ писатель. Посмотримъ теперь, какъ отнеслась къ своей задачѣ г-жа Кобылянская, при чемъ оговариваемся, что вовсе, не имѣемъ въ виду сравнивать ее по таланту съ указанными писателями, изъ которыхъ одинъ является колоссомъ всемірной литературы, а другой—однимъ изъ выдающихся представителей русскаго реализма. Это величины несравнимыя не столько даже по размѣрамъ, сколько по характеру дарованія: да дѣло въ сущности вовсе и не въ размѣрахъ, такъ какъ меньшій и даже совсѣмъ маленькій талантъ въ извѣстной сферѣ можетъ выполнить свою задачу вполнѣ удовлетворительно. Проводя параллель между разсказами гр. Толстого и г. Мамина-Сибиряка, съ одной стороны, и очеркомъ г-жи Кобылянской—съ другой, мы имѣемъ въ виду только различное отношеніе писателей къ изображаемымъ имъ явленіямъ, ту или иную степень ясности ихъ представленій, воспріимчивости и отзывчивости къ жизненной правдѣ, являющейся вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ условіемъ и художественности. Если приступить къ очерку г-жи Кобылянской съ такой мѣркой, то нужно будетъ признать, что несложное содержаніе ея очерка заключено въ такую замысловатую рамку, воплощено въ такой странной формѣ, что только диву даешься этому искусству затемнять самыя простыя вещи. Характерно прежде всего само заглавіе—«Під голим небом»,—что въ сущности оно можетъ выражать, какимъ образомъ оно вытекаетъ

изъ содержанія очерка или какъ характеризуетъ отношеніе автора къ предмету? На эти вопросы возможенъ только одинъ отвѣтъ: ничего не выражаетъ, ничего не характеризуетъ и ни въ какомъ смыслѣ изъ содержанія не вытекаетъ. Вѣдь все, что ни совершается въ подлунной, все происходитъ «під голим небом»; это всеобъемлющая формула, въ которую можетъ быть включено все, что угодно, и которая, въ силу этой своей всеобъемлемости, ничего не говоритъ въ приложеніи къ отдѣльному случаю, составляющему предметъ рѣчи г-жи Кобылянской. Всякое произведеніе съ одинаковымъ правомъ можно озаглавить такимъ образомъ, и въ то же время это заглавіе ни въ одномъ случаѣ не выразитъ сущности, идеи произведенія, если только не придавать ему какого-нибудь узко-спеціальнаго значенія. Извѣстенъ логическій законъ, по которому чѣмъ шире понятіе по объему, тѣмъ оно бѣднѣе содержаніемъ, неопредѣленнѣе по смыслу, и выбирая для своего очерка такое всеобъемлющее заглавіе, г-жа Кобылянской совершаетъ логическій промахъ и въ самомъ же началѣ лишаетъ свое произведеніе ясности и опредѣленности. Но дальше—больше: совершивъ этотъ промахъ, г-жа Кобылянская сама же постаралась и подчеркнуть его, поставивъ дѣйствующими лицами семейство идіотовъ, т. е., выбирая случай болѣе или менѣе исключительный, во-первыхъ, для даннаго положенія совсѣмъ не характерный и ненужный и, во-вторыхъ, своею индивидуальностью еще болѣе подчеркивающій пустоту и безсодержательность общей характеристики, выражаемой заглавіемъ. Несоотвѣтствіе между несоразмѣрно широкой формулой заглавія и включеннымъ въ нее крайне узкимъ содержаніемъ получается разительное, напоминающее нѣсколько старую остроту на счетъ маленькаго го́рода, подвергающагося опасности сбѣжать чрезъ непомѣрно большія ворота... Но и помимо этого въ маленькомъ городѣ г-жи Кобылянской не все обстоитъ благополучно: внутри его участіе человѣка, сокращенное до minimum'а умственнымъ состояніемъ населенія, принадлежащаго къ не вполнѣ развитымъ существамъ, совершенно блѣднѣетъ предъ высокими умственными качествами лошади, психологіей которой, если можно говорить о лошадиной

психологіи, г-жа Кобылянская занимается съ особо утонченной добросовѣстностью. Можетъ быть въ этомъ пріемѣ кроется сознательный или безсознательный разсчетъ, потому что лошадиная психологія—дѣло вѣдь темное и провѣрки со стороны читателей не допускающее, тогда какъ человѣческая психологія—несравненно сложнѣе и потому труднѣе для изображенія. Какъ бы то ни было, но перенесши душевную драму изъ общечеловѣческой обстановки въ клинику для душевно-больныхъ и на скотный дворъ, г-жа Кобылянская упрощаетъ свою задачу до такой степени, что и отъ самой задачи ничего не остается,—маленькій городъ убѣжалъ чрезъ непомѣрно большія ворота и скрылся среди непроходимыхъ дебрей уже чисто символистическихъ тонкостей. Мы не беремъ на себя труда разбираться въ этихъ послѣднихъ, а лишь постараемся изложить ихъ по возможности словами автора. Тишину зимняго дня въ степи нарушали «напрямком (?) дороги голоси дрібних дитячо звенячих дзвінків і мов кропили ії (тишину?) тоненькими, одностайними крапельками звуків»; лошадь, запряженная въ сани, «була інтелігентна і вдячна (?)», она всего болѣе «ненавиділа батога» и для понуканія ей достаточно было показать кулакъ,—«тоді летіла як шалена широкою рівниною, гнана диким почуттем страху, що на неї туй-туй спадуть якісь здоганяючі ії в воздусі чорні пошматовані хоругви (?) і убьють ії на місці мов грім». Въ саняхъ, «на малім підвисшеню, що уходило за сиджене», сидѣлъ хозяинъ-идіотъ, позади—его жена-идіотка съ ребенкомъ, носящимъ слѣды своего происхожденія, а кромѣ того—«спокійно між ними сиділа безжурність (?)». Характеристика идіотовъ сдѣлана чисто внѣшними чертами (стр. 257—260) и потому касаться ея мы не будемъ, хотя замѣтимъ, что кромѣ наружности ничего спеціально идіотскаго въ нихъ нѣтъ: это обычные забитые труженники, какихъ едва-ли кто причислилъ бы къ идіотамъ, если бы писательницѣ не пришла почему то фантазія приклеить къ нимъ ярлычокъ съ этимъ названіемъ. Утромъ еще, когда «ранок був претемнений бурим серпанком задуманої ночи», они выѣхали изъ города, куда отправились почему-то всей семьей, оставивъ дома умирающую

мать. Начинается вьюга, при чемъ, должно быть, въ предчувствіи чего-то сквернаго, даже «краплі звука дрібних дзвінків розплакали ся». Плохо одѣтые идіоты пытаются бороться со вьюгой, пробуютъ защищаться отъ леденящаго холода и согрѣвать себя водкой, но разумѣется безуспѣшно. Гонимая дикимъ страхомъ лошадь, чувствуя за собой «чорну купу» мертвыхъ тѣлъ, выбивается изъ силъ, но все таки привозитъ ихъ домой, гдѣ тѣмъ временемъ мать успѣла также умереть отъ голода и стужи подъ дикое завываніе бури. Опуская массу непередаваемыхъ подробностей изъ области лошадиной психологіи, а также діалогъ между умирающей старухой и бурей, мы приведемъ цѣликомъ лишь заключительныя строки очерка.

Ніч. Глубоке, безкрає небо погідне і оживлене. Звізди миготять, дрожать, грають сьвитлом своім, а де-не-де перелітають луковатим полетом і міняють місця на небі.

Між ними спокійно стоіть місяць.

Ясне магічне його сьвітло розпливаеть ся лагідно докола него. Біла, пуста рівнина заллята ним мов сріблом, а високі, тонкі стовпи, що біжуть (sic) правильно по ній тут і там і далі, кидають на неі пасма струнких тіней і мов вяжуть ся руками з собою, аби не згубитись у одностайній пустині.

Довгий дубовий ліс, прибраний в іней, творив краем рівнини кришталевий мур. Його вершки прозорі у сьвітлі, майже розпливають ся в нім.

Около півночи станув у закаменілій недвижности і побілів цілковито.

Бачив: в поблизкости хатини пересунулась тайком (sic) мрака, мов срібна, ледви замітна тканина, припяла (приняла?) чудно сформовану постать і перетяглась нечутно кришталевим верхом у пусту осьвітлену рівнину...

Місяць пронизав ії своім лагідним сяевом, а відтак заховався на хвилину за хмару, заглянувши в ії (?) фосфоричні, безсмертні очи (?)...

Вона (?) щезла...

Струя звучної, спокійної гри летить живо рівною ниткою далеко білою рівниною, невтомно, без перерви, мов у вічність.

Де урветь ся?

Ій байдуже.

Страху перед нічим не знає (Л.-Н. Вістник, 1900, IX, 266—267).

Что все это означаетъ и какимъ образомъ вяжется съ разсказанной г-жей Кобылянской исторіей—рѣшительно не понимаемъ: авторъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы отнять у читателя всякую возможность проникнуть въ тайны его мудрыхъ глаголовъ. А вѣдь еще многое изъ подобныхъ же перловъ («плоска журба», невиловлена лютість», *черные* дубовые листья, которые черезъ нѣсколько строчекъ обращаются уже въ *зеленые* и т. п.) опущено нами... На вопросъ, зачѣмъ понадобилось г-жѣ Кобылянской это издѣвательство надъ здравымъ смысломъ, очевидно можетъ быть лишь одинъ отвѣтъ, если исключить преднамѣренность такого поступка: писательница не находитъ нужнымъ снисходить къ «буденним умам» своихъ читателей и потому излагаетъ свои произведенія въ томъ же хаотическомъ видѣ, въ какомъ они появляются у нея въ сознаніи. Творчеству, въ смыслѣ наиболѣе цѣлесообразнаго комбинированія возникающихъ въ сознаніи образовъ, здѣсь нѣтъ мѣста: слово, выраженіе, образъ заносится на бумагу въ такомъ порядкѣ, въ какомъ появляются, а затѣмъ въ такомъ же сыромъ видѣ преподносятся читателямъ. А если послѣдніе въ недоумѣніи лишь плечами пожимаютъ—это не должно смущать автора, который не обязанъ считаться съ требованіями «буденних умів»...

Чтобы покончить съ произведеніями г-жи Кобылянской и дать читателю еще болѣе ясное понятіе объ ея манерѣ и художественныхъ пріемахъ, приведемъ еще одно изъ ея стихотвореній въ прозѣ цѣликомъ, выбирая меньшее по размѣру, носящее опять таки совершенно несоотвѣтствующее заглавіе «Акорды».

Геть далеко і високо, де ясні зорі, там мабуть є щасте моє. Звідси туга у мене, що мені ії Бог поклав у серце, а ніхто не міг утихомирити.

Жду ангела смерти.

Я чую его ось тут і тут... як він іде... то тут з'явить ся то там... небавом почую, як він перейде попри мої двері...

А зорі з неба так привітно усьміхають ся до мене!

Там певно є щасте моє.

—

У ліс зайшла я.

Так тихо довкола.

Тут тиша і холод—такі великі, що аж мені лячно.

Теплими словами хочу оживити его і себе і кажу ті слова.

Луна не йде.

Так тихо й пусто, як перше... так мертво у буйній зелені, що жаль находить на мене.

Ще раз кличу голосно з повної груди найгорячійше слово, яке є на сьвіті... і невже? по довгій хвилі йде луна, крок за кроком, якби з холодної пропасти добував ся веселий подорожний: «Люблю тебе»!—пішла лісом—і жила ще довго в памяти всіх цьвітів, хоч сама давно загинула...

—

Кожний чоловік раз в житю зупиняє ся і не знає, куди завернутись. Я свою дорогу знаю. То самота. Вона впялила свої грізні, холодні очи в мене і моргає до мене.

Я йду.

Я буду тобі служити, ти велика безсердешна самото, і пісні свої покладу у ніг твоіх.

Усьміхни ся тоді!

Він такий пожаданий... такий добрий... оттакий солодкий усьміх для втомленого серця, що даремно благало о него людей...

—

Від мене до тебе стелить ся ясна дорога.

Як срібна стяжка.

Нею легеньким кроком ідуть леліі (!) мого серця. Остатні леліи моеі молодости. Опустивши зажурені головки, вони оглядають ся і прощають ся: «Ми вже ніколи не повернемо, горде жите!...ми вже не повернемо... ми остатні... дай хоч дні прожити»... І тихо ступають тихою дорогою до тебе, щоб там зівянути... (Л.-Н. Вістник, 1898, VI, 326—327).

Довольно примѣровъ. Нами упомянуты почти всѣ символистическаго направленія произведенія г-жи Кобылянской, и мы можемъ теперь, на основаніи представленнаго выше матеріала, опредѣлить характеръ и особенности ея творчества, а также сдѣлать кой-какіе общіе выводы. На первомъ планѣ нужно поставить крайнюю неясность и неопредѣленность задачъ и цѣлей нашей писательницы, смѣшеніе представленій, своего рода тиранію ассоціаціи идей, господствующую надъ г-жей Кобылянской: все это отражается на ея произведеніяхъ чрезмѣрной субъективностью и символистической темнотой, каковыми недостатками въ особенности страдаютъ ея послѣднія по времени произведенія, за исключеніемъ лишь очень немногихъ. Вторую особенность, присущую г-жѣ Кобылянской, составляютъ однообразіе и, такъ сказать, монотонность ея дарованія, сказывающіяся особенно замѣтно на числѣ ея художественныхъ созданій. Въ самомъ дѣлѣ—г-жа Кобылянская регулярно повторяетъ себя чуть ли не въ каждомъ своемъ новомъ произведеніи, не прибавляя почти ни одной новой черточки, ни одного свѣжаго мазка къ сказанному раньше; можно думать, что уже въ «Царівнѣ» она высказалась вполнѣ и этимъ произведеніемъ навсегда опредѣлила направленіе и даже содержаніе своей послѣдующей литературной дѣятельности. Наталка Верковичъ повторяется въ героиняхъ «Impromptu phantaisie», «Він і вона», «Vals melancholique» и «Природи»; художница изъ «Царівни»—въ Ганнусѣ изъ «Vals melancholique», гуцулка изъ «Некультурної»—въ «Часі» и т. д., словно писательница все время вращается въ какомъ-то заколдованномъ кругѣ, изъ предѣловъ котораго не имѣетъ силъ выступить [1]).

---

[1]) Характерно, что персонажи г-жи Кобылянской даже говорятъ почти одними и тѣми же выраженіями и словами. «*Не дбайте о загал і йдіть своєю дорогою*»—говоритъ Наталка («Царівна» 167),—«*Іду собі своєю дорогою і не журу ся товпою*»—заявляетъ героиня «Він і вона» («Покора», 49). Наталка заботится, «щоб *жадоба за красою утихомирилася*» («Царівна», 187),—героиня «Impromptu phantaisie» «старалась *заспокоіти ненаситну жадобу краси*» («Покора», 101). На-

Насколько кругъ этотъ тѣсенъ, видно изъ того, что г-жа Кобылянская принуждена возвращаться иногда къ своимъ старымъ темамъ, уже использованнымъ ею раньше, и оттуда почерпать матеріалъ для вдохновенія,—такъ напр., сюжетъ повѣсти «Земля» отчасти уже эксплоатировался эпизодически все въ той же «Царівні» и въ очеркѣ «На полях» (Л.-Н. Вістник, 1898, кн. XI). Съ особенностью писательницы—по всякому поводу, кстати и не кстати, поминать красоту, искусство и въ особенности музыку, а также расточать пинки и ругательства по адресу «тупоумной» толпы—мы уже знакомы и потому останавливаться на ней не будемъ, хотя не можемъ не отмѣтить мимоходомъ, что г-жа Кобылянская и здѣсь почти буквально повторяетъ себя. Монотонность и скудость содержанія сказывается даже въ мелочахъ: въ упорно-повторяемомъ, напр., употребленіи одного и того же, большею частью съ не вполнѣ опредѣленнымъ значеніемъ, слова для выраженія самыхъ разнообразныхъ и очень сложныхъ душевныхъ движеній; особенной симпатіей г-жи Кобылянской пользуются прилагательныя «тупий», «лагідний» и «дикий», которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея произведеній образуютъ истинную какофонію какъ въ звуковомъ отношеніи, такъ и въ логическомъ (напр., «на пів *дика гармонія*», Л.-Н. Вістник, 1900, IX, 258). Монотонность, однообразіе содержанія и даже отдѣльныхъ выраженій и скудость мысли въ особенности ярко выступаютъ при послѣдовательномъ и непрерываемомъ чтеніи всѣхъ произведеній г-жи Кобылянской: при этомъ даже ея описанія природы, и въ

талка заявляетъ: «я *тужу за барвами*, за сьвітлом, *за гармонією*» («Царівна», 187),—художница изъ «Vals melancholique» «*затужила знов за барвами*» (Л.-Н. Вістник, 1898, I, 79), а музыкантша «вічно шукала *гармонії*» (ib. 34). Героиня «Він і вона» не любитъ, «як хто цілує ся з «товпою» в уста» («Покора», 51),—одна изъ героинь «Vals melancholique» также размышляетъ, достойна ли данная особа того, чтобы «цілуватись з нею в уста» (Л.-Н. Вістник, 1898, I, 55). Ограничимся пока этими примѣрами, хотя при желаніи количество ихъ можно было бы значительно пополнить.

частности—горныхъ видовъ, возбуждающія наибольшее восхищеніе среди ея поклонниковъ, оказываются весьма однообразными, а потому до чрезвычайности надоѣдливыми. Вообразите, что передъ вами въ теченіе довольно долгаго времени назойливо повторяютъ одно и тоже—какой-нибудь образъ, звукъ, мотивъ,—въ первое время вы, можетъ быть, и будете воспринимать его, но затѣмъ чувства ваши постепенно притупляются и вы уже не въ состояніи откликаться на впечатлѣнія, вызываемыя этимъ образомъ или звукомъ; еще дальше—и вы почувствуете раздраженіе и если вы человѣкъ нервный, то едва ли въ состояніи будете выдерживать долго эту своего рода пытку. Таково приблизительно дѣйствіе произведеній г-жи Кобылянской, вызываемое указанными изъянами ея художественныхъ средствъ и пріемовъ, помимо уже темноты и неопредѣленности содержанія, проистекающихъ отъ неудержимаго стремленія писательницы въ заоблачную высь.

IV.

До сихъ поръ мы мало, лишь мимоходомъ, останавливались на одной сторонѣ произведеній г-жи Кобылянской, чрезвычайно характерной для нея и обрисовывающей какъ нельзя лучше духовный обликъ автора. Нашъ очеркъ былъ бы далеко не полонъ, если бы мы упустили изъ виду отношеніе г-жи Кобылянской къ жизни и не попытались подойти къ ея произведеніямъ съ этой стороны.

Наталка Верковичъ, страдающая, какъ уже не разъ было упомянуто, «тугою за красою», въ одномъ мѣстѣ своего дневника рисуетъ между прочимъ слѣдующій идеалъ жизни: «передовсім бути собі цілею і обрабляти самого себе, з дня на день, з року до року. Різьбити себе, вирівнувати, щоби все було складне, тонке, миле. Щоб не остало ся дісгармонії ані для ока, ані для серця, для жадного з змислів. Щоб жадоба за красою утихомирила ся» («Царівна», стр. 175—176); въ другомъ мѣстѣ она заявляетъ: «я тужу за барвами, за сьвітлом, за гармонією», при

чемъ Орядинъ дополняетъ: «за красою і досконалістю» (ib., 187). «Ненаситну жадобу краси» чувствуетъ и безыменная героиня «Impromptu phantasie», при чемъ конецъ этого произведенія писательница излагаетъ уже отъ своего имени: тотъ же мотивъ повторяется очень ярко и въ «Vals melancholique», и въ «Поетах», и во многихъ другихъ произведеніяхъ г-жи Кобылянской. Вообще стремленіе къ красотѣ, гармоніи, даже ненасытная жажда ея, составляютъ отличительную особенность произведеній г-жи Кобылянской; можно даже сказать, что всѣ явленія оцѣниваются ею исключительно лишь съ точки зрѣнія красоты, вся жизнь имѣетъ для нея смыслъ лишь постольку, поскольку она является воплощеніемъ или отрицаніемъ той же идеи красоты. Красота образовъ, формъ, красокъ, тоновъ, отсюда любовь къ музыкѣ и поэзіи, съ одной стороны, и страхъ предъ дисгармоніей, ненависть ко всему, «що грубе, без чувства і що—немузикальне», съ другой,—это нервъ ея писательской дѣятельности, исходный пунктъ ея міровоззрѣнія: для нея это могущественная сила, панацея отъ всевозможныхъ золъ. Художница въ «Vals melancholique» проповѣдуетъ, что «коли б всі були артисти осьвічені і виховані, почавши від чутя аж до строю, не було би стільки погані і лиха на сьвіті, як тепер, а сама гармонія і краса. А так? Що округ нас? Лише ми одні піддержуемо красу в житю, ми артисти, вибрана горстка суспільности» (Л.-Н. Вістник, 1898, I, 36). Героиня разсказа «Мати Божа» мечтаетъ между прочимъ «про якогось рода красоту з зарисом любови і з зарисом чистоти—в которій красі затонули б і «вартости», і сучасна «мораль», і угинаючі ся спини, і сльози горя, і саме горе» («Покора», 13). Выразительнѣе этого не сказалъ бы и тотъ французскій символистъ (Лоранъ Тальядъ), который во взмахѣ руки анархиста, безсмысленно погубившаго своей бомбой много ни въ чемъ неповиннаго народа, способенъ былъ видѣть лишь красивый жестъ; или другой (Морисъ), судьбы міра оцѣнивавшій съ точки зрѣнія поэта, принужденнаго въ силу необходимости прервать свой стихъ. Въ этой ненасытной жаждѣ красоты, осложненной недостаткомъ дисциплинирующей способности ума, и кроется, по нашему мнѣ-

нію, источникъ слабости г-жи Кобылянской. Она, эта жажда, приводитъ ее къ безцѣльному въ сущности исканію красоты повсюду, заноситъ ее въ заоблачную высь, заставляя забывать ту дѣйствительную жизнь, которой при другомъ направленіи она могла бы оказать крупную услугу своимъ талантомъ,—словомъ приводитъ къ тому странному положенію вещей, при которомъ старательно оцѣживается комаръ и безпрепятственно проскакиваютъ болѣе крупныя созданія. Такъ, напр., стремленіе оцѣнивать все съ точки зрѣнія красоты заставляетъ писательницу проводить рѣзкую черту между природой, съ одной стороны, и человѣкомъ — съ другой; въ первой для нея сосредоточивается преимущественно вся красота, да и не просто сосредоточивается, а прямо таки олицетворяется. Природа представляется ей живымъ существомъ, надѣленнымъ всѣми свойствами не только живого, но и разумнаго существа, способнаго любить и ненавидѣть, радоваться и печалиться, чувствовать гнѣвъ, стыдъ, страхъ и т. п. Мало того, только одна природа и способна дѣйствовать на человѣка благотворно, по крайней мѣрѣ герой «Жебрачки» заявляетъ, «що сили, котрі становили мою душу, збудила она (природа), що викохала іх сама саміська она» («Покора», 6), а Наталка Верковичъ тѣмъ, чѣмъ она стала, въ значительной степени, если не исключительно, обязана все тому же благотворному вліянію природы (см. «Царівна», 16—17). Людей, живущихъ близко къ природѣ, всецѣло подчиненныхъ ея вліянію, г-жа Кобылянская рисуетъ съ очевидной симпатіей, исключительно ихъ одаряетъ благосклоннымъ вниманіемъ, которымъ она не грѣшитъ къ людямъ вообще—«толпѣ»; таково, напр., описаніе Гуцуловъ въ «Битві»: они «ще не мали жадного прочутя о тій глубокій розкладаючій тузі з хорим усьміхом на устах, яку викликує лиш образованє і культура. Вони жили з дня на день, не дбаючи о будучність і ії безнадійність; іх бажапя були прості і прозорі, а умови іх щастя—блеск сонця і сине небо» («Покора», 87). Это, конечно, ужъ слишкомъ—«умови іх щастя—блеск сонця і сине небо», какъ будто Гуцулы какіе-нибудь аркадскіе пастушки или же безплотныя существа, но надо отдать справедливость г-жѣ

Кобылянской—описанія природы ей дѣйствительно удаются, несмотря на нѣкоторое однообразіе красокъ и злоупотребленіе олицетвореніями и сравненіями, заимствованными изъ сферы человѣческихъ отношеній. Ея «Битва», напр., взятая отдѣльно отъ другихъ произведеній, была бы несомнѣнно хорошей картиной природы, если бы не омрачалась, по крайней мѣрѣ для насъ, одной тенденціей, грубо и безъ нужды приклеенной къ картинѣ, но слишкомъ часто встрѣчающейся въ произведеніяхъ г-жи Кобылянской и придающей имъ своеобразный букетъ. Тенденція эта—презрѣніе къ человѣку, не къ тому или другому человѣку, не подходящему подъ уровень требованій г-жи Кобылянской,—нѣтъ, а именно къ человѣку вообще, къ человѣку какъ человѣку. Высказавъ устами безыменной героини «Він і вона» сентенцію, что, молъ, «не люблю, як хто цілує ся з «товпою» в уста,—таких уст не могла би я ніколи цілувати» («Покора», 51), г-жа Кобылянская очень стойко удерживаетъ занятую позицію и не устаетъ обливать несчастную «товпу» самымъ ядовитымъ презрѣніемъ. Исключенія есть, но они незначительны и исчерпываются, съ одной стороны, счастливыми избранниками, «расовими людьми»—сверхъ-человѣками, а съ другой—людьми, не разорвавшими еще связей съ природой, которымъ, если вѣрить нашей писательницѣ, для счастья нужны лишь блескъ солнца и голубое небо. Часть своихъ симпатій къ природѣ г-жа Кобылянская переноситъ и на этихъ людей, ко всѣмъ же остальнымъ, не имѣющимъ счастья принадлежать къ сверхъ-человѣкамъ и аркадскимъ пастушкамъ, она не чувствуетъ ни пощады, ни даже снисхожденія. Собственно говоря, трудно было и ожидать иного отношенія, разъ для писательницы мѣриломъ всего является одна лишь красота, и при томъ—красота исключительно внѣшняя: красота образовъ, красокъ, тоновъ; разъ вѣнцомъ созданія является сверхъ-человѣкъ, для котораго толпа обречена лишь служить удобреніемъ и который проникнутъ ненавистью ко всему, «що грубе, без чувства і що—немузикальне». Гдѣ ужъ тутъ искать *такую* красоту среди толпы—во всѣхъ этихъ грязныхъ, оборванныхъ лохмотьяхъ, въ изможденныхъ отъ голода, испѣченныхъ солнцемъ, испитыхъ ли-

цахъ, въ грубыхъ, корявыхъ, мозолистыхъ рукахъ, въ немузыкальныхъ, напоминающихъ нѣжному слуху сверхъ-человѣка непріятный скрипъ колесъ голосахъ! Гдѣ ужъ быть красотѣ среди этихъ полуживотныхъ, «котрі не знали ні свята, ні неділі, а о красі не мали понятя» («Покора», 83),—о той красотѣ, которая, если помнитъ читатель, составляетъ одну изъ первыхъ заповѣдей символа вѣры, исповѣдуемаго г.г. сверхъ-человѣками! А разъ это такъ, то стоитъ ли на эту грубую, безобразную толпу и вниманіе обращать и ради нея свои сверхъ-человѣческія силы утруждать,—«іду собі своєю дорогою і не журуся товпою», какъ неоднократно изволятъ выражаться возвышенные герои г-жи Кобылянской, ни мало не безпокоясь о существахъ плачущихъ, стонущихъ, изнемогающихъ, корчащихся отъ голода и боли у нихъ подъ ногами. Они вѣдь заслуживаютъ вниманія только какъ орудіе и противодѣйствіе великихъ людей, какъ расплывающіяся копіи сверхъ-человѣковъ, отпечатанныя на плохой бумагѣ стертымъ клише, а въ остальномъ—«побралъ бы ихъ чортъ и статистика»!—какъ энергически выражается Ничше. Добро бы еще г-жа Кобылянская чувствовала презрѣніе къ толпѣ, отмѣченной какими-нибудь непохвальными или ей лично несимпатичными свойствами,—ну, скажемъ, стадностью, рабскимъ преклоненіемъ предъ пустыми, ложными понятіями,—а то вѣдь нѣтъ: толпа, ниже стоящія существа для нея ненавистны уже потому, что они ниже стоятъ, что не поклоняются тому богу красоты, которому приноситъ жертвы г-жа Кобылянская. Правда, съ отрицательнымъ отношеніемъ къ толпѣ, съ презрѣніемъ и проклятіями по ея адресу, мы встрѣчаемся и у многихъ великихъ представителей человѣчества (Шекспира, Мольера, Шиллера, Байрона, Ренана, Ибсена и др.), но есть громадная разница въ мотивахъ такого отношенія: они, во-первыхъ, выражали негодованіе противъ опредѣленныхъ недостатковъ, присущихъ толпѣ, а во-вторыхъ, давали также и нѣчто положительное, предъявляли извѣстный идеалъ, во имя котораго совершали свои бичеванія. «Великолѣпное бѣлокурое животное» Ничше имѣетъ по крайней мѣрѣ достоинства ясности и опредѣленности, которыхъ лишены блѣдные, анемичные сверхъ-человѣки

г-жи Кобылянской, ограничивающейся при созданіи ихъ одними лишь голыми аттестаціями: она посылаетъ проклятія толпѣ за то лишь, что послѣдняя не имѣетъ понятія о красотѣ и смѣетъ не обнаруживать восхищенія и преклоненія предъ плюющими на нее служителями этой красоты (см. фантазію «Поети»). Этой грубо аристократической тенденціей до того проникнуты произведенія г-жи Кобылянской, что мы затрудняемся въ подборѣ достаточно яркихъ и выразительныхъ въ этомъ отношеніи мѣстъ,— всѣ они отличаются колоритностью. Принадлежать къ толпѣ, разумѣется, позорно; имѣть съ нею сношенія—унизительно, и потому великолѣпная героиня разсказа «Він і вона» дѣлаетъ любопытное признаніе: «Я гожу ся подекуди з зарозумілостю, іменно не люблю, якъ хто цілує ся з «товпою» в уста. Таких уст не могла би я ніколи цілувати» («Покора», 51); не менѣе великолѣпная художница изъ «Vals melancholique» отказывается сидѣть за однимъ столомъ съ человѣкомъ некрасивымъ и безъ манеръ (Л.-Н. Вістник, 1898, I, 41). Еще бы! графъ Потоцкій у г. Карпенко-Карого прямо говоритъ шляхтичу, братавшемуся съ народомъ и имѣвшему смѣлость сознаться въ этомъ предъ лицомъ его ясновельможности: «фі, мені здається, що у пана Шмигельського і тепер в сорочці кузки лазять»! («Сава Чалый», 18),— и это по крайней мѣрѣ имѣетъ то достоинство, что сказано вполнѣ откровенно... Нѣтъ ничего удивительнаго, если, наблюдая съ высоты птичьяго полета столкновенія человѣка съ природой, г-жа Кобылянская рѣшительно отдаетъ свои симпатіи послѣдней: въ «Битві» она немилосердно коститъ рабочихъ на каждомъ шагу «наемниками»; «з грубим обличем, в подертій замащеній одежі з неповоротними, від тяжкої праці майже неформними руками... сам собою зовсім поганий на вид»—рабочій, само собою разумѣется, не можетъ разсчитывать на ея сочувствіе и симпатіи. Писательницѣ очень хорошо извѣстно, что «неформность» рукъ происходитъ «від тяжкої праці», что дикій, «поганий вид» рабочихъ зависитъ отъ того, что они не знаютъ «ні неділі, ні сьвята», а можетъ быть и отъ тѣхъ «голосних ударів», которыми, по ея же собственному свидѣтельству, награждаютъ нѣкоего ра-

бочаго, неизвѣстно почему названнаго ею «Клеветой» (!),—и тѣмъ не менѣе языкъ поворачивается попрекать ихъ наемничествомъ... Ужъ подлинно—«іду собі своєю дорогою і не журу ся товпою» за то только, что она обладаетъ грубыми, неизящными руками и «о красі не має понятя»! Все принесено въ жертву Молоху красоты, даже элементарнѣйшія требованія справедливости, которая могла же подсказать писательницѣ, что не эти «наемники», которыхъ она обливаетъ ядомъ своего презрѣнія, виноваты въ безпощадномъ истребленіи природы; что не они также получаютъ отъ этого и выгоды, такъ какъ за ихъ измученными, изогнутыми спинами стоитъ, можетъ быть, какой-нибудь выхоленный Uebermensch, во имя котораго и совершаются эти дѣйствительно возмутительныя хищенія и варварское истребленіе и разрушеніе природы; что ея гнѣвъ и упреки не по адресу направлены, не въ то мѣсто попадаютъ. Но, какъ извѣстно, съ высоты всего не усмотрѣть—и потому то г-жа Кобылянская ничего этого знать не хочетъ, идетъ себѣ «своєю дорогою» и мимоходомъ поругиваетъ глупую толпу за то, что послѣдняя портитъ красивую мѣстность, не справляясь съ идеалами красоты, усвоенными сверхъ-человѣками. Характерно при этомъ, что героиня г-жи Кобылянской вышеприведенную фразу «іду собі своєю дорогою» и т. д. сопровождаетъ рекомендаціей, что это дѣлаетъ «справдішній Европеєць», «об'єктивно-критичний», но очевидно, что это менѣе всего европейская точка зрѣнія: назовите ее, какъ угодно—китайской, индійской, полинезійской, но только хоть Европу-то оставьте въ покоѣ,—она ужъ менѣе всего причасна къ этимъ человѣконенавистническимъ возгласамъ. Намъ кажется, что даже самые ярые поклонники г-жи Кобылянской должны испытать хоть маленькое чувство стыда за такое не сверхъ-человѣчное, а по-истинѣ безчеловѣчное отношеніе къ «наемникам», если только они вдумаются достаточно въ смыслъ хотя бы ея «Битви»,—ставимъ это «если» потому, что объ упомянутомъ произведеніи намъ приходилось читать и слышать только какъ о «шедеврѣ», безъ всякихъ оговорокъ и ограниченій. Ну, и пусть желающіе наслаждаются такими «шедеврами», если могутъ, а мы, признаться, не

въ состояніи: безчеловѣчное, безсмысленно-жестокое отношеніе автора къ несчастнымъ «наемникам» портитъ для насъ всякое впечатлѣніе отъ дѣйствительно красивой картины. Мы, впрочемъ, не безъ основанія упомянули о стыдѣ, такъ какъ дѣйствительно, кажется, нѣкоторымъ поклонникамъ г-жи Кобылянской становится нѣсколько неловко за ея безпощадное и ни на чемъ въ сущности не основанное презрѣніе къ простымъ людямъ. Заключаемъ это изъ того обстоятельства, что, напр., переводчикъ произведеній г-жи Кобылянской на русскій языкъ (см. «Жизнь», 1900, IX), вообще сильно смягчившій ихъ тонъ и, такъ сказать, нѣсколько поддѣлавшій ихъ, фразу изъ «Improrptu phantasie»—«не мала в собі нічого *з плебейскости*»—передаетъ: «не имѣла въ себѣ ничего рабскаго», и этой маленькой съ виду поправкой совершенно мѣняетъ смыслъ, устраняя еще одинъ ненужный кивокъ въ сторону грубой черни. Мы далеки, конечно, отъ мысли ставить человѣка въ центрѣ міроздания въ томъ смыслѣ, что все существующее существуетъ лишь для него и черезъ него, но съ другой стороны считаемъ нужнымъ протестовать и противъ того, чтобы трактовать человѣка, какъ едва терпимый придатокъ, или болѣе или менѣе не-художественный аксессуаръ къ природѣ, въ какой бы формѣ—публицистической, или художественной—эта мысль не выражалась. Личность человѣка, хотя бы даже «наемника», все таки большаго стоитъ, чѣмъ личность дерева, а между тѣмъ, какъ ни странно звучитъ это выраженіе, личность дерева для г-жи Кобылянской совершенно заслоняетъ человѣка: чувствуя и понимая страданія—что бы тамъ ни говорили, а все таки *мертвой*—природы, она отказывается понимать страданія *живого* человѣка...

Но выражая постоянно свое недвусмысленное презрѣніе къ толпѣ, черни, «наемникам» и т. п., г-жа Кобылянская не сумѣла однако остаться при этой точкѣ зрѣнія и быть послѣдовательной до конца. Нѣкоторыя мысли ея героевъ, какъ и ея собственныя, очень впрочемъ немногочисленныя, произведенія, повидимому, противорѣчатъ этому, что дало поводъ г-жѣ Л. Украинкѣ, не безъ нѣкоторой доли игривой снисходительности, предлагать

намъ даже «утѣшиться», такъ какъ эта писательница не всегда, молъ, въ небесахъ витаетъ, а нѣтъ-нѣтъ, да и спустится въ «долины» побесѣдовать съ нами по-просту и о простыхъ вещахъ. Утѣшеніе, правда, не большое, если писательница благоволитъ иногда снизойти съ своей высоты къ намъ грѣшнымъ и, отбросивъ на минуту свою обычную точку зрѣнія, взглянуть на дѣло проще,—вѣдь общій доминирующій тонъ ея произведеній все-таки слишкомъ звучитъ презрѣніемъ къ обыкновеннымъ людямъ, прогнѣвившимъ писательницу корявыми руками и отсутствіемъ надлежащихъ понятій о красотѣ, и мотивы иного характера въ ея творчествѣ все-таки пока остаются исключеніями. Однако, воспользуемся замѣчаніемъ и постараемся выяснить противорѣчіе, для чего намъ придется опять таки обратиться къ первоисточнику всѣхъ произведеній г-жи Кобылянской—къ «Царівнѣ».

Наталка Верковичъ въ своей программѣ, выдержки изъ которой нами уже неоднократно приводились, выражаетъ между прочимъ желаніе—«бути передовсім собі цілею, а опісля стати або для одного чимсь величним на всі часи, або віддатись праці для всіх («Царівна», 176); въ другомъ мѣстѣ къ этому она вноситъ поправку въ томъ смыслѣ, что состоя, молъ, при мужѣ и работая на общую пользу, можно одновременно «любити сьвіт Божий в цілій его величі» но сейчасъ же, словно спохватившись, прибавляетъ: «з ріжнородними его гарними і чудесними об'явами» (ibid., 249). Мы не знаемъ, что собственно дѣлала Наталка Верковичъ,—можетъ быть она, согласно предложенію одной изъ своихъ подругъ, каталогъ книгъ для самообразованія женщинъ составляла, можетъ быть символистическія повѣсти писала, а можетъ, быть и другимъ какимъ не менѣе почтеннымъ дѣломъ занималась,—но на словахъ-то, по крайней мѣрѣ, она очень много и часто распространяется о своемъ намѣреніи работать на пользу родного края, на пользу всѣхъ и т. п. Характерно во всякомъ случаѣ это «або»: «стати *або для одного* чимсь величним на всі часи, *або віддатись праці для всіх*», напоминающее мечты одного изъ героевъ Успенскаго: или поступить въ монахи, или сдѣлаться силачемъ; характерна также и эта прибавка, позволяющая любить весь

міръ Божій непремѣнно «з ріжнородними его *гарними і чудесними* об'явами», указывающая на все тотъ же кругъ интересовъ нашей героини. Изъ этого мы вправѣ заключить, что работа на пользу общую для Наталки вовсе не составляла коренного требованія ея натуры,—это было между прочимъ, въ родѣ какого-то спорта—между ласками того «одного» [1]) и наслажденіемъ «гарними і чудесними об'явами»: надоѣстъ наслаждаться—такъ отчего жъ и не побаловаться немного работой, тѣмъ болѣе, что панна Верковичъ очень боится забвенія въ потомствѣ, да и кромѣ того, несмотря на всю свою скромность и смиреніе, къ суетной славицѣ не совсѣмъ равнодушна. Желаніе служить родному народу и работать на пользу общую не только не вытекаетъ изъ характера героини, но напротивъ—весьма и весьма ему противорѣчитъ, какъ что-то приставное, приклеенное чисто механически, пришитое бѣлыми и потому слишкомъ замѣтными нитками. Если вообще одновременное служеніе двумъ господамъ невозможно, или по крайней мѣрѣ, при физической возможности, не рекомендуетъ такого служителя съ хорошей стороны, то еще въ большей степени приложимо это въ настоящемъ случаѣ. Богиня, допустимъ, красоты слишкомъ ужъ разнствуетъ отъ мамоны корявыхъ рукъ, слишкомъ ужъ интересы ихъ противорѣчивы, чтобы могли слиться въ одномъ руслѣ и одновременное служеніе имъ могло совершаться не токмо за страхъ, но и за совѣсть. Произойдетъ, конечно, то, что и должно было произойти при такомъ неестественномъ положеніи: человѣкъ, полагающій, что онъ почему-то обязанъ зарáзъ служить двумъ господамъ, одного возлюбитъ, а другого возненавидитъ и пойдетъ въ концѣ концовъ туда, куда влекутъ симпатіи,—въ данномъ случаѣ «жадоба за красою». Да проститъ намъ г-жа Кобылянская, но невольно

[1]) Отмѣтимъ мимоходомъ, что любви сверхъ-человѣки отдаютъ должную цѣну, даже нѣсколько большую, чѣмъ искусству: одной изъ героинь «Vals melancholique» принадлежитъ афоризмъ: «штука—то великий чоловік, але я би сказала, що любовь більший» (Л.-Н. Вістник, 1898, I, 48).

является подозрѣніе, что она просто спохватилась, что въ своемъ презрѣніи къ народнымъ массамъ зашла слишкомъ далеко, и вотъ она пожелала поправить дѣло, вложивъ въ уста своей «царівні» нѣсколько красивыхъ, но достаточно неопредѣленныхъ и въ этой неопредѣленности туманныхъ и расплывчатыхъ фразъ объ общемъ благѣ [1]). Какъ имѣющія чисто головное происхожденіе, эти фразы, разумѣется, ни къ чему не обязываютъ и едва-ли изъ головы переходятъ въ соотвѣтственныя дѣйствія, нарушая впрочемъ цѣльность характера героини. Сказанное нами о Наталкѣ Верковичъ къ самой г-жѣ Кобылянской примѣнимо лишь отчасти: то обстоятельство, что она спукается иногда въ «долины», не будучи въ состояніи служить для насъ слишкомъ большимъ утѣшеніемъ, обнаруживаетъ, однако, что г-жа Кобылянская въ качествѣ дѣйствительнаго таланта чувствуетъ себя не совсѣмъ свободно въ безплодныхъ, никому не нужныхъ заоблачныхъ странствованіяхъ и ощущаетъ временами потребность отдохнуть на твердой почвѣ дѣйствительности. Результатомъ этихъ отдыховъ, плодомъ, такъ сказать, земного досуга писательницы явилось нѣсколько дѣйствительно хорошихъ вещей, какъ «Банк рустикальний», «У св. Івана», «На полях» и въ особенности нѣкоторыя прекрасныя сцены въ «Землѣ».

По нѣкоторымъ соображеніямъ мы до сихъ поръ не касались на предыдущихъ страницахъ послѣдняго произведенія г-жи

[1]) Г-жа Кобылянская въ этомъ отношеніи не представляетъ единичнаго явленія: многіе изъ французскихъ символистовъ, не встрѣтивъ особенно сочувственнаго пріема среди образованныхъ круговъ общества, апеллируютъ теперь къ народу и разсыпаются предъ нимъ въ комплиментахъ въ томъ убѣжденіи, что «существуетъ четвертое сословіе, которое сумѣетъ слушать и понять (ихъ)... Передъ этой новой публикой новыя произведенія (символистическаго) искусства, искренно воспринятыя, будутъ привѣтствованы, и что не будетъ понятно завтра, то поймется послѣзавтра» (см. интересную статью «Литературныя новости» въ № 191 «Русскихъ Вѣдомостей» за настоящій годъ, посвященную книгѣ Густава Кана «Symbolistes et decadents»).

Кобылянской—повѣсти, озаглавленной «Земля»; намъ казалось, что, въ виду нѣкоторыхъ особенностей этого произведенія, о немъ удобнѣе всего будетъ поговорить отдѣльно. Признаемся, этой повѣсти мы ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ: ужъ очень какъ то ея заглавіе не шло къ г-жѣ Кобылянской, было слишкомъ неожиданнымъ для нея,—что въ самомъ дѣлѣ ей земля и что она послѣдней?... Еще больше заинтересовало насъ предварительное заявленіе редакціи «Л.-Н. Вістника», что здѣсь «талановита авторка вступає на новий шлях, подаючи широкий малюнок селянського житя»,—хотѣлось скорѣе узнать, что́ это еще за «новий шлях», т. е., собственно уже новѣйшій, такъ какъ г-жа Кобылянская на новомъ давно уже пребывала и повидимому твердо на немъ основалась, если не принимать во вниманіе мимолетныхъ экскурсій и не совсѣмъ увѣренныхъ поворотовъ на «старий шлях». «Земля» появилась въ первыхъ шести книжкахъ «Л.-Н. Вістника» за настоящій годъ и произвела на насъ какое то смѣшанное впечатлѣніе. Тема здѣсь разработанная, очевидно, давно уже занимала г-жу Кобылянскую, такъ какъ еще въ «Царівні» упоминается мимоходомъ о фактѣ, легшемъ, по всей вѣроятности, въ основаніе новой повѣсти. Наталка Верковичъ разсказываетъ о женщинѣ, которая «стратила своіх двох синів в страшний спосіб. Старшого, котрий був чемний і добрий, гординя (sic) своіх родичів, застрілив молодший, вже змалку лихий. Сидів довго, довго в арешті, а она щоби собі хоть того уратувати—не вірила бідна, що се справді рідний брат зробив—крутила в суді, куди еі також покликували, говорила неправду і за то також покутувала» («Царівна», 333). Это въ немногихъ словахъ содержаніе «Землі», разработанное съ большими бытовыми подробностями и основательнымъ знаніемъ народной жизни, хотя самый фактъ братоубійства въ повѣсти мотивированъ слабо и выступаетъ предъ читателемъ какъ то сразу и неожиданно, а послѣдующее поведеніе новаго Каина также не вполнѣ ясно. Впрочемъ, на этомъ останавливаться мы не будемъ, а обратимъ вниманіе на проявленія того «пового шляху», о которомъ сочла нужнымъ предупредить своихъ читателей редакція «Л.-Н. Вістника». Мы не знаемъ,

что собственно разумѣла подъ этой рекомендаціей почтенная редакція, но при чтеніи послѣдней повѣсти г-жи Кобылянской насъ дѣйствительно поразила одна новая черта, почти отсутствующая, за немногими исключеніями («Мати Божа»), въ ея прежнихъ произведеніяхъ. Эта новая черта—необыкновенное пристрастіе къ мистическому, таинственному. Рядомъ съ самыми потрясающими картинами, разработанными въ высшей степени жизненно, правдиво и художественно, вдругъ вкрадется какое-нибудь маленькое замѣчаніе, сценка не отъ міра сего—и читатель съ досадой замѣчаетъ, что прекрасное впечатлѣніе предыдущихъ страницъ разбито. Интересно, что даже самый фактъ братоубійства получаетъ какое-то мистическое освѣщеніе, объясняется если не прямо, то косвенно, посредствомъ не вполнѣ ясныхъ намековъ, какою-то фатальною необходимостью, связанною съ обладаніемъ землей,—своего рода «властью земли». Эта мысль, повторяемъ, въ повѣсти брошена лишь мимоходомъ, но и помимо нея сфера сверхчувственнаго очень широка. Видѣніямъ во снѣ и на яву, предчувствіямъ, предзнаменованіямъ, вѣщимъ снамъ, предсказаніямъ ворожекъ, сбывающимся съ буквальною точностью—всѣмъ этимъ явленіямъ, относящимся къ области сверхъестественнаго и сверхчувственнаго, слишкомъ много отводитъ мѣста г-жа Кобылянская и слишкомъ много вліянія приписываетъ. Читая многія мѣста «Землі», не можешь отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что авторъ опустился до наивнаго міросозерцанія своихъ героевъ, проникся ихъ взглядами и вѣрованіями, заимствовалъ ихъ образъ мышленія, и все это до такой степени, что и самъ вполнѣ искренно вѣритъ въ тѣ несообразности, о которыхъ разсказываетъ съ самымъ серьезнымъ и глубокомысленнымъ видомъ. Спора нѣтъ, область таинственнаго въ темной народной средѣ пользуется до сихъ поръ еще громаднымъ кредитомъ и полнымъ довѣріемъ, но чтобы она не возбуждала никакихъ сомнѣній въ писателѣ съ европейскимъ образованіемъ,—этому мы, разумѣется, не повѣрили бы, если бы не знали, что мистическое содержаніе составляетъ, какъ вѣроятно помнитъ читатель, одно изъ главныхъ требованій «новой красоты». Мы не поздравляемъ г-жу Кобылянскую съ этой новой

въ ея произведеніяхъ чертой, такъ какъ извѣстно, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ безсмыслицы и нелѣпости она довела нѣкоторыхъ изъ ея коллегъ, французскихъ символистовъ. Всѣ эти невидимыя сраженія духовъ на разстояніи, обитаніе ихъ въ шкафахъ, всевозможныя чудеса ассирійской магіи и т. п.—все это вышло изъ стремленія утилизировать мистическіе сюжеты. Но помимо этой, на нашъ взглядъ, отрицательной черты, помимо обилія варваризмовъ, натянутыхъ образовъ и символовъ и проистекающей отсюда нѣкоторой неясности языка [1]), «Земля» для насъ интересна и съ другой стороны: на ней болѣе всего замѣтна та борьба, о которой мы упоминали выше,—борьба, таланта писа-

[1]) Беремъ на-удачу нѣсколько примѣровъ. «Місяць жаристий і свідомий побіди» (Л.-Н. Вістник, 1902, II, 103), «викрикувала пісню *вперед себе*» (IV, 13), «яскраві ухканя» (I, 25), «*глухими очима* зазирала ніч» (I, 25), «неспостережена трегедія, що з'являла ся всюди *на невидимих пальцях*, прокинулась і на полях (III, 195); «натхнули смертельною *блідістю* і знесилем *його душу* (III, 202), «туга воліклася» (ibid), «мов білі меви літали його тужні думки (III, 205); «жив на око мовчки і бездільно, хоча коли у внутрі (sic) його души мов діти рвали ся на сліпо інстинкти в ріжні сторони і вигрібували окремо від тверезого розуму рухи долі» (—?III, 224); «межи тою землею і ним грала мов струни сюди і назад—доля» (IV, 27), «позир повис» (IV, 30), «темрява сунеться громом» (—? V, 117), «сон безсонний» (V, 119), «звучне зитхане розірваною хвилею липилось у воздусі» (V, 119), «погляди зломили ся» (—? V, 131), «кровава мовчанка» (V, 133), «ii *погляд надслухуючий* був звернений до себе» (—? V, 134), «мов чорні сполохані птиці снували ся запити» (V, 204), «виринали голоси, мов струнки смутні цьвіті (—!. V, 141), «луна (!) смолоскипів» (V, 204), «крикнула безкровним лицем» (VI, 227), «духовні (sic) сльозы» (VI, 234), «зірка, що падала, спинила ся (—? V, 101), «ніч скриготяча» (IV, 25), «неприязно і лячно *виглядало* довкола, навіть виду (?) не було ніякого» (VI, 213) и т. п. А то вотъ еще словечки: «смишность», «виддих вязнем» (?), «ество», «глупковатий», «випуклі сустави», «плиткий кітел», «впялити нігті» и масса руссизмовъ (образець, борозда, окови, оказаться, кружево, вскорі, житель, що-то (=что-то), чим (=ніж), щадить и мн. др.

тельницы съ требованіями новаго искусства, съ теоріями единой, высшей, самодовлѣющей красоты и вытекающаго изъ нихъ презрѣнія къ народнымъ массамъ. Г-жа Кобылянская должно быть инстинктивно чувствуетъ, что избранный ею путь—ложный путь, что всѣ ея теоретическія представленія о самодовлѣющей красотѣ шатки въ самомъ своемъ основаніи,—и вотъ, ведомая исключительно неяснымъ и, можетъ быть, не сознаваемымъ, но въ существѣ здравымъ художественнымъ чутьемъ, инстинктомъ правды, она нѣтъ-нѣтъ да и свернетъ на единственно возможный для художника и единственно цѣнный для литературы и читателей путь изображенія дѣйствительности,—не фотографированія, въ которомъ еще не большая заслуга, а именно художественнаго изображенія. И замѣчательно, что даже гнетущее однообразіе и монотонность, доминирующая въ символистическихъ произведеніяхъ г-жи Кобылянской, въ ея реальныхъ картинахъ совершенно отсутствуетъ,—значитъ, вотъ гдѣ ея настоящая сфера. Чѣмъ завершится эта борьба врожденнаго таланта съ навѣянными извнѣ теоріями, куда заведетъ нашу писательницу стремленіе, съ одной стороны, къ новой красотѣ, а съ другой—инстинктивное, несознаваемое влеченіе къ художественной правдѣ, какова вообще будетъ ея литературная эволюція,—мы не знаемъ и не беремся предсказывать въ виду недостатка положительныхъ данныхъ. Можетъ быть, художественное чутье возьметъ верхъ, и г-жа Кобылянская оставитъ свои заоблачныя странствованія тѣмъ, кому больше дѣлать нечего, но можетъ быть и другой, противоположный исходъ: борьба, идущая въ самой писательницѣ, повторяемъ, еще не рѣшена. Въ настоящее время мы можемъ лишь высказать глубочайшее сожалѣніе по поводу гибнущей безцѣльно и безполезно для родной литературы дѣйствительно талантливой силы. Г-жа Кобылянская—не чета остальнымъ, употребляя выраженіе Верлэна, «цимбалистамъ», всѣмъ этимъ служителямъ новой красоты, отсутствіе таланта и художественной воспріимчивости замаскировывающимъ жалкими потугами создать что-нибудь непремѣнно оригинальное, непремѣнно не такъ, какъ у прочихъ людей выходитъ. У нея на самомъ дѣлѣ есть что сказать читателю;

хотя бы въ той же самой, чтобы не далеко ходить, «Землѣ» можно найти много интересныхъ положеній, оригинальныхъ и мастерски набросанныхъ сценъ, глубокихъ наблюденій надъ человѣческой душою. Этотъ реальный и, повидимому, хорошо г-жѣ Кобылянской извѣстный міръ могъ бы служить ей неисчерпаемымъ источникомъ для творчества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возвратить ее на старый, можетъ быть. но испытанный «шлях», на которомъ она была бы понятной не для небольшой только кучки «сверхъ-человѣковъ», а и для презираемой теперь ею толпы, и оказала бы дѣйствительныя, а не иризрачныя услуги родной литературѣ.

Сергій Ефремовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мнимый бунтъ на Волыни въ 1789 г.

(Архивъ Юзападной Россіи, издаваемый Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Часть 3-я, томъ V. Акты о мнимомъ крестьянскомъ возстаніи въ Юзап. краѣ въ 1789 г. Кіевъ. 1902).

Вышедшій недавно подъ редакціей проф. В. Б. Антоновича томъ «Архива Юго-зап. Россіи» заключаетъ въ себѣ многочисленную серію актовъ о мнимомъ крестьянскомъ возстаніи въ Юго-Западномъ краѣ въ 1789 г. Въ обширномъ предисловіи къ тому [1]) проф. Антоновичъ разсказываетъ по этимъ актамъ печальный эпизодъ, основанный на сплошномъ недоразумѣніи и дорого обошедшійся многимъ злополучнымъ подданнымъ Польскаго государства. Исторія эта разыгралась во время такъ назыв. четырехлѣтняго сейма (1788—1792), имѣвшаго задачей обновить государственный строй Польши.

Раздѣлъ 1772 г., грозный предвѣстникъ грядущей судьбы Польши, заставилъ польское шляхетство,—единственное полноправное сословіе въ странѣ,—подумать о будущемъ. Для непредубѣжденныхъ современниковъ ясны были и причины, вслѣдствіе которыхъ государство шло къ распаденію, ясны были и средства къ спасенію. Но на протяженіи почти полутора столѣтія, протек-

[1]) Предисловіе это вышло и отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ: «Волынская тревога 1789 года».

шаго со́ времени несчастныхъ для Польши событій середины XVII вѣка, польское дворянство ничему не научилось и ничего не забыло. Оно вѣрило, что Польша держится безпорядкомъ (stoi nierządem). И безпорядокъ въ 80-хъ гг. XVIII ст. былъ полный. Король былъ лишенъ всякой власти, непривилегированныя сословія были устранены отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, крестьянская масса, предоставленная произволу дворянства, была забита и доведена до нищеты, администрація и судъ дезорганизованы, доходы государства, при полной почти свободѣ дворянства отъ обложенія, были ничтожны, государственныя имѣнія захвачены представителями высшаго сословія, платившими въ казну только $^1/_4$ доходовъ съ нихъ; въ зависимости отъ плачевнаго состоянія финансовъ государства и отъ боязни шляхты дать въ руки королю вооруженную силу было полное разстройство войска. Положеніе дѣлъ усложнялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что значительная часть подданныхъ рѣчи-посполитой не принадлежала къ польской народности и огромное большинство ихъ исповѣдывало протестантскую или греческую вѣру. Верхній слой этого не-польскаго населенія окатоличился и слился съ польскимъ дворянствомъ, а народная масса, раздѣлявшая съ польскимъ крестьянствомъ всѣ государственныя тяготы, страдала сверхъ того отъ національной и религіозной нетерпимости правящаго класса. Такимъ образомъ отсутствіе солидарности между различными группами населенія было полное. «Командующій» классъ заботился только о сохраненіи своихъ привилегій въ ущербъ интересамъ и даже безопасности государства, подначальная масса, загнанная и безсловесная, относилась безучастно къ судьбѣ отечества, не-польская часть населенія, вслѣдствіе безтактностей заправлявшаго класса, была превращена изъ лояльныхъ подданныхъ во враговъ государства.

При такихъ условіяхъ собрался четырехлѣтній сеймъ. Депутаты этого сейма оказались вовсе не подготовленными къ рѣшенію предстоявшей имъ трудной задачи. Опредѣленной программы ни у кого не было; засѣданія затягивались вслѣдствіе праздныхъ рѣчей, произносимыхъ депутатами; постоянно ставились новые

вопросы, отклонявшіе сеймъ отъ его прямой задачи. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, въ сеймѣ началась борьба двухъ партій—«королевской», стремившейся сохранить дружественныя отношенія къ Россіи и провести реформы, и «патріотической», требовавшей немедленнаго разрыва съ Россіей и союза съ Пруссіей. Обостренныя отношенія партій держали депутатовъ и все варшавское общество въ нервномъ возбужденіи, и малѣйшіе намеки давали поводъ къ разнымъ толкамъ и нерѣдко къ совершенно неожиданнымъ заключеніямъ. Такое заключеніе и было выведено изъ одной рѣчи короля.

Король, въ засѣданіи 6 ноября 1788 г., оспаривая мнѣнія тѣхъ, которые желали войны съ Россіей, указалъ на военное безсиліе Польши сравнительно съ могущественной сосѣдкой и послѣ ряда аргументовъ прибавилъ: «мы не должны забывать, что, въ случаѣ коллизіи, можемъ встрѣтить самыхъ жестокихъ враговъ въ собственныхъ подданныхъ». Депутаты, а вслѣдъ за ними и публика, оставили безъ вниманія всѣ доводы короля, кромѣ вышеприведенныхъ словъ, которымъ дали весьма своеобразное толкованіе. Пошли слухи, что русское правительство подготовляетъ крестьянское возстаніе въ принадлежащихъ Польшѣ русскихъ областяхъ и что королю это извѣстно. Толки распространились не только въ Варшавѣ. Многіе депутаты писали домой и просили своихъ корреспондентовъ собрать на мѣстахъ свѣдѣнія о готовящемся бунтѣ. Провинція заволновалась. Признаковъ возстанія, правда, не замѣчалось, но помѣщики, зная нерасположеніе къ нимъ крестьянскаго населенія, склонны были вѣрить всему и писали въ столицу тревожныя письма о настроеніи крестьянъ: иные, желая снискать репутацію патріотовъ, сообщали въ письмахъ рядъ соображеній и догадокъ, далеко не успокоительнаго свойства. Въ числѣ лицъ, сообщавшихъ тревожныя вѣсти, были и люди съ виднымъ общественнымъ положеніемъ. Генералъ Любовицкій, командовавшій частью войскъ на Украинѣ, доносилъ о наклонности крестьянъ къ бунту и о принятыхъ имъ для надзора за крестьянами мѣрахъ. Кн. Сангушко заявилъ, что замѣтилъ на Волыни несомнѣнные признаки бунта, и требовалъ, ради безопасности помѣ-

щиковъ, отправленія туда трехъ полковъ кавалеріи. Противъ этого предложенія высказался генералъ артиллеріи Феликсъ Потоцкій, главнокомандующій войскъ въ южно-русскихъ областяхъ, который, усомнившись въ справедливости слуховъ, заявилъ, что для провѣрки ихъ отправится на Украину лично. Спустя короткое время Потоцкій доносилъ изъ Острога, что не встрѣтилъ никакихъ признаковъ готовящагося бунта. Но раздуваніе мнимой опасности было на руку гетману Браницкому, желавшему возвратить себѣ военную диктатуру, которой раньше онъ былъ лишенъ. Партія Браницкаго продолжала волновать сеймъ новыми извѣстіями, полученными отъ ксендза Сѣраковскаго изъ Умани и отст. генерала Курдвановскаго съ Волыни. Предложено было даже послать все наличное войско на Украину, а оттуда перевести въ Польшу всѣхъ городовыхъ козаковъ. Королю и болѣе благоразумнымъ депутатамъ едва удалось отклонить это нелѣпое предложеніе. Феликсъ Потоцкій между тѣмъ доказывалъ невозможность бунта, обращая вниманіе на необыкновенное въ ту зиму обиліе снѣга, разобщившее села и препятствовавшее передвиженію сколько-нибудь значительныхъ массъ людей. Но Браницкій съ подчиненной ему войсковой коммиссіей приказалъ, помимо Потоцкаго подвѣдомственнымъ ему генераламъ Любовицкому, Ерличу и Дзержку сосредоточить войска въ угрожаемыхъ бунтомъ мѣстностяхъ, предавать виновныхъ военному суду и, вообще, слѣдить за настроеніемъ крестьянъ, для чего и пользоваться содѣйствіемъ евреевъ. Потоцкій, въ письмѣ къ королю, протестовалъ противъ нарушенія его правъ, какъ главнокомандующаго, и указывалъ на безнравственность пріемовъ, рекомендуемыхъ коммиссіей. Браницкій и его сторонники не успокоились и теперь и даже зашли чрезчуръ далеко въ своихъ предложеніяхъ. Основываясь на письмѣ какого-то таможеннаго чиновника изъ Чуднова, сообщившаго, что въ предѣлы Украины, именно въ имѣніе кн. Потемкина м. Смѣлу вступилъ полкъ русской кавалеріи съ боевыми запасами, и что крестьяне вслѣдствіе этого стали волноваться, партія Браницкаго потребовала созванія общаго ополченія дворянъ. Предложеніе созвать ополченіе со всего государства противъ неизвѣст-

наго врага и идти въ походъ противъ мирно жившихъ въ своихъ домахъ крестьянъ было слишкомъ уже дико, постороннія цѣли сквозили въ немъ слишкомъ явно, и партія Браницкаго потеряла на время кредитъ въ сеймѣ. Поэтому и коллективное заявленіе 60-ти дворянъ, присланное изъ Житомира и требовавшее присылки войскъ, было оставлено безъ вниманія.

Но все-таки для успокоенія общества сеймъ возложилъ, въ виду отсутствія въ Польшѣ того времени какой бы то ни было полиціи, наблюденіе за настроеніемъ населенія и предотвращеніе бунта на такъ назыв. провіантскія коммиссіи, выбранныя помѣщиками изъ своей среды для веденія разсчетовъ съ русскимъ правительствомъ по поставкѣ провіанта для русской арміи во время русско-турецкой войны. Эти-то коммиссіи были переименованы въ «порядковыя» и имъ дана инструкція, по которой онѣ должны были собирать свѣдѣнія о бунтѣ и изыскивать средства къ его предотвращенію, провѣрять полученныя свѣдѣнія и сообщать ихъ сеймовымъ маршаламъ, давать разрѣшеніе на ввозъ оружія изъ-за границы, помѣщикамъ же вмѣнялось въ обязанность увѣдомлять коммиссіи о признакахъ волненія, оказывать имъ всякое содѣйствіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендовалось смягчить участь крестьянъ и не возбуждать среди нихъ тревоги поспѣшнымъ вооруженіемъ.

Эти мѣры на время прекратили было тревогу, но мѣсяца черезъ полтора одинъ случай снова взволновалъ успокоившееся было общество.

Въ с. Невирковѣ, нын. ровенскаго уѣзда, волынской губ., жилъ богатый помѣщикъ Игнатій Вележинскій. Онъ держалъ многочисленную дворню, среди которой были лакей Самуилъ Раковичъ и рымарь (шорникъ) Семенъ Рымарчукъ; оба они получили воспитаніе въ городѣ и были до извѣстной степени образованы. Помѣщикъ платилъ имъ жалованье, но строго наблюдалъ за ихъ поведеніемъ и нерѣдко наказывалъ розгами, но умѣренно, «по-отечески», какъ утверждало слѣдствіе. Однако, Раковичъ и Рымарчукъ тяготились своимъ положеніемъ и просили помѣщика отпустить ихъ со двора на любыхъ условіяхъ. Помѣщикъ не соглашался. Послѣ одного наказанія они ночью ворвались въ спальню

помѣщика, зарубили топорами его и его жену, и для сокрытія слѣдовъ убили 5 душъ женской прислуги. На другой же день преступники были открыты. Луцкій гродскій судъ приговорилъ сжечь имъ руки, переломать ноги, вырѣзать изъ спины по нѣсколько ремней и затѣмъ обезглавить ихъ и четвертовать. Сообщниковъ по слѣдствію не сказалось, но все-таки нѣсколько человѣкъ прислуги было приговорено къ тѣлесному наказанію и сдачѣ пожизненно въ солдаты за нерадѣніе и сонливость.

Дѣло не выходило изъ ряда нерѣдкихъ въ ту пору подобнаго рода преступленій, но на возбужденное уже общество оно произвело огромное впечатлѣніе. Пошли толки, что Вележинскіе являются первыми жертвами крестьянскаго бунта. О самомъ преступленіи, до окончанія слѣдствія, распространялись невѣроятные слухи. Говорили, что убійцами были люди невѣдомые; другіе утверждали, что Вележинскихъ убили «пилипоны» или «маркетаны», т. е. коробейники-старообрядцы изъ Стародубья и Вѣтки, которыхъ будто бы и арестовали съ повозками, наполненными ножами. Началась паника. Помѣщики бросали свои дома и укрывались въ укрѣпленныхъ замкахъ, иные бѣжали въ Польшу и даже въ Австрію, распространяя по дорогѣ фантастическіе слухи. Говорили о прослѣдовавшихъ черезъ границу 2000 повозокъ маркетановъ съ ружьями, порохомъ, пулями и ножами (маркетаны торговали дѣйствительно кухонными и карманными ножами). Всѣ эти припасы и деньги маркетаны будто-бы передаютъ священникамъ, которые возбуждаютъ крестьянъ, и въ ночь на Пасху должно вспыхнуть всеобщее возстаніе. Даже ген. кн. Любомирскій писалъ изъ Дубна, что Вележинскихъ убили маркетаны, и что открытъ заговоръ священниковъ и крестьянъ. Волынскій воевода кн. Сангушко писалъ королю, что дворяне вездѣ арестуютъ маркетановъ и готовы вооружиться и спасать свою жизнь, хотя бы цѣною истребленія всѣхъ крестьянъ и священниковъ.

Въ виду всего этого и король и сеймовый маршалъ Малаховскій поколебались въ своемъ скептицизмѣ относительно бунта и, такъ какъ засѣданій сейма по случаю праздниковъ не было,

устроили совѣщаніе изъ маршаловъ сейма, предсѣдателя войсковой коммиссіи и наличныхъ депутатовъ Волынскаго воеводства. Рѣшено было послать на Волынь 2500 чел. войска, предписать Фел. Потоцкому размѣстить военныя команды для наблюденія за настроеніемъ населенія и ареста подозрительныхъ лицъ; гродскимъ судамъ приказано было немедленно судить виновныхъ, не ожидая сроковъ судебныхъ засѣданій. Помѣщикамъ и войску рекомендовали съ своей стороны не раздражать крестьянъ.

Какъ ни мутны были источники, изъ которыхъ шли извѣстія о бунтѣ, варшавское общество сильно волновалось. Охоцкій въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: «Слухъ о томъ, что украинскіе крестьяне приготовляются къ бунту, неизвѣстно откуда произошелъ, но, вслѣдствіе всеобщей паники, пріобрѣталъ все болѣе и болѣе довѣрія; подозрѣнія были обращены по преимуществу на уніатское духовенство, которое ни въ чемъ не было повинно, но сильно по этому поводу пострадало... Между прочимъ распространился слухъ, что поймали нѣсколько десятковъ пилипонскихъ повозокъ, провозившихъ бочки, наполненныя ножами. Ножи эти странной формы, снабжены будто страшными зубцами и крючьями, придуманными для причиненія ужасныхъ страданій; образцы этихъ ножей въ Варшавѣ вырѣзывали изъ бумаги и разсылали всюду; при видѣ ихъ дамы падали въ обморокъ, мужчины же искали утѣшенія въ венгерскомъ. Множество бумажныхъ изображеній этихъ страшныхъ ножей я самъ разослалъ въ провинцію. Тѣмъ не менѣе ни въ Варшавѣ, ни въ провинціяхъ никто не видалъ желѣзнаго подлинника этого орудія; въ Польшѣ говорили, что ножи были задержаны въ Литвѣ, въ Литвѣ указывали на Кіевское воеводство, здѣсь же не могли указать источника этого тревожнаго слуха».

Сеймъ, хотя не имѣлъ фактическихъ данныхъ о бунтѣ, постановилъ, чтобы русскіе торговцы въ Польшѣ запаслись паспортами отъ надлежащихъ учрежденій, безпаспортные же маркетаны, монахи, священники и извозчики должны въ двухнедѣльный срокъ оставить Польшу,—сверхъ того, всѣ православные духовные должны принести присягу на вѣрность королю и не поминать

въ молитвахъ иноземныхъ монарховъ; ввозъ оружія изъ-за границы не допускался.

Порядковымъ коммиссіямъ сеймъ поручилъ успокаивать крестьянъ кроткими мѣрами, но разрѣшилъ призывать военныя команды. Къ населенію сеймъ обратился съ универсаломъ, приглашая всѣхъ доносить о заговорѣ и обѣщая помилованіе даже участникамъ его, если они донесутъ до своего ареста. Судить подозрѣваемыхъ должны были гродскіе и земскіе суды. Но въ концѣ мая 1789 г. сеймъ выдѣлилъ особую коммиссію изъ 3-хъ сенаторовъ и 9 депутатовъ для окончательнаго допроса обвиняемыхъ и представленія по каждому дѣлу заключенія въ сеймъ. Коммиссія эта, впрочемъ, занялась совсѣмъ инымъ дѣломъ—разслѣдованіемъ о дѣйствіяхъ слуцкаго православнаго архимандрита Виктора Садковскаго и предоставила розыскъ о предполагаемомъ бунтѣ порядковымъ коммиссіямъ.

Наиболѣе энергичной изъ этихъ коммиссій оказалась волынская, которая состояла изъ 25 членовъ, подъ предсѣдательствомъ Францишка Пражмовскаго. На Волыни больше всего волновалась шляхта, это сказалось и на дѣятельности коммиссіи. Она сразу издала множество распоряженій. Организована была милиція, состоявшая исключительно изъ католиковъ и содержавшаяся на счетъ помѣщиковъ, а безземельные дворяне призваны были къ оружію. Впрочемъ, милиція такъ и не собралась по той причинѣ, что помѣщики не хотѣли платить денегъ на содержаніе своихъ охранителей. Далѣе предписывалось помѣщикамъ задерживать и осматривать всѣхъ пилигриновъ, отнять оружіе у всѣхъ крестьянъ, а подозрительныхъ и дерзкихъ арестовывать, собрать съ крестьянъ фуражъ для войска. Евреямъ коммиссія запретила продавать свинецъ, порохъ, сѣру и селитру, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручила имъ, какъ «народу предусмотрительному и любознательному», сообщать обо всемъ подозрительномъ помѣщикамъ и коммиссіи. Городъ Луцкъ, мѣстопребываніе коммиссіи, былъ укрѣпленъ, жители вооружены, всѣ обязаны были доставлять боевые припасы и запастись провіантомъ на два мѣсяца. Собравши кое-какъ гарнизонъ, коммиссія со страхомъ ожидала Пасхи, когда

предполагалось начало бунта. На страстной запрещено было собираться въ костелы. Въ страстную субботу день и ночь по городу ѣздили патрули. Ночью помѣщикъ Чацкій съ военной хоругвью и судья Загурскій съ милиціей сдѣлали вылазку изъ города и даже проникли въ сосѣдній лѣсъ, но никого не нашли... О непріятелѣ не было ни слуху, ни духу.

Волынская коммиссія не успокоилась и послѣ этого. Она сообщила сосѣднимъ коммиссіямъ фантастическіе слухи, будто 4000 пилипоновъ перешли границу и организуютъ возстаніе, снабжая крестьянъ ножами, пистолетами, сѣдлами и деньгами, что срокъ возстанія назначенъ въ день Пасхи и руководителемъ его будетъ сынъ Гонты, что поэтому она распорядилась арестовывать всѣхъ пилипоновъ, допросила многихъ крестьянъ и священниковъ, иныхъ изъ нихъ казнила, кромѣ того организовала милицію. Эти же мѣры она рекомендовала другимъ коммиссіямъ.

Дѣйствительно, коммиссія велѣла арестовать всѣхъ «маркетановъ», ихъ оказалось 40—50 человѣкъ; у нихъ отобрали товары (въ томъ числѣ нѣсколько дюжинъ карманныхъ ножей) и вырученныя отъ торговли деньги. При допросѣ никакой прикосновенности ихъ къ предполагаемому бунту обнаружено не было. Несмотря на отсутствіе уликъ, только нѣкоторые изъ нихъ были освобождены черезъ 7 мѣсяцевъ и высланы за границу. Прочихъ коммиссія хотѣла казнить, и только запретъ короля помѣшалъ этому. Еще въ 1791 г. русскій посланникъ Булгаковъ хлопоталъ объ ихъ освобожденіи. Интересно, что одного изъ нихъ Владимірскій гродскій судъ призналъ невиновнымъ и рѣшилъ освободить, но предсѣдатель суда подстароста Заленскій приписалъ къ декрету, что судъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ вѣдомыхъ ему причинъ, рѣшилъ задержать подсудимаго подъ арестомъ. А эти причины состояли въ томъ, что панъ подстароста растратилъ нѣсколько тысячъ злотыхъ отобранной у маркетана выручки.

Хотя аресты маркетановъ не дали коммиссіи указаній для раскрытія заговора, она не потеряла энергіи и принялась за розыскъ при помощи другихъ средствъ. Стали практиковаться въ широкихъ размѣрахъ аресты всѣхъ вообще подозрительныхъ

лицъ, по доносамъ и даже безъ доносовъ. Для дѣятельности доносителей открылось широкое поприще вполнѣ безопасное, такъ какъ за ложный доносъ они не отвѣчали. Явилась возможность свести старые счеты, насолить непріятному человѣку. Неосторожно сорвавшаяся съ языка угроза или похвальба, сношенія, самыя невинныя, съ маркетаномъ, служили достаточнымъ поводомъ къ аресту. Иногда арестовывали священниковъ просто за то, что они пользовались особымъ уваженіемъ прихожанъ. Начальники военныхъ разъѣздовъ, производя у духовенства обыски, нерѣдко захватывали деньги или угрозами вымогали взятки.

Такимъ образомъ въ рукахъ коммиссіи было нѣсколько сотъ арестованныхъ, и ихъ показанія послужили поводомъ къ новымъ арестамъ.

Открылся судъ дѣломъ по доносу арендатора имѣнія кн. Воронецкаго с. Любче, Вильчинскаго на крестьянъ этого села. Гродскій судъ потребовалъ было, чтобы доносчикъ подкрѣпилъ свой извѣтъ показаніями законнаго числа свидѣтелей. Тогда коммиссія, превысивъ свои полномочія, стала судить любчанъ сама и, вопреки закону, признала, что достаточно показанія одного только шляхтича, подтвержденнаго присягою. Вильчинскій присягнулъ, и коммиссія приговорила одного крестьянина повѣсить, а прочихъ подсудимыхъ отправить подъ конвоемъ домой и въ каждомъ встрѣчавшемся на пути селѣ давать каждому по 100 ударовъ розгами. Такихъ селъ было 11.

Дьяка с. Жукова Симеона Яроцкаго повѣсили за угрозы противъ ляховъ и жидовъ, произнесенныя въ пьяномъ видѣ.

Въ с. Куриловкѣ крестьяне на рождественскихъ праздникахъ пришли колядовать во дворъ помѣщицы Прушинской и запѣли, когда Прушинская уже ложилась спать; она велѣла разогнать колядующихъ палками. Кто-то изъ раздраженныхъ такимъ пріемомъ крестьянъ сказалъ: «Наша пани не умѣетъ жить съ людьми; слѣдовало бы, чтобы ее проучилъ сынъ Гонты!» Этого было достаточно, чтобы Прушинская велѣла арестовать 27 человѣкъ и отправить въ Дубно. Хотя крестьяне не отрицали факта произнесенія этихъ словъ, но утверждали, что не знаютъ ничего

ни о бунтѣ, ни о сынѣ Гонты. Коммиссія рѣшила троихъ четвертовать, десятерыхъ повѣсить, а остальныхъ наказать розгами.

Въ Луцкѣ повѣсили двоихъ крестьянъ за похвальбы въ пьяномъ видѣ, третьему, по ходатайству за него уніатскаго капитула, только отрубили правую руку; впрочемъ, онъ черезъ недѣлю умеръ.

Въ Кременцѣ одного крестьянина безвинно обезглавили, двухъ повѣсили, двухъ высѣкли.

Сынъ священника Матвѣй Лохвинскій, выпивши, хвалился, что не позволилъ бы произвести обыска въ своемъ домѣ. Ему зачли въ наказаніе мѣсяцъ ареста и приговорили къ 100 гривнамъ штрафа. Сильнѣе поплатился другой священническій сынъ И. Загоровскій: онъ, тоже будучи пьянъ, пугалъ жену шинкаря-еврея, ударилъ ее и какого то крестьянина и пытался бѣжать за экипажемъ проѣзжавшаго шляхтича. Ему дали 100 ударовъ розгами на луцкомъ рынкѣ.

Одного крестьянина изъ Чарторыйска, который сознался, что въ его домѣ ночевалъ маркетанъ и что они бесѣдовали о современныхъ военныхъ событіяхъ, приговорили къ 100 ударамъ розгами, а двоихъ крестьянъ оттуда же за то, что они, напившись, пугали еврея-шинкаря сыномъ Гонты, къ 50 ударамъ.

Часто обвиненія отличались крайнею нелѣпостью. Такъ сыновей священника Венедикта Лукашевича и Павла Братковскаго арестовали за то, что они, въ поискахъ приходовъ, отлучались изъ дома на 2—3 недѣли и одинъ изъ нихъ говорилъ, будто рукоположенъ въ Молдавіи; крест. Химича посадили въ тюрьму за сѣтованія по поводу предстоящаго прихода войскъ, —Вас. Вознаго за то, что онъ заказалъ кузнецу слишкомъ длинный ножъ; крест. Балачу арестовали за то, что, встрѣтивъ въ м. Муравицѣ какого-то неизвѣстнаго еврея, велъ съ нимъ шуточный разговоръ, содержаніе котораго осталось тоже неизвѣстнымъ; трое крестьянъ угодили въ тюрьму за отлучку изъ дома для землекопныхъ работъ. Нѣкоего русскаго дворянина Ив. Богушевскаго схватили за то, что онъ «безъ нужды» ѣздилъ по Волыни, а такъ какъ изъ паспорта нельзя было вывести заключеній объ его намѣре-

ніяхъ, то его и сдали въ солдаты, пока онъ не докажетъ своей невинности.

Коммиссія попыталась открыть бунтарей и среди мѣщанъ. Узнали, что въ концѣ 1788 г. пріѣзжалъ изъ Каменца въ Луцкъ какой-то армянинъ, жилъ у мѣщанина Дасткевича, говорилъ о необходимости большей самостоятельности городскихъ обществъ и реформы городского управленія, а по его отъѣздѣ Дасткевичъ собиралъ сходки, на которыхъ припосили какую-то присягу и собирались отправлять куда то пословъ: мѣщане же перестали повиноваться войтовскому намѣстнику и утверждали, что власти намѣстника скоро будетъ конецъ, а когда намѣстникъ послалъ на сходку офицера съ 3-мя солдатами, то мѣщане побили ихъ и вытолкали; далѣе говорилось, что мѣщане снесли въ магистратъ копья и бердыши, заявили, что имъ постыдно конвоировать осужденныхъ на смертную казнь, что подъ ихъ вліяніемъ палачъ отказался отъ должности, и что какой-то пилипонъ торговалъ съ разрѣшенія Дасткевича въ Луцкѣ свѣчами, мыломъ и яблоками. По этимъ обвиненіямъ 27 луцкихъ мѣщанъ предстали передъ гродскимъ судомъ. Дасткевичъ отъ имени всѣхъ заявилъ, что армянинъ говорилъ о правахъ луцкихъ и каменецкихъ мѣщанъ и обѣщалъ сообщить нужные документы, что на сходкахъ рѣшались городскія дѣла и избирались должностныя лица, которыя и приносили присягу, пословъ выбирали для посылки по дѣламъ въ Варшаву, власти намѣстника не признаютъ въ силу городскихъ привилегій и объ этомъ идетъ процессъ въ судѣ, сопровождать преступниковъ къ мѣсту казни считаютъ для себя позорнымъ, а пилипонъ торговалъ мыломъ и яблоками съ разрѣшенія намѣстника. Какъ ни старалась коммиссія, судъ не нашелъ въ дѣйствіяхъ мѣщанъ ничего преступнаго и ограничился требованіемъ отъ двухъ изъ нихъ присяги въ томъ, что они не причастны къ бунту и сходились не ради заговора. Любопытно то, что, когда сеймъ обнаружилъ намѣреніе приступить къ реформамъ, подканцлеръ Коллонтай и варшавскій президентъ (голова) Декертъ побуждали мѣщанъ большихъ городовъ ходатайствовать передъ сеймомъ о возвращеніи правъ, которыхъ лишило мѣщанъ шляхетство, а именно о допу-

щеніи депутатовъ отъ городовъ въ сеймъ, о невмѣшательствѣ старостъ и воеводъ въ городское самоуправленіе и самосудъ, равенствѣ по служебнымъ правамъ со шляхтой, правѣ пріобрѣтать земли и пр. Декертъ циркулярно приглашалъ города прислать въ Варшаву депутатовъ для совмѣстной подачи объ этомъ просьбы королю, что и было исполнено. Пресловутый армянинъ въ Луцкѣ и былъ, очевидно, однимъ изъ агитаторовъ по этому дѣлу.

Въ м. Колкахъ мѣщане, по побужденію писаря Дацкевича, сходились и собирали деньги для разысканія привилегій, нѣсколько человѣкъ, спьяна, грозились, пѣли пѣсни «русскими словами», пугали неприличными шутками евреевъ, хранили у себя оружіе, а одинъ купилъ у маркетана ножъ и платокъ, сверхъ того при встрѣчѣ мѣщане стали подавать другъ другу руку, что считалось коммиссіей явнымъ признакомъ заговора, такъ какъ участники Уманской рѣзни здоровались такимъ же образомъ. Судъ приговорилъ писаря и семерыхъ мѣщанъ къ тюремному заключенію отъ 1 до 3 лѣтъ и къ 200—300 ударамъ розги.

Разочаровавшись нѣкоторымъ образомъ въ мѣщанахъ, коммиссія принялась за духовенство.

Захвачены были цѣлые десятки священниковъ и посажены по тюрьмамъ въ Луцкѣ, Кременцѣ, Дубнѣ и Владимірѣ.

Мало культурные уніатскіе священники, большая часть которыхъ были едва грамотны, не могли опираться при защитѣ на дѣйствующіе законы и изворачиваться среди обвиненій и совѣтовъ, которыми закидывали ихъ и судьи и адвокаты. Отъ нихъ-то коммиссія и попыталась вытянуть признаніе въ существованіи заговора.

Было донесено, между прочимъ, что въ с. Сускѣ у свящ. Лукаевича ночевалъ маркетанъ. Арестовать Лукаевича поѣхалъ лично членъ коммиссіи шамбелянъ Каетанъ Аксакъ. На возвратномъ пути онъ запугалъ арестованнаго и совѣтовалъ ему, ради спасенія, признаться во всемъ. Лукаевичъ, хотя готовъ былъ признаваться, но не зналъ въ чемъ. Аксакъ научилъ его, что надо говорить, и обѣщалъ не только освобожденіе отъ наказанія, но и богатую награду. На допросѣ въ коммиссіи Лукаевичъ и пока-

залъ, что у него ночевалъ маркетанъ Василько, уговаривалъ его волновать крестьянъ и показывалъ писанный по русски документъ, на которомъ онъ разобралъ начало подписи «Екат...», утверждая, что это указъ императрицы, предписывающій возстаніе; хотя онъ, священникъ, и отказался агитировать, маркетанъ оставилъ ему на расходы 20 червонцевъ. Все это Лукаевичъ, хотя не безъ смущенія, подтвердилъ присягою. Его похвалили и отправили въ Варшаву. Здѣсь волынскіе депутаты возили его по салонамъ и выхлопотали ему отъ сейма золотую медаль, дипломъ и 2000 злотыхъ. Между арестантами отыскали въ Луцкѣ и оговореннаго Лукаевичемъ маркетана. На очныхъ ставкахъ съ Лукаевичемъ онъ ни въ чемъ не признавался и отрицалъ какое бы то ни было касательство къ бунту. Его приговорили къ повѣшенью. Передъ казнью ему предложили пощаду съ условіемъ подтвердить показанія Лукаевича, но онъ рѣшительно отказался и казнь была совершена.

Показаніе Лукаевича усилило розыски виновныхъ среди священниковъ.

Трое крестьянъ изъ с. Городища встрѣтили на дорогѣ въ корчмѣ какого-то надворнаго козака, который сообщилъ имъ, что на Украинѣ можно ожидать бунта и истребленія дворянъ и евреевъ. Крестьяне, по возвращеніи домой, разговаривали объ этомъ; одинъ изъ нихъ выразилъ готовность примкнуть къ возстанію. Слуга-мазуръ услыхалъ разговоръ и доложилъ помѣщику Стецкому. Послѣдній отправилъ троихъ обвиняемыхъ на судъ магистрата въ Острогъ. Ихъ приговорили къ повѣшенію, но передъ казнью двое заявили, что желаютъ открыть тайну; ихъ отправили въ Луцкъ, а третьяго повѣсили. Они оговорили свящ. Бендеровскаго, который, будто бы, объявлялъ имъ, что наканунѣ Пасхи будутъ истреблять дворянъ и евреевъ, уговаривалъ ихъ участвовать въ этомъ, обѣщая дать оружіе, и велѣлъ все хранить въ тайнѣ. Слѣдствіе надъ арестованнымъ Бендеровскимъ раскрыло только, что онъ часто напивался и тогда разгонялъ домашнихъ и оскорблялъ мать, да еще, будучи на Пасхѣ въ гостяхъ у сосѣдняго эконома, на шутливое приглашеніе послѣдняго: «Рѣжьте поросенка, пока насъ

самихъ станутъ рѣзать!» отвѣтилъ шуткой же: «Если бы вы были нашей вѣры, то вамъ нечего было бы опасаться». Несмотря на недостаточность уликъ, судъ приговорилъ Бендеровскаго къ смертной казни. По закону до совершенія казни епископъ долженъ снять съ осужденнаго санъ. Луцкій уніатскій епископъ Стефанъ Левинскій, считая приговоръ незаконнымъ и несправедливымъ, аппелировалъ къ папскому нунцію и сейму и затянулъ дѣло на 3 недѣли. Негодующая шляхта заявила суду, что епископъ покровительствуетъ заговору, и вытребовала отъ гродскаго суда приказъ магистрату исполнить приговоръ во что бы ни стало 25 мая. Епископъ потребовалъ дѣло къ себѣ на разсмотрѣніе; ему выдали документы на сутки и прекратили на это время сообщеніе города съ окрестностями. Епископскій судъ приговорилъ Бендеровскаго къ лишенію сана, и затѣмъ его казнили. И передъ казнью Бендеровскій, каясь въ пьянствѣ и неуваженіи къ матери, утверждалъ, что о заговорѣ онъ ничего не знаетъ. По возстановленіи сообщеній было получено пришедшее за сутки предписаніе сейма остановить казнь и доставить осужденнаго въ Варшаву.

Другой священникъ, представшій передъ судомъ, Ѳедоръ Борковскій изъ с. Староселья былъ человѣкъ немолодой (59 лѣтъ), велъ нетрезвую жизнь и въ пьяномъ видѣ повторялъ слухи о возстаніи и ожидаемомъ появленіи сына Гонты. Крестьяне его словамъ не вѣрили и вообще не уважали Борковскаго за пьянство и корыстолюбіе. Когда слухи о рѣчахъ Борковскаго дошли до коммиссіи, его арестовали и посадили въ тюрьму. Пребываніе въ тюрьмѣ показалось ему непріятнымъ и, по совѣту адвоката Яворовскаго, онъ рѣшился послѣдовать примѣру Лукаевича и послѣ нѣкотораго колебанія подписалъ сочиненный Яворовскимъ фантастическій разсказъ о томъ, будто онъ ночью отправился въ церковь и встрѣтилъ возлѣ нея пилипона Семена Брусова, который сказалъ ему, что онъ, Брусовъ, одинъ изъ 3000 агентовъ, присланныхъ изъ Россіи, «изъ земли Китайской, лежащей по ту сторону Петербурга», для организаціи крестьянскаго возстанія, предложилъ ему принять участіе въ этомъ дѣлѣ и далъ 100 рублей на расходы подъ расписку въ книжкѣ, гдѣ было много по-

добныхъ квитанцій. Борковскій пытался вести пропаганду среди крестьянъ, но не встрѣтилъ сочувствія и истратилъ данные ему 100 рублей на свои нужды. На словахъ Борковскій прибавилъ, что онъ пріобрѣлъ и оружіе и зарылъ его. Никакого оружія въ указанномъ мѣстѣ, конечно, не оказалось, не нашли и пилипона Брусова. Во время перерыва между двумя сессіями Борковскій одумался и заявилъ, что всѣ показанія его вымышлены по внушенію адвоката. Судъ не принялъ во вниманіе этого заявленія и приговорилъ Борковскаго къ смертной казни. Епископъ на этотъ разъ не рѣшился спорить, и обвиняемый былъ лишенъ сана и обезглавленъ, хотя и клялся, что взвелъ на себя напраслину.

Коммиссія не ограничилась привлеченіемъ къ суду низшаго духовенства, она сдѣлала нападеніе и на самую луцкую уніатскую консисторію.

Случилось, что два товарища народовой кавалеріи, проѣзжая черезъ с. Хорупань, остановились въ домѣ священника Глодовскаго, человѣка стараго (70 лѣтъ) и крайне ограниченнаго. Въ разговорѣ о казняхъ и арестахъ священниковъ товарищи замѣтили: «Сами вы виноваты, замышляя дурныя дѣла». Священникъ отвѣтилъ: «На чьемъ возу сидишь, того и пѣсенку поешь», и прибавилъ, что каждый долженъ исполнять приказанія своего начальства, а на послѣдовавшій за тѣмъ вопросъ, чьи это приказанія, сказалъ: «епископа». Товарищи донесли объ этомъ коммиссіи. Глодовскаго посадили въ Дубенскую крѣпость. Епископскаго распоряженія не открыли, но Глодовскій оговорилъ члена консисторіи Карповскаго, ѣздившаго по епархіи собирать пошлины съ духовенства, будто онъ въ домѣ священника с. Иваня Василевскаго говорилъ, что когда русскіе возьмутъ Константинополь, то Польша будетъ покорена и обращена въ православіе, и самому подсудимому Карповскій говорилъ въ Дубнѣ о предписаніи консисторіи истреблять дворянъ. Кромѣ того Гладовскій заявилъ, что священникъ с. Суража Свидерскій получилъ какое-то страшное письмо, которое сжегъ, но содержаніе письма извѣстно священнику с. Рахманова Каролинскому. Всѣхъ оговоренныхъ арестовали. Василевскій опровергалъ показаніе Глодовскаго, а Свидер-

скій и Каролинскій показали, что письмо было получено изъ Галиціи отъ брата Свидерскаго и содержало описаніе преслѣдованій, которымъ подвергалось католическое духовенство въ Галиціи. Обвиняемыхъ освободили, кромѣ Карновскаго, къ которому отнеслись съ явнымъ пристрастіемъ, показанія его при записываніи извращались, наконецъ, подослали къ нему какую-то даму, которая, подъ видомъ участія, взялась передавать его письма друзьямъ, а на дѣлѣ сообщала ихъ въ коммиссію, припутала къ дѣлу и показанія казненнаго Борковскаго. Карновскій, видя, что его дѣло плохо, просилъ у одного изъ друзей яда, чтобы избѣжать казни. И это письмо коммиссія пріобщила къ уликамъ. Три мѣсяца продержали его въ тюрьмѣ, и гродскій судъ на основаніи показаній Глодовскаго и Борковскаго, а также вмѣнивъ Карновскому въ вину, что онъ много ѣздилъ по епархіи и любилъ женщинъ, приговорилъ его къ заключенію на 3 года въ Каменецкой крѣпости и потомъ къ пожизненному заключенію въ монастырѣ. Два года съ лишнимъ просидѣлъ Карновскій въ Каменцѣ и только черезъ капитана каменецкаго гарнизона и его брата королевскаго секретаря Бачіарели успѣлъ довести дѣло до свѣдѣнія короля, который предписалъ Люблинскому трибуналу пересмотрѣть дѣло. Карновскій былъ оправданъ трибуналомъ и освобожденъ.

Священника с. Осницы Доминика Мицевича арестовали за сношенія съ маркетантами; онъ показалъ подъ присягой, что дважды покупалъ у маркетановъ замки и платки и другихъ дѣлъ съ ними не имѣлъ. Его освободили. Когда объ его арестѣ узналъ его отецъ, священникъ м. Рафаловки Федоръ Мицевичъ, то тотчасъ поѣхалъ въ Осницу; помѣщикъ Рафаловки Олизаръ послалъ милицію догнать его и доставить въ Луцкъ. Мицевичъ сталъ угощать милиціонеровъ водкой, но при этомъ самъ напился и когда его сажали въ сани, кричалъ и призывалъ крестьянъ и въ Осницѣ и въ м. Чарторыйскѣ освободить его. Его обвиняли тоже въ сношеніяхъ съ маркетантами, подговариваніи крестьянъ къ бунту и еще въ томъ, что въ дружеской бесѣдѣ съ экономомъ шутя спросилъ его: «Не нужно ли вамъ продѣлать отверстіе къ

сердцу»? и приложилъ къ его груди палецъ. На основаніи этого его приговорили къ смертной казни, но, къ счастью, получено было распоряженіе сейма, запрещавшее коммиссіи судить обвиняемыхъ. Дѣло передали въ гродскій судъ, который не нашелъ его виновнымъ въ сношеніяхъ съ маркетанами и въ подстрекательствѣ крестьянъ, а Милковскій отрицалъ произнесеніе Мицевичемъ словъ объ отверстіи къ сердцу. За сопротивленіе при арестѣ и призывъ крестьянъ къ защитѣ Мицевича приговорили на годъ въ тюрьму, засчитавъ предварительный арестъ.

Въ с. Яблонкѣ помѣщикъ Богуцкій еще въ 1782 г. отнялъ у священника Епифанія Бубаловича церковныя земли и обвинялъ его предъ епископомъ въ предосудительномъ поведеніи. Епископскій судъ оправдалъ священника и заставилъ помѣщика возвратить землю. Теперь Богуцкій призвалъ пономаря Кабасюка, прочелъ обвиненія противъ священника и требовалъ, чтобы Кабасюкъ ихъ подтвердилъ. Тотъ отказался. Его стали сѣчь и послѣ 300 ударовъ Кабасюкъ подтвердилъ обвиненія при 12 свидѣтеляхъ. Бубаловича обвинили въ томъ, что къ нему пріѣзжалъ благочинный изъ м. Колковъ Костюкевичъ и братъ его изъ с. Собатина свящ. Стефанъ Бубаловичъ, и они совѣщались, а потомъ Н. Бубаловичъ ѣздилъ къ благочинному, а послѣ его ареста упрекалъ крестьянъ, что допустили взять его, купилъ съ братомъ старыя ружья, жалѣлъ, что не купилъ у пилипоновъ ножей, пьяный говорилъ что-то о пилипонахъ и исповѣдывалъ сперва только женщинъ, потомъ мужчинъ. Брата Бубаловича Карпа обвиняли въ произнесеніи словъ: «Пусть забираютъ наши косы и порѣжутся ими, я могъ бы ихъ побить и дубиной». Гродскій судъ приговорилъ Епифанія Бубаловича къ 12 годамъ тюремнаго заключенія, Стефана къ церковному покаянію, а Карпа къ 100 ударамъ розгами и отдачѣ пожизненно въ солдаты. Противъ благочиннаго Костюкевича не могли найти свидѣтелей. Двоихъ крестьянъ сѣкли и держали въ тюрьмѣ до смерти, но не добились нужныхъ показаній. Костюкевичъ былъ освобожденъ.

Е. Кивлицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

За высокымъ тыномъ.

Вечорило. Небо було ще ясне, и тилькы на заходи повагомъ зводылася на-зустричъ червоному, якъ жаръ, сонцю темна стинка. Верхній край ій вже спалахнувъ краденымъ полумьямъ, але сонцю ще вильно було озыраты свитъ Божій, и воно залюбки спыныло свій ясный поглядъ на крутому згирью. Зассяны раптомъ, зачервонилыся ёго то жовтои, то билои глыны провалля, мытью поннялася золотымъ проминнямъ поросная по ёму диброва, рожевою стёжкою повылася по-пидъ нымъ ричка, и, немовъ той розисланый сувой полотна, забилила середъ дибровы одъ шпыля до нызу гладенько утоптана, вузенька стежка. Тіею стежкою йшовъ, купаючысь у вечирнёму промини, не такъ старый, якъ знесыленый дидъ. Сонце обдавало увесь станъ ёго сяйвомъ, золотыло навколо вже трохы пожовкле лыстя та траву, але дидъ немовъ не бачывъ ничого и, хмурый, замысленый, байдужый до пестощивъ сонця, не звертавъ увагы ни на сяйво, ни на навколышню красу. Права рука ёго була закладена за пазуху, у ливій винъ нисъ свердло та гладенько заструганый чипъ. Чорна тенетка, де-не-де полатана, де-не-де у роспиркахъ, телипалася, ниде не прылягаючы до схудлого тила; демыкытонови, тежъ давно непрати штаны спускалыся до самои земли и прыкрывалы покандзюблени, вузлувати боси ступени ажъ до пьять. Зъ пидъ рудои, вкрай попсованои сонцемъ та негодою смушевои шапкы вызырало довгообразе, жовте, покраяне не частымы, але глыбо-

кымы, зморшкамы, облыччя. Густи, бровы навыслы на сами очи. Сыва борода засіялася по самому пидборидью и, зъ давнихъ часивъ неголена та занехаяна, спускалася неривнымъ косякомъ на груды. Пасмы тежъ неривного сывого волосся падалы на запечену на сонци шыю и прыкрывалы жовти, якъ вискъ, прозори вуха. Дидъ мавъ бы выглядъ мерця, колы бъ не ясный, гострый поглядъ ёго маленькыхъ сирыхъ очей. Ти очи часомъ и прымеркалы видъ стомы, але за хвылыну изнову розжевріювалыся, и тоди дидъ проймавъ гострымъ поглядомъ усю диброву, сягавъ очима ажъ до самои ричкы, що оточыла згирря зъ трёхъ бокивъ, занепокоено озырався назадъ, прыдывлявсь до шпыля, за якымъ розкынулося ненавысне ёму село та ёго власна оселя.

Ниде не выдно було ни душы. Ему посчастыло: винъ бувъ самитный середъ ціеи окопанои та обикладенои колючымъ чагарныкомъ дибровы; самитный буде и на нызу, на ричци, не зустрине, не побачыть никого зъ своихъ ворогивъ. А ворогивъ тыхъ незличыма сыла. Увесь билый свитъ—то вороже поле, де стилькы ворожыхъ станивъ, скилькы и людей. И змагатысь зъ нымы—не сыла, здолаты ихъ ни у кого не постачыть снагы; кары воны тежъ не боятся ніякои, бо лукави, хытри, безсовисни, воны не выходять до чесного бою, не вызброюются шаблямы та мушкетамы, не прыпасають и гострыхъ ноживъ, якъ ти душогубы, а выховують свои лукави замиры у потайни хыжого серця, плетуть тенета на правду у питьмы своеи совисти, кують кайданы зъ улестлывыхъ ричей и нападають зненацька, середъ билого дня. Воны не дають никому жыты. Той велыкый даръ жыття, що давъ Господь и комашныни на втиху, переводять за бійкою, сваркою та злочынствамы на тяжку спокуту. Хиба хто справди керуе своимъ жыттямъ? Хиба «воны» допустылы и ёго буты господаремъ своеи доли? Пошматувалы, поисувалы, якъ хотилы, достатки, серце, душу, и воны бъ доси знущалыся зъ ёго, колы бъ винъ не навчывся ненавыдиты ихъ. Знивечылы ёму жыття и вже напевне готують кайданы, плетуть тенета и на Гапку. Та ни: даремна ихня праця, даремни заходы—не зазнае дидова унука сы-

ритськои доли, не куштуватыме хлиба, помащеного проклёномъ, не запобигатыме ласкы ворогивъ...

На середыни стежкы дидъ зупынывся и перевивъ духъ. Подорожь одъ шпыля, де кинчалася диброва, та почыналося заплетене высокымъ тыномъ дворыще дидове, була не далека, и ще недавнечко дидъ перебигавъ цю стежку не бильше, якъ за десять хвылынъ; сёгодни жъ ій неначе загубывся край. Ногы тремтилы, серце знесылювалося, губы прыпадалы смагою, двадцять-трыдцять крокивъ, що малося ще перейты, здавалыся довгымы гонамы, и колы бъ ти думкы та почуття, що неслы ёго теперъ на своихъ крылахъ, хочь на хвылыну покынулы ёго, винъ упавъ бы тутъ, на дорози, и може не повернувся бъ бильше й до жыття. Але, на счастя, розумъ та серце ёго булы у добрій згоди: воны пидтрымувалы одынъ одне, якъ добри побратымы, пидбадёрювалы дружка дружку, якъ щыри друзякы. Чы то думкы померкнуть—серце, обурене пекучою ненавыстью, зневагою, огыдою до людей, поспишается на допомогу розуму и розворушуе ихъ; чы то серце вгамуется та стыхне хочъ на хвылыну клекотаты—тяжки спогады про мынуле лыхо вже на поготови, щобъ збентежыты ёго спокій та изнову выклыкаты гирьки почуття.

Спогадамы своимы Мыкыта не любывъ подилятысь ни зъ кымъ. Кожне зернычко, що западало колы на серци ёму, винъ пестывъ нышкомъ и самъ зрывавъ ти квиткы, що выросталы зъ ёго; кожну думку оброблявъ доты, покы зъ неи не выроблялося гладенького кильця до того ланцюгу, що почавъ винъ нызаты ще за дытячыхъ часивъ; коженъ выпадокъ складавъ нышкомъ у ту скарбныцю, куды поклавъ и свое перше горе. Тоди ёму було всёго чотырнадцять рокивъ. Винъ жывъ у своихъ опикунивъ, дядька Кузьмы та дядыны Горпыны. Батько покынувъ трохлитнёму Мыкыти добру нывку, прыкладный городъ, простору хату, пару бычкивъ та рябу кобылу; маты, вмираючы, добавыла шостылитнёму сыну срибный хрестыкъ зъ лавры та щыру пораду: «не чыпаты людей, не сперечатысь, на чуже добро не важытысь, чужымъ горемъ не корыстуватыся». На такій батькивщыни та за такою матерызныною можно було бъ и добре на свити прожыты, та, на жаль, оби-

бралы опикуномъ до сыроты дядька Кузьму; на другый жаль—дядько Кузьма посватався зъ старшыною, а на третій—взявъ соби за кума пысаря Антона Степановыча.

Завелыся видразу якись неоплатки та клопоты; нывка перестала родыты, городъ порисъ буръяномъ; бычкы скуксуватилы, кобыла знаровылася, а якъ забажалося дядыни Горпыни новои осели, то завалылася и сыритська хата. Рикъ, другый—и хату, новитку, бычкивъ та кобылу якъ языкомъ злызало; ще черезъ рикъ продалы земельку, и нарешти усе господарство перевелося на змоченый не однымъ цебромъ горилкы вексель одъ дядька Кузьмы, не мало не багацько, ажъ на сто карбованцивъ.

Позбувсь Мыкыта, якъ воды напытыся, батькивщыны тай не знавъ довго про свою прыгоду. Люде мовчалы, а диты хочь и торочылы сыроти щось про ёго шкапыну, та зроду неговиркый, не цикавый до новынъ хлопець не дуже дослухався. Пролынувъ якыйсь часъ—и батькивська оселя, бычкы та кобыла зныклы зъ памьяты, якъ сонъ, якъ мрія. Мыкыта звыкъ до доли убогои сыроты, навчывся дякуваты за дарованый шматокъ хлиба, прывчывся звертаты й порожнёму возу та обмынаты лыхо за далеки гоны, забувсь личыты ти стусаны, що перепадалы ёму одъ дядыны та дитей іи, и щыро молывся Богу за тихъ добрыхъ людей, що не попустылы загынуты пидъ тыномъ. Але ось наступывъ незабутній, до вику незабутній, день Спаса. На свитанку рознеслася по селу звистка, що старшыну та пысаря арештовано за якись обчеськи гроши. Уси селяне, якъ одынъ, гайнулы до волосты: жахъ за свои кревни шагы зигнавъ людей и зъ дальнихъ хуторивъ. Мыкыта прыгнавъ дядькивъ товаръ на обидъ и побигъ зъ хлопцямы тежъ туды. Велычезный выгинъ передъ волостью давно заповнывся народомъ та повозкамы. Люде гомонилы, грымалы, суперечалыся; де-не-де луналы проклёны та дорикання: люде прыгадалы «велыку» «святу» правду, простягаючы до неи свои рукы, благословлялы іи и, здавалося, здатни булы побыты каминнямъ зрадныкивъ тіеи правды—злодія старшыну та пысаря, Антона Степановыча.

Мыкыта стоявъ пидъ млыномъ и очима йивъ цю обурену, страшну, розлютовану громаду. Винъ розумивъ ии горе, спочувавъ ий, обикраденій, одуреній, скрывженій своимъ же братомъ-селяныномъ, и пыльно прыслухався до голосныхъ ричей. И справди, було що послухаты, було на вищо подывытыся.

Прокынулася людська памьять, прыспана то могорычамы, то обережнистью; захвылювало стояче болото терплячкы, куды звыкла громада скыдаты всякый брудъ; зирнулы наверхъ уси давни злочынства, прыгадалыся навить де-яки речи, що, здавалося, нихто не мигъ чуты, тымъ паче памьятаты. Лыхо зйиднало ворогивъ, и люде, доси немичны, похнюплени та не мовъ байдужи до всего у свити, раптомъ звелы свои головы, загомонилы, подужчалы, зацикавылыся, якъ тилькы злодій поклавъ свою руку на ихни гаманы. Громада лютувала и выклыкала старшыну та пысаря до росправы, але ихъ не було на сели. Тоди увесь гнивъ ии перенисся на головы друзякивъ та пособныкивъ ихнихъ. На чоли жъ тыхъ друзякивъ стоявъ насампередъ дядько Кузьма. Хтось натякнувъ на Кузьму, и громада вже пидхопыла, покотыла по всёму выгону ёго неславу, закыдала грязюкою ёго опорочене имья. Посыпалысь, якъ горохъ зъ торбы, лайка, прызвыща та докоры. Уси загомонилы, уси розпалылыся, и коженъ поспишався выказаты прылюдно все, що знавъ про Кузьму.

Мыкыта зминывся на выду: то жъ порочылы ёго ридного дядька—ту едыну спасенну душу, що прывитала ёго сыроту: то жъ селяне судылы ту людыну, якій ще учора нызенько уклонялыся; то жъ поносылы сусиды ту саму сусиду, якій ще недавнечко и стежку до свого двору промиталы. И дядько зносывъ ту страшну наругу! Винъ бувъ видповивъ щось громади, але такъ несмилыво та тыхо, що жодне слово ёго не дійшло до Мыкыты.

— А сыритська худоба де?—гукнувъ хтось на увесь выгинъ.

— Землю, хату, воливъ, коня де подивъ?—пидхопывъ другый голосъ.

— Злодіяко! Шахра́ю! Де ты Мыкытыну батькивщыну подивъ? Де подивъ сыритське добро? Видповидай—мыръ тебе пытае,—обизвався литній вже чоловичокъ, усимъ видомый пьяничка Максымъ.

— Собакы! чого гавкаете? Навижени, чого напалыся? Забулы хиба, якъ на цёму самому мисци чотыры цебра горилкы на сыритськи гроши выпылы?—розлигся тонесенькымъ дзвонykомъ голосъ дядыны Горпыны.

— Мыкытыну худобу де подивъ?—загула громада.—Ныву, горо́дъ, бычкивъ за сто карбованцивъ купывъ, на сыритськыхъ сохахъ хату поставывъ, сыритську кобылу у цыгана обминявъ!.. Думаешъ, не знаемо? Думаешъ, не бачылы, не чулы?

— А кожухы, сирякы та одежына?— нагадавъ Максымъ.

— Одежу куды подивъ? Може, скажешъ, Мыкыта зносывъ?

— Мыкыта! Де Мыкыта? Хай покаже свою тенетку, хай самъ розскаже мырови, якъ дядько ёго доглядавъ.

— Онъ де Мыкыта стоить! Ведить ёго сюды, до мыру!— гукнувъ скилькы духу, на увесь выгинъ, Максымъ.

— Мыкыто! Де Мыкыта?—пидхопыла громада.—Ведить ёго сюды!

Мыкыта злякався и поступывся назадъ.

— Мыкыто, иды! громада гукае,—штовхнувъ ёго зъ-заду якый-сь парубокъ.

— Чуешъ, Мыкыто?—гукаютъ. Иды—дядько Кузьма рябу кобылу верне,—штовхнувъ ёго другый парубокъ.

— Становы мырови ще чотыры цебра горилкы, то й батька зъ того свиту повернуть—зареготався надъ самымъ вухомъ ёго рябый поводарь Панько.

Мыкыта выхопывся, якъ опеченый, и майнувъ, скилькы духу, до дибровы, але незабаромъ схаменувся: згадавъ, що товаръ доси у загороди, вернувся до-дому и погнавъ пасты.

Давно, дуже давно це було. Поводаря Панька вже й на свити немае, але смихъ ёго й доси лунае. Ни, то сміявся не хлопчыкъ поводарь, то сміялася ёго устамы уся громада, уся та велычезна сыла людей, що продала свою совисть за 4 цебра, оби-

крала, знищыла, попарпала долю сыроты и тилькы тоди, колы надумала помстытысь за свои кыщени ёго горемъ, згадала неправду дядька Кузьмы.

Винъ мусывъ бы тоди жъ, у той самый часъ, проклясты людське кодло, втекты, сховатыся одъ своихъ ворогивъ, але жъ молоде серце не зумило гаразды зненавыдиты: воно тилькы вжахнулося, стыснулося, немовъ заховалося глыбше у грудяхъ, и винъ зостався ще терпиты та жыты, усимъ «чужый», помижъ чужыхъ людей.

До шистнадцяты рокивъ стрымувавъ винъ свое серце, боявся, остерыгався людей та все працювавъ на дядька и тилькы вже при кинци симнадцятого одумався та покынувъ прокляту оселю. Трапылося це, одначе, трохы несподивано. Одного разу, пидъ часъ велыкого смутку, Мыкыта сыдивъ биля ричкы та дывывся на батькивське дворыще, де господарювалы чужи люде. Сонечко сидало, клалося на велыку негоду, череда вже верталася зъ поля—часъ бы було и ёму поспишытысь до-дому, щобъ за годыны загнаты дядькивъ скотъ у повиткы та залучыты овець у кошару, та не здіймалыся вже рукы до праци на корысть осоружнымъ людямъ, и Мыкыта не рушавъ.

Саме у той часъ рыбалка Омелько вертався до-дому. Витеръ здіймавъ по ричци высоки хвыли. Манесенькый човныкъ разъ-у-разъ порыпавъ у ихъ, проте дидъ гнавъ заиграшкы свою хыстку шкорлупыну и наче не прымичавъ, що справляе ін проты витра та течіи. Кремьязный, мовъ зъ каминю выточеный, простоволосый, самъ билый, увесь у билому, одынъ на манесенькій душогубци середъ шырокого простору розлютованои ричкы, винъ такъ мало походывъ на тыхъ людей, що складають собою або покирлыву, полохлыву отару, або жъ громаду, здатню на всякъ часъ опохмелытыся чужымы злыднямы, такъ мало нагадувавъ тыхъ «дядькивъ» та «дидивъ», якыхъ найчастише доводылося Мыкыти бачыты, що парубокъ тутъ же поклавъ соби рыбалчыты, и якъ тилькы човныкъ чыркнувся о берегъ, побигъ до Омелька прохатыся у прыймы.

— Росты тамъ, де доля посадыла.—видмовывъ дидъ, выслухавшы ёго пыльне прохання.

Мыкыта гирько усмихнувся.

— Доля мене, диду, онъ де садыла—показавъ винъ на свій кгрунтъ—та ридный дядько вырвавъ мене зъ того кгрунту тай кынувъ пры дорози. Визьмить же мене на ричку, де хочъ люде не ходытымуть та серця мого не топтатымуть. Вже колы зробылы зъ мене чужого робитныка, то хай же я краще робытыму на васъ, диду, нижъ на своихъ ворогивъ; колы обибралы ныву, то хай же я краще у води бовтатымуся, нижъ своимъ потомъ чужу землю полыватыму. Визьмить мене, диду. Побачыте: не надамъ вамъ ніякыхъ клопотивъ, а ще може колы-небудь и у прыгоди стану.

Омелько повагався трохы, подумавъ и нарешти прыйнявъ такы до себе ёго, не за сына и не за робитныка, а швыдче за товарыща, котрому пообицявъ выдиляты якый-сь то паёкъ.

Мыкыта не пиповъ бильше до дядька, не схотивъ навить браты зайвои сорочкы, а такъ, якъ бувъ, у чому бувъ, такъ и выйихавъ тіеи жъ ночи передъ свитаннямъ на перше рыбальство.

И пьять рокивъ пролынуло, якъ пьять счаслывыхъ днивъ. Ричка, рыба, ятиры, свяге пысьмо у недилю, коротеньки пытання и коротеньки видповиди зъ прыводу рыбальства або прочытанного дидомъ пысьма—ни словечка про людськи справы, ни натяку про ихни сварки та клопоты. То було безпечне, тыхе, повильне, счаслыве жыття. Адже серце не завдовольнылося нымъ: воно спочыло, посмилывишало, подало свій власный голосъ, а заразомъ помутыло розумъ и виддало ёго долю на поталу дыхымъ ворогамъ.

Недалечко одъ Омельковои хаты жыла чорнявенька, быстроока, молоденька московка, удова Одарка. Вона прыходыла иноди до Омелька по рыбу, и Мыкыта не стямывся, якъ закохався у неи.

На той часъ дядько Кузьма выплатывъ ёму 150 карбованцивъ; дидъ Омелько наскыдавъ тежъ до сотни. Мыкыта купывъ

манесенькій кгрунтъ та хату край села, биля дибровы, справывъ човенъ та ятиры, оженывся и простягъ бувъ руку до счастя, та увирвалося те щастя, и люде покотылы ёго геть-геть. Мыкыта помылывся трохы—безкраю весела дружына ёго була ёму не до пары. Змалечку роскишна, дивкою та молодыцею—свавильна, вона не зазнала ніякого горя на своёму вику, не бачыла, щобъ іи зирка колы-небудь хочъ трохы прымеркла, и обережный та неймовирный Мыкыта разъ-у-разъ дывувавъ іи, а ёго пыльни прохання: «не вчащаты самій до людей» та «не залучаты всякого й до своеи господы»—навить сердылы. Вона звыкла змалечку до людей и любыла село. Сусиды, вулыця вабылы іи такъ само, якъ вабылы Мыкыту ричка та очеретъ, а новенька сукня—дужче за ясни зиркы. Молоди незабаромъ побачылы, що воны люде рижнои вдачы и немовъ рижныхъ краивъ, проте до сварокъ ще не доходыло, и Мыкыта покладавъ велыку надію на безкраю покирлыву вдачу своеи жинкы. Не такъ миркувала найвирниша подруга Одарчына, зроду ненавысна Мыкыти молодыця Параска. Вона докладала трохы праци до Одарчыного весилля, и тежъ ажъ рукамы сплеснула, якъ довидалася, якый то лютый звиръ—не чололовикъ отой Мыкыта.

— И ты корытымешся ёму? У чорныци пошыешся? За муры одъ людей сховаешся? Та хай же винъ не дижде! Хай вже самъ у очерети зъ сатаною кублыться, а ты не корыся, не потакай ёму,— порадыла вона Одарци.

Одначе Одарка не зважылася заводыты суперечокъ, и Мыкыта ще довгый часъ не знавъ, що шашиль вже точыть пидвалыну ёго осели.

— А що Параска не одвидувала часомъ тебе сёгодни?—запытается було иноди Мыкыта, зауважывшы, що жинка неначе смутна.

— Чого бъ вона прытаскалася?—видповисть Одарка, а сама спалахне, немовъ іи вкрай образывъ Мыкыта.

Нарешти, якось у недилю, Одарка убралася, якъ до церквы, и подалася кудысь. Мыкыта перегодывъ до самого обиду, а далы зибравъ ятиры и подавсь, не обидавшы, до ричкы. Вернувся винъ

вже надъ вечиръ, а жинкы все не було. Дорого бъ заплатывъ винъ, щобъ хто хочъ словечкомъ натякнувъ, де вона гостюе, але пытатыся у сусидивъ якось соромно и прыкро було, и Мыкыта поклавъ соби не выкосыты сміття зъ хаты та нышкомъ сподиватыся жинкы. Вона вернулася вже у-ночи. Мыкыта накынувся бувъ на неи, але, побачывшы, що и сама молодыця не знае, куды свои очи подиты, облышывъ. Другои недили Одарка изновy метнулася було зъ хаты до Параскы у гости, але Мыкыта іи завернувъ. Молодыця попосумувала трохы, попогримала якый часъ и заспокоилася. За те Параска усе село оббигала, гирьку долю своеи подругы клянучы. Де не була яка подруга, сваха, родычка або кума—усихъ одвидала, усихъ розжалобыла. Заклопоталыся жиночкы несчаслывою долею безталаннои молодыци, усимъ шкода стало и вику іи молодого, и тіеи вроды, що такъ марно вьяне. Де не взялыся порадныци та пособныци, а тымъ часомъ и Парасчынъ братъ—той самый парубокъ, зъ якымъ Одарка колысь соловейка слухала, повернувся зъ москаливъ. Не счувся Мыкыта, не зоглянувся, якъ вже чорна галичъ посила ёго хату, якъ лыхи ворогы одирвалы дружыну одъ ёго серця и кынулы у обіймы якогось пройдысвита—москаля. Вона покынула ёго, двойко дитокъ-погодкивъ и подалася зъ села. Необачна, ймовирна, вона заплуталася якъ та муха, у павутыни лукавыхъ порадъ, загынула у обіймахъ порадныкивъ, якъ та тополя, обвыта кучерявымъ хмелемъ, згорила, якъ метелыкъ, на полумью того хымерного счастя, що обицявся ій даты облюбованый мыромъ полюбовныкъ. Вона загынула десь пидъ мійськымъ тыномъ, але ни смерть іи, ни ёго безталання ще не завдовольныло хыжыхъ ворогивъ: зосталося двойко дитокъ, и на ныхъ вже гострылы воны свои кигти. Сутужно доходылося Мыкыти зъ двома малымы дитьмы, про те винъ выгодувавъ ихъ.

Маруся—така жъ чорнява, така жъ моторна та весела, якъ небижка маты, вже сама поралася биля печи, сама доглядала усячыны. Иванъ—крапля у краплю батько—пособлявъ вже рыбалчыты. Нихто зъ селянъ больше не зважувався зазыраты у Мыкытыни горшкы, нихто не сикався зъ порадамы, нихто не кала-

мутывъ спокою, и батько дорослыхъ дитей мигъ бы назваты себе счаслывымъ, колы бъ тилькы те счастя не було и теперъ, якъ ранишъ у рукахъ чужыхъ людей. «Не обійдуся безъ людей, не мыне и мене лыхая прыгода выряжаты колысь свою кривъ, своихъ дитей у чужу хату, або поганыты чужою дытыною куткы своеи осели». Зитхавъ Мыкыта, и що дали, то все дужче та дужче росла ёго туга. Найбильше журывся винъ за Марусю; и якъ же винъ жаливъ ій, якъ беригъ та ховавъ одъ погляду людського, абы хочъ якъ мога довше подержаты биля себе та частановыты до жыття. Адже не вберигъ. Щей симнадцяты рокивъ не мынуло ій, якъ нагледивъ десь биля крыныци дивчыну парубокъ Степанъ, уподобавъ, самъ сподобався, высватавъ та й повизъ ажъ у друге село.

Мыкыта мало не збожеволивъ. Счастя вже й на ричци немавъ,—покынуло ёго зъ цёго часу: то рвалыся ятиры, то ламався сажокъ, то захоплювала негода. Выйиде на ричку, визьме у рукы ятиръ, наважыться вже становыты, ажъ прыгадае, що Маруся ёго у чужій осели, у чужому сели, згадае, що винъ одирвавъ шматокъ свого серця тымъ людямъ, що шкодилы ёму окрайця хлиба, згадае жинку, та й забуде про рыбу. Стане середъ човна, задубіе на мисци и стоить такъ, ажъ покы хвыля не прыбье ёго човенъ геть-геть до лозы. Очуняе, роздывыться, ухопыть тоди весельце, поверне човенъ, встромыть якый ятиръ, а тамъ, гляды, изнову, або сажокъ загубывъ, або ятиры промынувъ, не потрусывшы.

И даремно Маруся выхвалялася достаткамы, чоловикомъ та свекрухою: Мыкыту не тишыло ій веселе щебетання. Винъ не йнявъ виры тому счастю, якымъ надиляють чужи люде, и колы Маруся почынала божытыся, винъ тилькы сумно хытавъ головою та все застерегавъ видъ якоись биды.

— И де бъ узялася та бида на мою голову? Чы я, таточку, кому що заподіяла?—дывувалася Маруся.

— А хиба я що лыхого людямъ заподіявъ, або твоя маты?—сумно видповидавъ ій Мыкыта:—люде, дочко—що та пожежа, або

весняна вода—не розбирають, чы правый, чы винуватый, а на кого наскочать, тому й бида.

И ще жодна хмара не перейшла надъ Марусыною головою, а вже якась бида неясна, невидома, але черезъ те ще страшниша наче шугала передъ Мыкытовымы очима, наче шелестила крыламы, щырыла зубы, якъ той поводарь Панько, выбывала гопака, якъ той коханець жинчынъ—москаль. И справди, та бида прыйшла. Незабаромъ Степанъ повернувся зъ миста пьянымъ и побывъ Марусю. Маруся прыбигла плачучы до-дому та й показала сынякы на руци.

Мыкыта ледве встоявъ на ногахъ. Закругляло червоне обидья по хати, холодный питъ выступывъ на чоли, серце раптомъ замовкло. Ци страшни сыняки на доньчыному тили переповнылы чарку: «Хай-же нею захлеснутся сами ворогы»—опамьятався Мыкыта и кынувся бувъ до дверей, але Иванъ вже попередывъ его. Гордый, самостійный, выхованный батькомъ на простори та у шани, парубокъ понисся, якъ витеръ, караты шуряка за сестрыну паругу. Мыкыта выйшовъ на поригъ, глянувъ ёму у слидъ и щыро подякувавъ Богови за такого сына. Цилый довгый день не вертався Иванъ, а колы вернувся, ёго не можно було пизнаты. Побытый, у залытій кривью чумарци, увесь у репьяхахъ та соломи, блидый, ажъ чорный, на выду, винъ ледве дійшовъ до лавы, звалывся и бильше вже зъ неи не зводывсь. Вбыто сына, и Мыкыта не мигъ покараты душогуба. Вбыто парубка у день середь села—и не знайшлося свидкивъ. Нихто не бачывъ, не чувъ ничого: «шурякы», проби «счепылыся на самоти у клуни и не прохалы порятунку». Обійшлы, одурылы ворогы судъ, посміялыся зъ судей та не одурылы Мыкыты. Винъ зненавыдивъ ще дужче людей, и колы-бъ не надія на праведный судъ Божый, винъ-бы самъ люто помстывся надъ ворожымъ селомъ. Поховалы Ивана. Мыкыта не выпустывъ жаднои слёзы, не промовывъ никому жадного слова, а тилькы вже у-ночи, колы поснулы селяне, винъ пишовъ до могылы, охопывъ іи рукамы и зъ такымъ видчаемъ крыкнувъ: «сыну, сыну!», що стрепенулася уся диброва, застогнавъ яръ, піднялася хвыля зъ самого дна ричкы и замы-

готилы зиркы. Той тяжкый стогинъ не дійшовъ тилькы до серця Маруси. Воно вже було спаскужене, опаганене коханнямъ душогуба, и въ той часъ, колы батько проклынавъ свого найлютишого ворога, донька молылася за ёго.

Люде впевнылы ій, що Иванъ бувъ самъ выненъ, що винъ першый звивъ руку на Степана и що то самъ Господь покаравъ ёго за лыхи замиры проты шуряка. Маруся радо дослухалася до тыхъ речей, хапалася за кожну дрибныцю, абы выправдыты свого чоловика, и все дужче та дужче лынула серцемъ до ёго та сумувала за нымъ. Нарешти, одніеи ночи, вона покынула одынокого батька и втикла до Степана. Тоди Мыкыта проклявъ ій, проклявъ увесь рідъ ій ажъ до самого колина, добувъ лютого собаку, купывъ верболозу и огородывся одъ усихъ людей велычезнымъ тыномъ. Теперъ винъ, здавалося, вже не мавъ бильше ничого ни на земли, ни у серци, навищо поважылыся-бъ ворогы. Зелена могыла сынова, проклёнъ на дочку та ненавысть на людей—то бувъ увесь скарбъ, що прыдбавъ винъ за 50 рокивъ жыття и за якымъ мавъ дожываты вику. Адже люде прырозумилы, якъ вразыты ёго.

Одного разу, колы Мыкыта вертався зъ могылы сына, якась запыхана жинка выбигла ёму навпереймы.

— Мыкыто, иды мерщій до Степана!—погукала вона Мыкыту:—Маруся на тяжкому родыви; пидняла клунокъ пшеныци тай пидвередылася.—Мыкыта спынывсь на хвылыну, але згадавъ Ивана, свій проклёнъ и набавывъ ходы, прямуючы то свого вгороду.

— Мыкыто! Бога бійся! Куды ты тикаешъ? Не беры гриха на душу: здіймы зъ дочкы свій батькивській проклёнъ!—обизвалася жинка.

Мыкыта выбравъ ще бильшій простець.

— Мыкыто, зглянься на дочку! Це жъ кривъ твоя, твоя ридна дытына! Не спизныся! Це жъ родыво, це страшный судъ.

Мыкыта дійшовъ до свого грунту, увійшовъ у двиръ и засунувъ хвиртку.

— Такъ будь же ты самъ проклятъ одъ Бога и видъ людей!—гукнула ему жинка и побигла до породилли. Мыкыта увійшовъ у хату, сивъ край столу и тяжко замыслывся. Цилыхъ три роки тишився винъ думкою, шо люде вже не можуть прычыныты ёму ніякого горя, що винъ вже видбувъ свою спокуту до краю, вырвався на вики зъ пазуривъ своихъ ворогивъ и що вже немае на всёму билому свити ничого такого, що зворушыло бъ ёго серце та додало ще мукы.

Теперъ же та думка бильшъ не тишыла ёго. Спадалы напамьять уси ликы та знадибья, яки вжывають пидвережени люде, увыжалася Маруся на лижку, и серце боляче видклыкалося на муки проклятои, симъ разъ проклятои дочкы...

Проте винъ перемигъ себе и не пишовъ одвидаты іи. Вона вмерла тіеи жъ ночи, породывши дочку, и Мыкыта, видбувшы похороны, нанявъ ще одъ себе окрему панахыду.

— Шкóда, шкóда молодыци—зитхнувъ панъ-отецъ, скыдаючи епитрахиль:—жыты бъ та жыты ще ій.

— И жила бъ, колы бъ не люде,—видмовывъ похмуро Мыкыта.

Батюшка скынувъ на ёго очима.

— Лантухъ пшеныци ій, вагитчій, на плечи—ото вся подяка видъ чужыхъ людей за те, що видцуралася зарады ныхъ батька,—додавъ Мыкыта и пронявъ такымъ гострымъ поглядомъ Степана, що той опустывъ мымоволи очи.

Изнову промынуло чотыры роки. Якъ воны перейшлы, Мыкыта и самъ гараздъ не запрымитывъ. Минялыся дни на ночи, ночи на дни, земля то закрашалася квитками, то засыпала у кайданахъ зимы, ричка—то розлывалася шырокымы нызамы, то изнову верталася у межи своеи течіи, а Мыкыти здавалося, що то все тягнется одынъ довгый день.

Самъ винъ николы не проходывъ селомъ, бо збуваввъ рыбу у мисти, селяне тежъ немовъ забулы про ёго; одна однымъ стежка, що проходыла одъ села до ричкы повзъ ёго хату, и та заросла, якъ окопалы диброву. Все навколо его затыхло, наче скамьянидо, и ёго власне жыття походыло бъ на сонъ, колы бъ тилькы можно

було стышыты и серце. Але воно не давало себе прыспаты: навпакы, пидъ захыстомъ околышнёи тыши та спокою роспускалыся ще пышнише квиты зъ тыхъ гиркыхъ зеренъ, що посіялы по ёму люде. Що день, то новый пуъпянокъ роспускавъ свои лысточкы; що день, то все глыбше розросталося коринння досады и отруене серце бажало ненавысти, а не сну. Мыкыта пережывъ за ци рокы уси найвыщи ступени тіеи ненавысти, и колы нарешти серце не въ сылахъ було вмистыты ще билъшои пайкы того почуття, винъ ставъ гыдуваты людьмы. Постать людська, голосъ, поглядъ, речи—все стало здаватыся ёму безъ миры брыдкымъ, а сама людына—грудкою багна, до якои гыдко доторкнутыся.

Винъ ставъ обиходытысь безъ борошна, безъ соли, абы не ийхаты у мисто, почавъ вертатысь зъ пивъ-дорогы, абы не спиткаты людей, переставъ ходыты до церквы, щобъ не набратыся гриха, вывертавъ повни сажкы рыбы назадъ у воду, або виддававъ іи за пивъ-цины перекупкамъ, абы не мовыты зайвого слова. Едыный, ще не такый прыкрый звязокъ, що зистався помижъ нымъ та свитомъ Божымъ,—це глуха на обыдва вуха баба Хивря, котра пряла зъ давнихъ часивъ ныткы на ятиры. До неи тилькы и йшовъ Мыкыта трохы охотнише, тай то у ряды-годы: хиба пидъ велыкый скрутъ. Такый саме скрутъ лучывся ёму у жныва, черезъ чотыры рокы писля Марусынои смерти: мало не вси гузыры у ятирахъ погныли, а хлиба въ хати не було й шматка, свитло выгорило до останку и до того не було чимъ видбуты панахыду.

Мыкыта выгадавъ такый часъ, колы уси робочи люде выходять на поле, и пишовъ до Хиври. Доводылось проходыты повзъ Степанивъ двиръ. Мыкыта пройшовъ, идучы туды, и не зиркнувъ навить на осоружну хату; але, вертаючысь назадъ, винъ мусывъ мымоволи спынытыся биля воритъ, бо поперекъ дороги роскынулася та мицно спала якась манесенька дивчынка. За хвылыну передъ тымъ проходыла вулыцею повозка, и мокрый одъ слизъ выдокъ дивчыны прыпавъ чорною курявою; носыкъ, пидбориддя, роскрыти уста посила безличъ мухъ, на закуёвданій, нечесаній голивци красувалыся два репьяха. Мыкыта глянувъ, сплюнувъ зъ огыды и вже обмынувъ бувъ іи, але несподивано розду-

мався, вернувся и змахнувъ пасмамы нытокъ мухъ. Дивчына лупнула очима, зиркнула на страшного, давно неголеного дида, и зайшлася плачемъ. Жодна душа не обизвалася, не видклыкнулася на той плачъ дытыны, и Мыкыта видразу спостеригъ, що то плакала сырота. Винъ сплюнувъ вдруге и подавсь до-дому; адже русява головка, широко одкрыти очи переляканои дытыны, повозка, курява, мухы, скажена собака, що перебигла цимъ ранкомъ дибровою, та ти чужи люде, байдужи до слизъ сыроты, вже скаламутылы ёго спокій. За уси чотыры рокы винъ не згадавъ, не поспытавсь навить ни разочку про унуку; зъ цёго жъ часу ця остання краплына ёго крови, цей останній паростокъ ёго безталанного роду—ця брыдка, обирвана, занехаяна дивчынка пидъ тынью не сходыла зъ думкы. Що дали, то все дужче та дужче впевнявся винъ, що лыхи ворогы посміялыся зъ ёго и що ни глыбоки ровы, ни высоки тыны ще не захыстылы ёго видъ людей: воны вже, правда, не малы снагы звалыты старого дуба, але воны прырозумилы нивечиты ёго молоде гилля.

И ось одного вечора селяне побачылы, якъ чыясь постать промайнула повзъ Степанову хату. У той саме часъ Степанъ зъ жинкою та іи дитьмы гулявъ десь весилля, и сыритка Маруся скиглыла у замкнутій хати самитня. Другого вечора, тилькы стемнило, та постать изнову надійшла до викна. А на третій вечиръ угледивъ іи вже самъ Степанъ и выбигъ зъ хаты. Пидъ викномъ стоявъ Мыкыта.

— Чого вамъ треба? Чого блукаете по-пидъ викнамы? Якъ маете що сказаты, то увійдить у хату,—звернувся до ёго трохы переляканый Степанъ и вже взявся бувъ за килочокъ, щобъ одчыныты двери.

— До вику нога моя не буде у твоій поганій хати, а ты виддай мени Гапку!—мовывъ Мыкыта.

— Гапку? Хто жъ іи у васъ доглядатыме?

— Виддай. Вона у тебе пропаде,—мовывъ Мыкыта.

Степанъ вагався. Гапка була ёму, правда, вже трохы на завади, бо тилькы черезъ неи и счынялася суперечка зъ жинкою,

що мала своихъ двойко дитей, проте винъ любывъ свою дочку и шкодивъ виддаваты ии.

— Хай я поражуся зъ жинкою,—видказавъ Степанъ перегодомъ.

— Виддай: пропаде десь пидъ тыномъ,—мовывъ втретье Мыкыта и подавъ здоровый, ще покiйнои бабы, платокъ.

Степанъ взявъ платокъ, постоявъ трохы, подумавъ и пишовъ у хату до жинкы на пораду.

Черезъ якый-сь тамъ часъ Гапка вже спала на печи у дида, затушкована рядномъ одъ мухъ та одъ витру, захыщена одъ людей высокымъ тыномъ та тяжкымъ досвидомъ дида.

Зъ цiеи осели дивчына вже не мала бильшъ николы повертатыся на село; ии сподивалося найбильше счастя, до якого мигъ додуматыся дидъ: ии чекала доля праведноi чорныци, довичнёи молытвеныци у тыхому прыстановыщи за монастырською брамою и Мыкыта заздалегидь обмиркувавъ, якъ выпестыты та выховаты сыроту.

Дивчыни помынуло девьять рокивъ, а вона ще не знала села, не бачыла людей. Дидова хата, диброва, ричка, та десь далеко велыкый будынокъ зъ хрестомъ на гори та золотымы зирочкамы по полю голубого даху—то бувъ увесь свитъ за-для неи; сывый разъ-у-разъ замысленый дидъ та блиди побожни чорныци—уся родына; кудлатый Покотъ та рябый китъ—товарыши, а дидови речи—уся наука.

Тилькы тутъ, у цiй хатыни, край дибровы, та у манастыри, можно уберегты свою душу, а тамъ, за высокымъ тыномъ, жывуть чужи люде, и зъ тыхъ людей встае все лыхо на земли. Господь мылосерденъ; небо—ясне; земля—праведна; сотвориння кожне—благодать Господня, а люде уготовылы сами соби пекло по своiй охоти. Ненажерлыва душа ихня ледве вмистыть ти грихы, що загрибають воны повнымы прыгорщамы, люте серце ихне переповнене заздристю; у голови не потовплятся лыхи помыслы; уста—опаганени брехнею, языкъ—сквернословiемъ. Воны загноилы, забагнылы той образъ, що давъ имъ Господь, и напьялыся щкурою супостата. Людей треба обмынаты, якъ ту

криваву калюжу, не допускаты до себе, не доторкатыся, щобъ не запаганытыся и самому,—навчивъ Мыкыта унуку, и вона радо слухала ти речи, пыльно зазыраючы у глыбоко запали дидови очи, де разъ-повзъ-разъ схоплювалася якась цикава искорка, та щыро радила, що у дидивъ затышокъ не сягае й луна зъ того неправедного свиту.

Нарешти Мыкыта диждавъ просвитку: винъ ставъ господаремъ, колы не своеи, то хочъ унуччынои доли. Воля его бильше не розбывалася объ хыторщи ворогивъ; кожне слово падало на добру ныву, кожна думка знаходыла спивчуття у серци розумнои та слухняноі унукы. Все складалося нарешти, якъ того хотивъ Мыкыта, и ёму вже увыжався той счаслывый день, колы винъ уведе свою унуку у манастырську браму, зачыныть за нею двери и, заспокоеный, спочыне на викы и самъ. Все складалося добре, та... на жаль, Мыкыта забувсь поспытатысь у Бога. чы довго ёму ще жыты на свити, чы постачыть у ёго пидткання на ту основу, що винъ розпочавъ, а смерть не даруе никому свого часу. И ось у ту хвылыну, колы може Мыкыта найдужче тишывся своею метою, смерть вже гострыла свою косу, щобъ попсуваты, не згирше за лыхыхъ ворогивъ, усю працю останнихъ ёго пьяты рокивъ. Вже зъ мисяць, якъ надислала вона свого першого вистныка: дидъ тяжко занедужавъ на голову та на ногы. Проте винъ не зважувався довго ще й згадаты про смерть и покладався все на мылость Божу до унукы та на свій, ще недужето старый викъ. Сегодни жъ вона вже подала про себе певну звистку: сухый дубовый стилъ триснувъ у ночи ажъ тричы, зъ вечора стогнавъ пугачъ пидъ викномъ, а о-пивночи прыходыла маты—небижка. Насталы, безперечно, ёго останни часы... Изнову уси надіи роспалыся, найдорожча мета гынула: невблаганна смерть вже простягае свою руку, щобъ скынуты чернечій клобукъ зъ унукы, штовхае изнову сироту пидъ тынъ. Мыкыта просыдивъ усю ничъ, шукаючы соби порады, куды подиты Гапку, де знайты ій затышный кутокъ, та затышнійшого прыстановыща за батькивську оселю, все жъ такы не прырозумивъ.

Тилькы на свитъ поблагословылося, якъ винъ подавсь до Степана.

Тяжка, невымовно тяжка була та подорожь до хаты ворога-душогуба. Дидъ плентавъ по-маленьку, а сумни думкы сплиталы навпереймы страшни вызырункы; майбутне жыття сыроты увыжалося у всихъ тяжкыхъ немынучыхъ дрибныцяхъ...

Сонечко вже высоченько пидбылося, покы винъ дійшовъ. Ворота булы розчынени навстижъ, а стежка одъ воритъ до порогу добре прометена. Мыкыта одначе не зважывся зразу попростуваты до хаты, а зупынывсь на хвылыну биля загороды, щобъ хочъ трохы перемогты у соби ти почуття, що прокынулыся у ёму биля Марусынои осели.

Хатка выглядала веселенько. По зеленому дворыщу вештались куры та качкы, биля новенькыхъ цямрынъ сыдило та гралося тройко дитокъ, четверте, у повыточку, лежало на колинахъ старшенькои дивчыны. Молода, червоновыда огрядна молодыця саме вынесла повнисеньке цебро помый, всыпала ихъ у корыто и погукала на Бровка. Гладкый, ажъ блескучый, песъ выхопывся зъ ожереду соломы и кынувся до корыта. Господарка постояла трохы биля корыта, зазырнула до кабана у сажъ и надійшла до дитей.

Мыкыти наче видлягло видъ серця. Хата, дворыще, диты, а найпаче спокійный та прыязный выглядъ самои молодыци зробылы на ёго далеко краще вражиння, нижъ можно було сподиватыся. Винъ вже поступывсь бувъ напередъ и мало не дійшовъ до воритъ, колы де не взявся билый, покусаный, пошарпаный, крывый на одну ногу собака. Пидибгавшы свій пощыпаный хвистъ, изогнувшы свій гострый кистякъ, прыпадаючы мало не до самои земли винъ пролизъ повзъ Мыкытыны ногы и, озыраючысь та оглядаючысь, увесь тремтячый зъ голоду та жаху, прыпавъ до помый. У ту саму хвылыну озырнулася молодыця. Облыччя іи спалахнуло, очи блыснулы. Вона схопылася, немовъ то пилый десятокъ вовкивъ оточывъ іи, кынулася зъ проклёномъ, зъ найпаганійшою лайкою до корыта и зъ усіеи сылы ляснула собаку по кряжу. Ломака розскочылася на-двое, собака заскавчавъ на все

село, пидобгавъ хвистъ и поволикъ свою вкрай перебыту ногу за повитку. Молодыця жъ оправыла очипокъ на голови, пидобрала половынкы ломакы, кынула ихъ пидъ тынъ до купкы хворосту и, спокійно, неначе вона никому ничого лыхого и у сни не заподіяла, подалася у хату.

До тіеи хаты вже не наблызывся Мыкыта. Гиршъ за пекло здалася ему весела оселя, де тилькы «свои» мають прыстановыще, твердише за каминь здавався ёму той шматокъ хлиба, що мала подаваты ця молодыця писля его смерти «чужій дытыни»—Гапци.

Мыкыта ще разъ проклявъ людське кодло и кынувся геть зъ села.

Генъ генъ—за селомъ стоявъ розпущеный витрякъ. Колысь давно на тому мисци було чыесь й дворыще; теперъ же зъ хаты не зосталося вже й слиду, дерево позайидавъ скотъ, и тилькы самый млынъ, диставшысь у десяти рукы, памьятавъ своихъ першыхъ господаривъ. Чорный, обидраный, крывый, безъ поворота, безъ крылъ, зъ пошарпаною та поскубленою гнылою покривлею, винъ скрыпивъ, тремтивъ увесь и зъ кожнымъ подыхомъ витру все дужче та дужче хылывся на бикъ. Люде вже давно намагалыся, щобъ господарь продавъ ёго на дрова, або хочъ самъ прынявъ зъ очей; скаредный дукарь правывъ зъ людей непомирни грошы, самъ не мавъ часу розибрать, и млынъ все стогнавъ самитній на степу та скаржывся пугачеви на свій тяжкый викъ. Стомленому та безъ краю стурбованому Мыкыти цей чорный одынокый остякъ здався за ридного брата. Винъ звернувъ зъ шляху и попростувавъ до ёго. Пидъ млыномъ дотрюхавъ якыйсь окоренокъ. Мыкыта прысивъ на деревыну и обиперся объ остачу стинкы.

Остякъ заскрыпивъ и увесь похытнувся.

— Скрыпышъ? Скрыпы! Ще попоскрыпышъ, поки змылосердытся надъ тобою витеръ та кыне объ землю, а на людську ласку не покладайся: попотишатся ще твоимъ стогономъ, поки прырозуміють, якымъ побутомъ зъ твого порохныння найбильше корысти потягты,—промымрывъ про себе дидъ и похнюпывся. Голова ёму вернулася, думкы мутылыся, передъ очима мыготила

скаличена голодна собака, кожна кисточка у тили болила та благала спокою, душа шукала соби едынои порады: куды подиты Гапку, чы можно кому доручыты сыроту? А млынъ, немовъ спочуваючы Мыкытыному видчаю, все скрыпивъ, все стогнавъ и що дали, то все жалибнише...

Такъ якъ у полудень Мыкыта рушывъ до-дому.

— Дидусю, якъ-же вы зминылыся!—схопылася Гапка, угледывшы дида на порози.

— Прыберыся чепурненько та выходь, якъ сонечко сяде до ричкы.—Видповивъ ій Мыкыта, а самъ выстругавъ чипъ, знявъ зъ полыци свердло и подавсь дибровою. Покы винъ зійшовъ зъ горы, сонце вже докотылося до стинкы, але нызамы далеко легше було йты, нижъ гладенькою, слызькою та крутою стежкою; нызомъ и повитря було свижише, и Мыкыта набавывъ ходы.

Высокый стебластый очеретъ стоявъ ще нерухомо, молоденькы осычкы тилькы-тилькы шелестилы у тыхому повитри, але гракы уже круглялы побиля своихъ гниздъ на высокыхъ вербахъ и занепокоени радылыся, що робыть пидъ майбутню негоду.

Мыкыта озырнувся навкругы, глянувъ на захидъ сонця, де хмары розипъялы найтемнишый наметъ, и попростувавъ до кущыка очерету, де булы сховани два човны.

Винъ промынувъ новишій, увійшовъ у стареньку душогубку, довгенько щось тамъ порався зъ свердломъ биля денця, потимъ вышовъ на берегъ, вытягъ зъ лозы весельце, наризавъ у гавъярю, заславъ човенъ и сивъ тоди, дуже стомленый, одпочываты. А тымъ часомъ наспила вже й Гапка. Заквитчана мьятою та гвоздыкою, у зеленій спидныци, квитчастій корсетыни, билій сорочци, сама червона, безъ миры счаслыва, що дидъ нарешти выйихавъ рыбалыты и бере іи зъ собою; дивчына злетила метелыкомъ зъ горы и покотылася ясною зирочкою по зеленому кылыму берега.

— Диду-диду! Вы забулыся новенького ятиря, а я взяла,— гукнула вона здалека.—А якый-же це човныкъ манесенькій!— додала вона и весело плыгнула у душогубку.

У ту саму хвылыну згаснувъ останній проминь. По очерету пронисся легенькый витеръ, блыснула перша блыскавка.

— Диду, а насъ дощъ мочытыме! Що-бъ же було хочъ кобынякъ узяты,—заклопоталася дивчына.

— Сидай мерщій,—видмомывъ ій Мыкыта и зразу черкнувъ весельцемъ по води.

Човныка понесло за течіею.

— Хиба мы не пойидемо до Затону?—здывувалася Гапка.

— Ненавысни.. Немилосердни... Каты... Душогубы... прошопотивъ Мыкыта наче про себе и налигъ на весельце. Човныкъ переризавъ течію и опынився посередъ ричкы.

У ту-жъ хвылыну блыснула изнову блыскавка и тарахнувъ вперше гримъ.

Дивчына перехрестылася и зразу-жъ засміялася:

— Ачъ, якъ луна пишла далеко по води. Тутъ якъ-бы напьястыся добре, та гукнуты...

— Сыды нышкомъ!—А прыдывыся, у тебе очи молодшеньки, чи не выдно людей на берези?—звеливъ дидъ. Гапка схылылася надъ водою и окынула быстрымъ поглядомъ берегъ.

— Ни, не выдко никого.

— А хочъ-бы и булы, то про мене... не боюся я ихъ—мовывъ стыха Мыкыта и поклавъ весельце.

Човныкъ повернувся трохи бокомъ,—але Гапка не схотила непокоиты дида и вже не обзывалася.

— Нема, дочко, спасенія сыроти,—затопчуть, загублять каты... Молыся, Гапко! Молыся Мылосердному: на Його тилькы й упованія нашого, на Його судъ праведный тилькы й надіи... Безгришна душа... непорочне серце—дивочый спокій!—забалакавъ бувъ дидъ немовъ зминенымъ голосомъ и знову замовкъ.

— Диду!—чы вамъ не холодно?—обизвалася перегодомъ Гапка.

— Молыся Богу, дочечко—видповивъ ій Мыкыта и зняв шапку.

— Надиньте, диду, шапку, бо изнову заслабнете,—нагадала дивчына.

— Молыся Богу! На Його мылосердного уповаю... Молыся!—видказавъ стурбовано дидъ.

— Якыхъ-же молытовъ читаты?

— Отче нашу,—звеливъ Мыкыта и подався самъ усимъ тиломъ напередъ, щобъ краще чуты голосъ унукы.

Гапка почала молытву. Хмары повыслы надъ самою ричкою. Блыскуча крывуля проризала небо и ударылася у воду.

Дивчына жахнулася.

— Не бійсь!—мовывъ ій строго дидъ. Налетивъ витеръ, вчыстывъ дощъ, човныкъ закруглявъ середъ ричкы.

— Адже вы, диду, втомылыся,—бачьте, якъ човныкомъ кыда. Дайте мени весельце, я справлю до берега.

— Не бійсь,—видмовывъ вдруге дидъ и нахылывсь чогось до денця. Довгенько шелестивъ винъ тамъ гавъяромъ, а тымъ часомъ подужчавъ витеръ, улывъ ще густишый та краплястишый дощъ.

— Дидусю!—дайте-бо мени весельце, далеби я швыдче одъ васъ справлю човенъ у затышокъ!—пыльно попрохала вже тремтяча, промокла до самого тила, дивчына.

— Га?—перепытавъ ій, мовъ кризь сонъ, Мыкыта и звився на ногы.

Човныкъ захытався.

— Сидайте-бо диду, бо човныкъ дуже хытается—попрохала Гапка.

— Га?—перепытавъ вдруге Мыкыта и почавъ осиняты велыкымъ, частымъ хрестомъ себе та унуку. У Гапкы охолола душа. Николы ще такого не бувало, щобъ дидъ злякався блыскавкы. Часто и густо захоплювала ёго на ричци ще бильша негода, але винъ не лякався николы и спокійно справлявъ човенъ у Затышокъ. Теперъ-же винъ наче збожеволивъ зъ ляку: ничого не розумивъ, не чувъ и не бачывъ, що у човныкъ набралося стилькы воды.

— Де корячокъ?—Я выхлюпаю хочъ воду. Диду!—вода прыбувае схопылася Гапка.

— Ничого... ничого... Дощъ стыхае... Не бійся... Молыся Богу... видмовывъ дидъ и склавъ свои рукы, якъ до молытвы.

— Онъ дзюрчыть;—тутъ дирочка йе,—догадалася нарешти дивчына и кынулася була затыкаты ій; Мыкыта одвивъ ій руку.

— Дидусю! Що-бо вы робыте?—запытала зъ невымовнымъ жахомъ Гапка.—Дайте я затулю.

— Господы! Будь мени гришному!—прошопотивъ дидъ.

— Я боюся,—заплакала—Гапка, онъ скилькы вже воды набралося у човенъ.

— Молыся, дочечко! Безгришна душа... чысте серце... Святый Боже! Святый крипкый...

Човныкъ ставъ опускатыся.

— Диду! Дидусю, я боюся!—крыкнула Гапка не своимъ гласомъ и зныкла вкупи зъ човныкомъ та дидомъ пидъ водою.

У ту-жъ мыть якыйсь чоловикъ выбигъ зъ-ъза дерева, зирвавъ зъ себе одягу, перехрестывся и кынувся у воду. Насередъ ричкы щось наче замайорило. Винъ кынувся туды и за хвылыну вытягъ на берегъ дида. Тоди винъ упурнувъ вдруге и десь надовго зныкъ.

Мыкыта звився навколюшкы и прытулывся до вербы. Винъ змерзъ, тремтивъ увесь, знесылывся ще дужче, проте ни дощъ, ни холодна вода не загасыла того нолумья, що пойняло серце ёго биля Степанового дворыща и ще дуще розжеврювалося пидъ млыномъ. Винъ добре памьятавъ вси ти думы, що прызвелы ёго до злочынства, розумивъ свій тяжкый грихъ, и хочъ серце стыскувалося пекучымъ жалемъ за внукою, винъ не каявся и боявся побачыты іи жывою. Але ця людына, що вырятувала ёго зъ воды и кынулася середъ ночи у саму прирву рятуваты дивчыну, зворушыла ёго душу якымъ-сь новымъ почуттямъ. Мыкыта упъявся очима у ту мисцыну, де зныкъ невидомый пловець и прытаивъ духа.

— Хто винъ такый? Хто борется тамъ, середъ ричкы, зъ смертью, рятуючы чужу душу? Кому потрибни останни хвылыны жыття старого дида, кому потрибне жыття сыроты? Що воно за людына? Такыхъ-же людей немае на свити. Немае, бо скризь сами «чужи» люде, сами «ворогы».

Лыне хвылына... друга... воны здаются Мыкыти за довги годыны. Навколо тыша: нищо не обизветься, ни шелесне ниде.

Тыша на берези, тыша на ричци и у диброви... Холодный подыхъ смерти обдае крыгою; мокра земля вабыть до себе вкрай стомлене навмыруще тило, и тилькы серце не тямлячысь стугоныть у грудяхъ та допытуе: «хто винъ, той туманомъ повытый пловець? Звидкиля винъ. Де ти счаслыви краины, де люде виддають и душу свою за жыття сыроты?

Нарешти плеснуло разъ, вдруге; плеснуло блыжче, трыснувъ очеретъ, и на берегъ выйшовъ пловець. У рукахъ винъ нисъ щось манесеньке, темне.—То була Гапка.

Мыкыта глянувъ на мертву унуку, перевивъ очи на пловця и зъ безмежнымъ видчаемъ невымовленного каятя звивъ рукы до неба: та спасенна душа, той дывный пловець, що нисъ мертву Гапку, то бувъ его найблыжчый сусида, Якымъ, видъ котрого винъ самъ колысь огородывся высокымъ тыномъ!

Л. Яновська.

Археологическій съѣздъ въ Харьковѣ.

Съ 15 по 27 августа въ Харьковѣ состоялся двѣнадцатый по числу археологическій съѣздъ. Еще на Одесскомъ съѣздѣ, въ 1884 г., мѣстомъ слѣдующаго съѣзда въ 1887 г. былъ выбранъ Харьковъ, но смерть иниціатора русскихъ археологическихъ съѣздовъ, гр. А. С. Уварова, измѣнила первоначальное рѣшеніе. Какъ указала въ своей вступительной рѣчи предсѣдательница съѣзда гр. Уварова, опасались начинать дѣло съ Харькова, который, какъ всѣмъ казалось, не представлялъ интереса въ археологическомъ отношеніи, а, между тѣмъ, требовалъ особыхъ усилій для осуществленія съѣзда и устраиваемой при немъ археологической выставки. Такимъ образомъ, слѣдующій съѣздъ состоялся въ Ярославлѣ, а затѣмъ съѣзды собирались въ Москвѣ (юбилейный Московск. археологич. Общества), Вильнѣ, Ригѣ и Кіевѣ. Но на Кіевскомъ съѣздѣ, въ 1899 г., при обсужденіи вопроса о мѣстѣ будущаго съѣзда, отъ представителей Харькова были получены предложенія устроить ближайшій съѣздъ въ Харьковѣ. Предложенія эти были приняты съ тѣмъ большей охотой, что изслѣдованія къ съѣзду должны были охватить громадный раіонъ между Днѣпромъ и Дономъ, почти совсѣмъ нетронутый, могущій дать интересный матеріалъ для уясненія, какъ послѣдовательной смѣны культуръ, такъ и для установленія новыхъ стадій въ доисторической жизни. Мнѣніе это, высказанное маститымъ представителемъ науки о доисторическомъ прошломъ нашего юга,

проф. В. Б. Антоновичемъ, какъ оказалось впослѣдствіи, блестяще подтвердилось. Изслѣдованія производились, главнымъ образомъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, но и за этотъ незначительный промежутокъ времени сдѣланы очень важныя открытія.

Когда вопросъ былъ рѣшенъ, Харьковъ взялся за дѣло. Существуетъ разница въ томъ, какъ берется за дѣло Харьковъ или, напр., Кіевъ. Нужно замѣтить, что въ Харьковѣ общественные интересы развиты въ гораздо большей степени, чѣмъ въ какомъ ниб. изъ другихъ южныхъ городовъ. Является это слѣдствіемъ того, что здѣсь—и старѣйшій на югѣ университетъ, и болѣе однородное населеніе. Уже по первымъ шагамъ образовавшагося въ Харьковѣ предварительнаго комитета по устройству съѣзда можно было судить, что дѣло будетъ поведено энергично, что Харьковъ сумѣетъ какъ слѣдуетъ подготовиться къ съѣзду, даже при существованіи нѣкоторыхъ не благопріятныхъ обстоятельствъ, какъ напр. отсутствіе въ Харковѣ людей, спеціально занимающихся археологіей. Это и тому подобныя другія препятствія были поборены, нашлись люди, нашлись средства и подготовительная работа, руководимая комитетомъ съ проф. Багалѣемъ во главѣ, и при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ, пошла быстрыми шагами.

Въ виду того, что Харьковскій съѣздъ включилъ въ область своихъ изслѣдованій не только харьковскую губернію, но и нѣсколько сосѣднихъ, возникаютъ подготовительные комитеты въ Полтавѣ, Нѣжинѣ, Екатеринославѣ, Воронежѣ, Екатеринодарѣ; кромѣ того, изслѣдованія охватили и часть курской губерніи. Если работа вышеуказанныхъ комитетовъ и не носила того характера интенсивности, какой мы видимъ у Харьковскаго комитета, то, все-же, каждый изъ комитетовъ кое-что сдѣлалъ, и это кое-что, иногда довольно значительное, имѣетъ большое значеніе, такъ какъ имъ положено начало или данъ дальнѣйшій толчекъ археологическимъ и этнологическимъ изслѣдованіяхъ въ мѣстностяхъ, гдѣ таковыя или совсѣмъ не производились, или производились не систематически, въ видѣ единичныхъ попытокъ. Оживленіе, явившееся слѣдствіемъ подготовительной работы къ съѣзду

имѣло результатомъ даже возникновеніе ученыхъ обществъ тамъ, гдѣ почва хотя и была уже подготовлена, но не было, такъ сказать, рѣшающаго момента; укажемъ напр. на Екатеринославское Научное Общество, возникшее въ подготовительный періодъ къ съѣзду, начавшее уже энергично работать какъ въ области научныхъ изслѣдованій, такъ и по устройству въ Екатеринославѣ музея.

Центральный Харьковскій комитетъ, съ первыхъ-же шаговъ, отнесся вполнѣ серьезно къ возложенной на него задачѣ. Стоитъ лишь просмотрѣть длинный рядъ протоколовъ его засѣданій, чтобы напередъ сказать, что съѣздъ будетъ удачнымъ, что на выставкахъ—будетъ на что посмотрѣть. Дѣятельности Харьковскаго предварительнаго комитета съѣздъ обязанъ тѣмъ, что въ центрѣ его занятій стали вообще мѣстные вопросы, что не всегда бывало на нѣкоторыхъ другихъ съѣздахъ; затѣмъ, что центральное мѣсто заняли и рефераты, большинство которыхъ касались изслѣдованій мѣстныхъ памятниковъ старины.

Что касается внѣшній стороны съѣзда, то, какъ выразилась его предсѣдательница, гр. Уварова, въ своемъ заключительномъ словѣ, съѣздъ былъ обставленъ такъ, что не остается желать ничего лучшаго: наблюдалось любезное отношеніе начальства, дружная работа всѣхъ участниковъ, подъемъ духа въ народѣ... Дѣйствительно, какъ университетъ, такъ и администрація, земство, городъ и харьковское общество отнеслись къ съѣзду очень сочувственно и съ большимъ интересомъ. Главная доля заботъ выпала на университетъ и его представителей. Большое затѣмъ, участіе приняло Историко-филологическое Общество при университетѣ съ проф. Н. Ф. Сумцовымъ во главѣ. Обществомъ этимъ, между прочимъ, изданы два тома трудовъ предварительнаго комитета. Одной изъ заботъ ближайшихъ устроителей съѣзда являются вопросы чисто практическаго характера. И эта сторона была организована какъ нельзя лучше. Университетъ отвелъ свои помѣщенія подъ засѣданія съѣзда и подъ выставки, въ студенческомъ общежитіи размѣстились очень многіе изъ депутатовъ, во всемъ наблюдался порядокъ, предусмотрительность.

Помимо того, что предварительнымъ комитетомъ были изданы «Справочныя свѣдѣнія для г.г. членовъ съѣзда», П. А. Гусевъ, пріурочилъ къ съѣзду прекрасный путеводитель—«Харьковъ, его прошлое и настоящее въ рисункахъ и описаніяхъ»; это изданіе можетъ стать наряду съ лучшими путеводителями, какъ по своей полнотѣ (246 стр. in 8°) такъ и по массѣ снимковъ, сдѣланныхъ какъ съ современныхъ фотографій, такъ и со старинныхъ рисунковъ.

Одной изъ главныхъ задачъ Харьковскаго предварительнаго комитета было устройство археологической и этнографической выставокъ. Предстояло нелегкое дѣло, такъ какъ Харьковъ, до послѣдняго времени, принималъ очень незначительное участіе въ изслѣдованіи вещественныхъ памятниковъ, какъ глубокой старины, такъ и болѣе близкаго намъ времени. Вслѣдствіе этого, въ Харьковѣ почти совсѣмъ отсутствовали какъ общественныя, такъ и частныя собранія—пришлось начинать сначала. Если опытъ устройства археологическихъ выставокъ былъ на предыдущихъ съѣздахъ, то устроителямъ этнографической выставки выпало на долю сдѣлать починъ новому дѣлу и Харькову принадлежитъ честь устройства первой малорусской этнографической выставки.—младшая сестра опередила старшую; то, что долженъ былъ сдѣлать старшій Кіевъ, сдѣлалъ молодой Харьковъ. Немного стыдно было кіевлянамъ слышать, какъ проф. Мачульскій на одномъ изъ засѣданій, въ своей рѣчи между прочимъ сказалъ: «XII Археологическій съѣздъ намъ воочію показалъ, что центръ малорусскихъ интересовъ нѣсколько передвинулся и въ настоящее время сосредоточивается здѣсь, въ Харьковскомъ Округѣ. Здѣсь бьется живой нервъ малорусской жизни, здѣсь много оказалось дѣятелей, проникнутыхъ народными интересами»... Если принимать во вниманіе общее положеніе вопроса, то, пожалуй, въ словахъ проф. Мачульскаго есть нѣкоторое преувеличеніе, но, въ частности, мнѣніе проф. Мачульскаго справедливо. Дѣйствительно, въ изученіи малорусской этнографіи Кіевъ очень и очень отсталъ: здѣсь нѣтъ ни одного спеціалиста въ этой области, нѣтъ и этнографическаго собранія...

Но, обратимся къ выставкамъ и начнемъ съ археологическаго отдѣла.

Этотъ громадный отдѣлъ, занявшій нѣсколько залъ, въ свою очередь раздѣлялся на подотдѣлы: древностей, добытыхъ изъ раскопокъ и случайныхъ находокъ, церковныхъ древностей, историческихъ древностей, нумизматики, старопечатныхъ книгъ, рукописей, и наконецъ—картографическаго.

Древности, добытыя изъ раскопокъ или т. н. первобытныя, происходятъ, главнымъ образомъ, изъ могильниковъ харьковской губерніи. Раскопки совершались въ 1900 и 1901 г., на средства Московск. Археолог. Общества и П. И: Харитоненко. Сюда присоедены нѣкоторыя какъ частныя, такъ и общественныя коллекціи (напр. Воронежскаго Губернскаго Музея, Курск. Статист. Комитета и т. д.) и затѣмъ, пожертвованные предметы. Все это вмѣстѣ составило громадное собраніе въ 7 тысячъ номеровъ. По характеру предметовъ и времени ихъ происхожденія, мы имѣемъ здѣсь цѣлую картину смѣны эпохъ. Начинается собраніе предметами каменнаго періода, главнымъ образомъ изъ дюнныхъ стоянокъ, затѣмъ идутъ предметы изъ могилъ бронзоваго вѣка съ прекрасной керамикой, предметы скифской эпохи, эпохи славянской и, наконецъ, выдающаяся коллекція изъ пещернаго могильника у с. Верхняго Салтова, волчанскаго у. харьк. г. Благодаря энергіи харьковскаго предварительнаго комитета, и въ особенности трудамъ секретаря его, проф. Е. К. Рѣдина, а также отзывчивости епархіальнаго начальства, церковный отдѣлъ выставки былъ представленъ такъ, какъ ни на одной изъ прежнихъ выставокъ. Состоялъ онъ изъ иконъ, частей иконостаса, крестовъ, окладовъ евангелій, различной церковной утвари, облаченій и т. д. Очень кстати сюда были присоединены многочисленныя фотографіи съ церквей и церковныхъ предметовъ. Большинство предметовъ поступило изъ Харьковской епархіи но были также вещи изъ полтавской, екатеринославской и курской губ. Кромѣ того, и въ этомъ отдѣлѣ было выставлено много предметовъ другихъ музеевъ и частныхъ лицъ; изъ послѣднихъ, прекрасное собраніе старинаго шитья принадлежало В. Ѳ. Без-

нальчеву. Если главная масса предметовъ и не отличалась особенной старипой, относясь лишь ко XVII—XIII столѣтіямъ, то, за то, этотъ отдѣлъ давалъ общее понятіе о церковныхъ предметахъ даннаго періода, а затѣмъ нѣкоторые изъ этихъ предметовъ представляли дѣйствительные образцы искусства. Всего въ церковномъ отдѣлѣ было выставленно 604 предмета и столько-же фотографій и рисунковъ.

Большихъ хлопотъ устроителямъ выставки стоилъ историческій отдѣлъ. Нужно замѣтить, что памятниковъ періода, болѣе къ намъ близкаго, сохранилось гораздо меньше, чѣмъ болѣе раннихъ эпохъ, и съ каждымъ годомъ количество ихъ все убываетъ. Благодаря выставкѣ удалось спасти очень много цѣнныхъ вещей, затѣмъ, возбужденъ интересъ къ этой эпохѣ, что является залогомъ дальнѣйшихъ шаговъ въ этомъ направленіи. Отдѣлъ заключалъ въ себѣ 829 номеровъ, включая и фитографіи. Нельзя сказать, чтобы памятники мѣстной старины, представленные, наряду съ другими, въ довольно большомъ количествѣ, заключали въ себѣ особенно выдающіеся экземпляры по историческимъ воспоминаніямъ или по цѣнности; но не въ этомъ вѣдь и сила,—чѣмъ больше самыхъ обыкновенныхъ предметовъ, характеризующихъ старинный бытъ,—тѣмъ скорѣе будетъ достигнута цѣль уясненія этого быта, имѣя, главнымъ образомъ, въ виду массу, общую картину.

Первую часть этого отдѣла составляли портреты историческихъ дѣятелей, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, въ краскахъ (большей частью копіи) и фотографіяхъ. Очень хорошо, затѣмъ, были подобраны старинные виды г. Харькова—и здѣсь Харьковъ сдѣлалъ то то, что давно слѣдовало сдѣлать другимъ городамъ. Если принять во вниманіе, что физіономія городовъ особенно въ послѣднее время, очень быстро мѣняется, теряются особенности каждаго изъ нихъ—коллекціонированіе въ этомъ направленіи является прямо необходимостью. По количеству предметовъ, первое мѣсто въ отдѣлѣ занимали памятники искусства и быта: картины, по большей части религіознаго содержанія, которыми такъ любили украшать свои дома наши дѣды, оружіе—очень много

козацкаго, различная утварь, костюмы и т. п. Какъ въ предыдущихъ отдѣлахъ, такъ и въ этомъ были выставлены цѣлыя отдѣльныя коллекціи различныхъ учрежденій и частныхъ лицъ; осмотръ этихъ коллекцій ясно показалъ, что въ разныхъ мѣстахъ нашей родины, иногда въ глухой провинціи, есть люди, которымъ близко ея славное прошлое, которые чтутъ его, сохраняя то, чего не успѣло уничтожить время.

Къ историческому отдѣлу примыкаетъ небольшой отдѣлъ нумизматическій. Заключаетъ онъ монеты изъ кладовъ и отдѣльныхъ находокъ харьковской и другихъ губерній. Большинство монетъ относится къ XVII—XVIII столѣтіямъ.

Наряду съ вещественными памятниками старины, выставка заключала также отдѣлы рукописей и старопечатныхъ книгъ. Рукописей поступило на выставку около 400; это—евангелія, поученія, нотные ирмологіи, акафисты, служебники, требники, синодики, лѣчебники, сборники и т. д. Между частными экспонатами выдѣляется собраніе рукописей гг. Маклаковыхъ въ г. Путивлѣ. Ими-же собрано и большое количество старопечатныхъ книгъ. Всѣ эти собранія пожертвованы Н. С. Маклаковымъ, по завѣщанію, г. Путивлю.

Старопечатныя книги почти исключительно богослужебныя или духовнаго содержанія. По времени относятся къ XVII и XVIII ст. Подборъ ихъ значителенъ (книгъ болѣе 450). По мѣсту изданія, имѣются книги печати кіевской, львовской, острожской, черниговской, почаевской, виленской, московской и др.

По примѣру выставки Кіевскаго съѣзда и здѣсь былъ организованъ картографическій отдѣлъ. Отдѣлъ устроенъ проф. Д. И. Багалѣемъ, которому принадлежитъ и иниціатива его устройства. Цѣль отдѣла—дать возможность лицамъ, занимающимся разработкою областной исторіи раіона, обнимаемаго программой съѣзда, ознакомиться съ мало доступнымъ для нихъ рѣдкимъ картографическимъ матеріаломъ. Благодаря участію такихъ учрежденій, какъ архивъ главнаго штаба и архивъ министерства юстиціи, отдѣлъ былъ составленъ довольно полно, заключая около 250-ти картъ, плановъ и чертежей.

Среди другихъ отдѣловъ, этнографическій занималъ особое мѣсто—онъ самъ представлялъ уже цѣлую выставку. Устройство отдѣла взяла на себя группа лицъ—проф. Н. Ф. Сумцовъ, проф. А. Н. Красновъ, проф. Д. И. Багалѣй, Е. П. Радакова, А. М. Покровскій, В. А. Бабенко, В. Е. Данилевичъ, Б. Д. Твердохлѣбовъ, П. А. Криштафовичъ и др. Цѣнные, затѣмъ, экспонаты доставила Х. А. Алчевская. Кромѣ того, участіе въ выставкѣ приняло нѣсколько художниковъ, назовемъ напр. г. Васильковскаго. Предметы выставки собраны или путемъ спеціальныхъ экскурсій, или поступили отъ частныхъ лицъ и музеевъ, (музей Харьковск. городск. управленія, музей Полтавскаго губернскаго Земства). Размѣстился этнографическій отдѣлъ въ особомъ помѣщеніи, занявъ вестибюль и три залы. Просторное помѣщеніе, масса выставленныхъ предметовъ (болѣе 2-хъ тысячъ и, кромѣ того, болѣе 700 фотографій), красивое расположеніе ихъ дѣлало выставку очень привлекательной—впечатлѣніе получалось сильное. Топографически выставленные предметы распредѣляются слѣдующимъ образомъ: большинство—изъ харьковской губ.; затѣмъ идутъ полтавская и екатеринославская губ. и, сравнительно немного, изъ черниговской, курской и воронежской губ. Народная жизнь вышеупомянутаго раіона представлена на выставкѣ полно и разнообразно. Наряду съ преобладающей массой предметовъ малорусскаго быта, были предметы и великорусскіе,—въ слободской украинѣ есть поселенія и великорусскія.

Изъ отдѣловъ, составлявшихъ этнографическую выставку, на первомъ мѣстѣ стоитъ жилище. Благодаря счастливой мысли устроителей выставки здѣсь была устроена малорусская хата въ натуральную величину со всей внутренней обстановкой: печью, пиломъ, мысникомъ, божницею и даже манекеномъ дивчины, сидящей на лавѣ. Кромѣ этой хаты, были еще модели хатъ, цѣлого двора, огорожи и т. п. Слѣдующій затѣмъ отдѣлъ давалъ образцы различной домашней утвари, посуды, предметовъ освѣщенія и т. д. Одежда и обувь были представлены большимъ количествомъ различныхъ ея принадлежностей, а также рядомъ манекеновъ. Затѣмъ слѣдуютъ коллекціи по земледѣлію, пчеловодству, рыболовству,

различнымъ крестьянскимъ ремесламъ, какъ бондарство, гончарство, ткачество, кацарство, шерстобитство, кузнечное, сапожное и золотарное ремесла. Много было выставлено предметовъ, характеризующихъ народное искусство, народные вкусы; сюда относятся напр. писанки и вышивки — послѣднія въ очень хорошихъ образцахъ. Небольшіе отдѣлы составляли предметы ритуала (главн. обр. свадебные), народной медицины и дѣтскихъ игръ. Участіе художниковъ выразилось въ помѣщеніи на выставку цѣлаго ряда картинъ этнографическаго содержанія. Многочисленныя фотографіи, снятыя экскурсантами и другими лицами, въ снимкахъ съ натуры, дополняютъ и иллюстрируютъ всѣ вышеупомянутые отдѣлы. Это краткое перечисленіе, конечно, не можетъ дать понятія объ этнографической выставкѣ,—для полученія полнаго впечатлѣнія нужно было ее видѣть. А здѣсь было на что смотрѣть, было чему научиться.

Помимо научнаго значенія какъ археологической, такъ и этнографической выставокъ, значенія, которое чувствовалъ каждый спеціалистъ, выставки сослужили еще службу чисто просвѣтительную: открытыя для обозрѣнія публики, онѣ привлекли массу посѣтителей; были дни, когда число послѣднихъ превышало восемь тысячъ, цѣлыя толпы народа располагались на улицѣ и ждали часа, когда открывалась выставка. Шелъ, главнымъ образомъ, простой людъ, быть можетъ, даже не всегда ясно представлявшій цѣль выставокъ, но, что бъ тамъ ни говорили скептики,—таковые конечно были,—въ душѣ каждаго изъ посѣтителей кое-что оставалось—и это кое-что—небольшой лучъ свѣта, а чѣмъ больше такихъ лучей, тѣмъ, разумѣется, лучше. Очень многіе изъ экспонатовъ выставки, главнымъ образомъ отдѣловъ первобытныхъ древностей и этнографическаго, останутся въ Харьковѣ—они послужатъ основой археологическаго собранія и малорусскаго этнографическаго музея. Это еще одинъ изъ результатовъ выставки. Что касается археологическаго собранія, то Харьковъ въ этомъ отношеніи немного запоздалъ, этнографическій же музей будетъ первымъ малорусскимъ общественнымъ музеемъ, такъ какъ собранія при бывшемъ Кіевскомъ отдѣлѣ Географическаго Общества, собранія въ настоящее время не существующаго, нельзя ставить въ счетъ.

Н. Б.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ѳаддей Розеславовичъ Рыльскій.

(Некрологъ).

Скончавшійся 25 сентября 1902 г. Ѳ. Р. Рыльскій представлялъ въ высшей степени оригинальный и интересный типъ общественнаго дѣятеля, созданный исключительными условіями жизни правобережной Украины. Рожденный и воспитанный въ польской шляхетской семьѣ, онъ, еще въ молодости, подъ вліяніемъ горячей, сознательной любви къ родинѣ и ея коренному населенію, открыто и рѣшительно отрекся отъ всѣхъ идеаловъ и традицій своей среды, призналъ себя сыномъ Украины и сторонникомъ демократическихъ принциповъ и до конца жизни остался непоколебимо вѣрнымъ завѣтамъ своей юности. Такіе глубоко искренніе, идеально честные народники впервые появились въ нашемъ краѣ въ благодатную эпоху 1860-хъ годовъ, когда демократическія идеи имѣли такую неотразимую силу и обаяніе, что для многихъ онѣ служили стимуломъ полнаго нравственнаго перерожденія, влекшаго за собою рѣшительное отреченіе отъ самыхъ дорогихъ человѣку вѣрованій и привязанностей. Поэтому біографіи подобныхъ благородныхъ идеалистовъ могутъ представлять интересъ не только сами по себѣ, но и какъ живая иллюстрація къ исторіи общественнаго настроенія въ освободительную эпоху.

Ѳ. Р. Рыльскій родился 21 декабря 1840 года въ с. Ставищахъ, сквирскаго у., кіевской губ., и былъ сыномъ богатаго польскаго пана, владѣльца м. Романовки (того же у.), женатаго на княжнѣ Трубецкой. Родъ Рыльскихъ старинный на Украинѣ; одинъ изъ членовъ этой фамиліи былъ кіевскимъ гродскимъ писаремъ во 2-й четверти XVII ст. Родной прадѣдъ Ѳ. Р—ча, Ромуальдъ, учился въ уманской базиліанской школѣ какъ-разъ въ

то время, когда Умань (въ 1768 г.) была взята гайдамаками. Ему удалось уйти изъ обреченнаго на гибель города, постоянно наталкиваться на суровыя проявленія народнаго ожесточенія противъ поляковъ и, въ концѣ концовъ, вмѣстѣ съ другими единоплеменниками, подпасть грозной народной расправѣ. Привязанный къ столбу для разстрѣлянія, 14-лѣтній мальчикъ, по какому-то наитію, началъ громко пѣть любимую народомъ псальму: «Пречы-

стая Диво, Маты руського краю», которую онъ изучилъ у базиліанъ. При звукахъ этой пѣсни суровый атаманъ гайдамацкій пролилъ слезы и далъ помилованіе не только пѣвцу, но и остальной обреченной на казнь шляхтѣ и евреямъ. Подлинный разсказъ объ этомъ эпизодѣ, записанный изъ устъ потерпѣвшаго, былъ сообщенъ Ѳ. Р—чемъ въ нашемъ журналѣ въ сопровожденіи имъ же сдѣланныхъ глубокихъ замѣчаній отнрсительно уроковъ прошлаго «для уразумѣнія современности и нѣкотораго предвидѣнія будущаго [1]).

Учился Ѳ. Р. Рыльскій во 2-ой кіевской гимназіи и затѣмъ въ университетѣ св. Владиміра, на историко-филологическомъ факультетѣ; окончилъ курсъ въ 1862 году. Въ то время въ кіевскомъ университетѣ существовали студенческія корпораціи, главнымъ образомъ среди польской молодежи, которая преимущественно наполняла тогда университетъ. Молодой Рыльскій пользовался такою огромною популярностью среди своихъ единоплеменниковъ, что уже на первомъ курсѣ, въ 1859 г., состоялъ президентомъ кіевской gminy. Но въ слѣдующемъ году онъ уже числился членомъ украинской «громады», состоявшей изъ студентовъ-малороссовъ, съ незначительнымъ участіемъ мѣстныхъ поляковъ. Въ это именно время въ богато одаренномъ умственными и нравственными силами юношѣ совершился внутренній переломъ, навсегда опредѣлившій его міровоззрѣніе и всю послѣдующую дѣятельность. Какіе чувства и принципы вызвали въ немъ это духовное перерожденіе—объ этомъ можно судить по его собственнымъ словамъ, высказаннымъ въ корреспонденціи, помѣщенной въ «Основѣ», 1861 г. Передавая здѣсь вѣсти съ праваго берега Днѣпра, Рыльскій такъ писалъ: «Народъ праваго берега лишенъ былъ всякаго общенія съ общечеловѣческою духовною жизнью посредствомъ образованныхъ своихъ представителей, говорившихъ и писавшихъ на польскомъ языкѣ, и не имѣлъ возможности самъ вполнѣ высказаться. Только въ наше время нашлись люди, которые братски обратились къ народу, изучили его языкъ и

[1]) „Кіев. Ст.“ 1887 г., № 1.

заговорили для него понятно, но почти всѣ они родились на лѣвомъ берегу Днѣпра, а на правомъ до сихъ поръ еще никто не подалъ имъ дѣятельной помощи на избранномъ ими пути... Теперь обстоятельства перемѣнились. Образованное общество праваго берега раздѣлилось на двѣ половины, которыя повсюду ведутъ между собою горячую полемику. Младшее поколѣніе, чувствуя и сознавая все больше и больше необходимость гуманнаго единенія со всею народною массою, начало всматриваться въ прошедшую и настоящую жизнь народа, и находя въ немъ жизненную, самобытную силу, проникается все сильнѣйшимъ къ нему сочувствіемъ и перестаетъ считать себя чуждымъ народу, земля котораго ихъ вскормила, пѣсня котораго пробудила въ нихъ первыя сердечныя думы, съ которымъ, наконецъ, они должны сойтись въ послѣдующей общественной жизни. Это молодое поколѣніе поставило себѣ задачей—содѣйствовать всѣми честными способами нравственному и вещественному развитію народа, и съ каждымъ днемъ замѣчается больше и больше проявленій такого благороднаго сознанія. За то большая часть стараго поколѣнія, привыкнувъ смотрѣть на все съ своей рутинной точки зрѣнія, испугалась этихъ простыхъ, естественныхъ мыслей. Защиту народа и новыхъ убѣжденій рутинисты признаютъ сущимъ оскорбленіемъ авторитета стараго поколѣнія, возстаніемъ дѣтей противъ отцовъ; въ любви къ народу они увидѣли что-то страшное, чувства человѣколюбія и справедливости начали оскорблять названіемъ вредоносной пропаганды, думая своими криками испугать всѣхъ. Но молодое поколѣніе все-таки высказывается, не опасаясь лицемѣрныхъ и безсознательныхъ криковъ. Оно прежде всего желаетъ труда на пользу общую, безъ различія народностей, сословій, состояній; оно желаетъ мира, братской любви и счастья; а закоренѣлые рутинисты толкуютъ свое и думаютъ крикомъ превозмочь требованія истины и времени. Ограниченность взгляда и не совсѣмъ чистая совѣсть—вотъ причины подобныхъ восклицаній. Мы спокойно смотримъ на всѣ ухищренія рутинистовъ, вполнѣ убѣжденные, что «правда выяснится» и пристыженные противники, раньше или позже, уступятъ предъ священными ея правами».

Это было напечатано въ февралѣ 1861 г. подъ псевдонимомъ «Максимъ Чорный». А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ той же «Основѣ» (кн. XI—XII, 1861 г.) Ѳ. Р. Рыльскій, уже подъ своимъ именемъ, помѣстилъ статью: «Нѣсколько словъ о дворянахъ праваго берега Днѣпра», въ которой защищалъ такое положеніе: «Большая часть украинскихъ дворянъ праваго берега Днѣпра не что иное, какъ ополячившіеся украинцы. Это положеніе важно въ томъ, между прочимъ, отношеніи, что упреки людямъ, вышедшимъ изъ этого сословія, но считающимъ себя украинцами, упреки въ національномъ отступничествѣ, похожи на то, какъ еслибы онѣмечившіеся чешскіе аристократы стали упрекать чеховъ, обращающихся къ своей родной славянской національности». Представивъ затѣмъ мѣстную характеристику различныхъ группъ тогдашней польско-украинской шляхты: чванныхъ и невѣжественныхъ *мошродзцевъ*, фантастовъ *крылатыхъ*, носившихся съ идеей шляхетства и католицизма, просвѣщенныхъ либераловъ, «примѣрно угнетающихъ крестьянъ (конечно, по какому-нибудь высшему соображенію)», и др., авторъ въ заключеніе упоминаетъ и о той немногочисленной группѣ, «которая слыветъ подъ именемъ *хохломановъ* и окончательно расходится со всѣми предыдущими. Эти люди, вышедши изъ среды украинской ополяченной шляхты и изучая мѣстную прошедшую жизнь и современныя ея потребности, пришли къ сознанію своей національной солидарности съ мѣстнымъ украинскимъ населеніемъ и считаютъ интересы его самыми близкими своими интересами. Предмета для своей общественной дѣятельности они ищутъ въ просвѣщеніи народа на его собственныхъ началахъ, въ развитіи его общественной жизни, дѣйствуя при томъ самымъ спокойнымъ и систематическимъ образомъ. На нихъ нападаютъ всѣ предыдущія группы, называя ихъ взгляды и ихъ дѣятельность національнымъ отступничествомъ; но они на это отвѣчаютъ, что это только «обращеніе», что желающій быть дѣйствительно полезнымъ какому-нибудь обществу не можетъ оставаться въ роли колониста, дѣйствующаго на пользу метрополіи, что ихъ образъ дѣйствій согласенъ съ мѣстными простонарод-

ными интересами, которые они принимаютъ за точку отправленія во всѣхъ своихъ взглядахъ».

Эти воззрѣнія и мысли совершенно совпадаютъ съ тѣми, какія съ бо́льшею еще опредѣленностью и горячимъ увлеченіемъ были выражены близкимъ товарищемъ и единомышленникомъ Рыльскаго, В. Б. Антоновичемъ въ его извѣстной «Исповѣди» помѣщенной въ январской кн. «Основы» 1862 г., въ отвѣтъ на инсинуаціи польскаго публициста Падалицы. Все то, что г. Антоновичъ говоритъ здѣсь лично о себѣ, въ одинаковой мѣрѣ примѣнимо и къ Ѳ. Р. Рыльскому. А тамъ есть одно мѣсто, чрезвычайно живо рисующее намъ душевную борьбу, какую должны были пережить эти благородные идеалисты, прежде нежели рѣшиться на трудный подвигъ добровольнаго отреченія отъ всего, съ чѣмъ они сроднились съ дѣтства и что было имъ привито воспитаніемъ и жизнью въ польской шляхетской средѣ, и какія геройскія усилія они употребляли къ тому, чтобы направить на честный и единственно истинный путь своихъ единоплеменниковъ: «Вамъ хорошо извѣстно г. Падалица,—писалъ В. Б. Антоновичъ,—что, прежде чѣмъ я рѣшился разстаться съ шляхтою и всѣмъ ея нравственнымъ достояніемъ, я испробовалъ всѣ пути примиренія. Вы знаете и то, какъ были съ вашей стороны встрѣчены всѣ попытки уговорить вельможныхъ къ человѣчному обращенію съ крестьянами, къ заботѣ о просвѣщеніи народа, основанномъ на его собственныхъ національныхъ началахъ, къ признанію южнорусскимъ, а не польскимъ, того, что южнорусское, а не польское; вы были вѣдь свидѣтелемъ, какъ подобныя убѣжденія возбудили вначалѣ свистъ и смѣхъ, потомъ гнѣвъ и брань и, наконецъ, ложные доносы и намеки о коліивщинѣ. Послѣ этого, конечно, оставалось или отречься отъ своей совѣсти, или оставить ваше общество. Я выбралъ второе»...

Но этотъ рѣшительный шагъ подвергалъ народолюбцевъ тяжкимъ и опаснымъ преслѣдованіямъ. Въ настоящее время трудно представить ту степень злобы и ожесточенія, съ какою могущественная тогда шляхта обрушивалась на людей, открыто зая-

вшихъ о своихъ симпатіяхъ къ украинскому народу. Чтобы понять эту слѣпую злобу, надо вспомнить, что дѣйствіе происходило наканунѣ мятежа 1863 г., когда дворянство Югозападнаго края почти поголовно состояло въ тайномъ заговорѣ, мечтая и усиливаясь всячески втянуть въ инсурекцію и мѣстное малорусское населеніе. А украинофилы какъ-разъ хлопотали о другомъ: какъ бы пробудить въ этомъ народѣ его національное самосознаніе и освѣтить въ его памяти прошлую исторію Украины съ ея вѣковой борьбой противъ польскихъ насилій. Понятно, какъ это должно было раздражать шляхту, принимавшую всѣ мѣры къ тому, чтобы заглушить въ народѣ самое воспоминаніе о козачествѣ и гайдамачинѣ. И вотъ, чтобы, съ одной стороны, зажать рты своимъ противникамъ, а съ другой—отвлечь вниманіе властей отъ собственной «справы», шляхта и магнатство систематически начали запугивать правительство вымышленными толками и донесеніями о мнимыхъ бунтахъ и заговорахъ и натравлять его то на народъ, якобы мечтающій о повтореніи коліивщины, то на «хлопомановъ». Стоитъ вспомнить хотя бы нелѣпую тревогу, возбужденную кіевскими дворянами по поводу погребенія Шевченка близъ Канева[1]), малорусскихъ букварей и проч. Съ особеннымъ ожесточеніемъ польская шляхта преслѣдовала хлопомановъ, вышедшихъ изъ ея собственной среды: ихъ открыто, по именамъ, злословили въ польскихъ газетахъ, распускали о нихъ невѣроятныя клеветы, будто они затѣваютъ новую коліивщину, подучаютъ хлоповъ рѣзать пановъ и т. под., и тѣ же безстыдныя выдумки воспроизводились въ тайныхъ доносахъ. Лично для Рыльскаго эти инсинуаціи имѣли послѣдствіемъ привлеченіе его къ административному суду, на которомъ состоялось было рѣшеніе выслать его въ Казань, и лишь заступничество предсѣдателя слѣдственной коммиссіи Андріевскаго спасло его отъ незаслуженной кары.

Въ то же самое время Рыльскому приходилось и въ собственной семьѣ испытывать ежедневныя огорченія и непріятности

---

[1]) См. въ «Кіев. Стар.» (апрѣль, 1886 г.) ст. «Тревога надъ свѣжей могилой Т. Г. Шевченка».

изъ-за своихъ убѣжденій. Отецъ его, самъ до мозга костей пропитанный шляхетскими тенденціями, и слышать не хотѣлъ о хлопскихъ идеяхъ и чувствахъ сына и требовалъ, чтобы онъ оставилъ кіевскій университетъ и перешелъ въ другой. Послѣ долгихъ споровъ и пререканій, молодой Рыльскій согласился перейти въ петербургскій университетъ; но пріятели отца во время его надоумили, что тамъ его сынъ подпадетъ вліянію тѣхъ же «хлопомановъ»—издателей «Основы», и затѣя удалить его изъ Кіева была оставлена.

Въ бытность въ университетѣ Рыльскаго болѣе всего интересовали политическая экономія, которую читалъ тогда проф. Бунге, и соціально-культурная исторія народовъ—науки, которыми онъ не переставалъ заниматься въ теченіе всей послѣдующей жизни. Сверхъ того, онъ съ жаромъ съ отдавался охватившему въ то время лучшую университетскую молодежь народно-просвѣтительному движенію и лично преподавалъ въ устроенныхъ студентами школахъ. А въ каникулярное время не было для него лучшаго отдыха и удовольствія, какъ путешествіе по родному краю съ цѣлью изученія народнаго быта, мѣстныхъ достопримѣчательностей и т. под. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ, въ компаніи съ своимъ товарищемъ В. Б. Антоновичемъ, большею частью пѣшкомъ, съ котомкою за плечами, обошелъ кіевскую, волынскую, подольскую и значительную часть хорсонской и екатеринославской губерній. Вотъ первоначальный источникъ того глубокаго и всесторонняго знанія народной жизни, какое Ѳ. Р-чъ неизмѣнно проявлялъ въ своихъ литературныхъ трудахъ и въ устныхъ бесѣдахъ.

Послѣ инсурекціи 1863 г. состояніе отца Ѳ. Р-ча, до того времени считавшагося однимъ изъ богатыхъ помѣщиковъ, настолько пошатнулось, что ему не оставалось иного выхода, какъ передать имѣніе дѣтямъ. На долю Ѳ. Р-ча досталась третья часть Романовскаго имѣнія, но съ переводомъ на него же всѣхъ отцовскихъ долговъ. Положеніе молодого помѣщика оказалось крайне затруднительнымъ; требовалось особенное умѣніе вести хозяйство такъ, чтобы спасти имѣніе отъ продажи съ молотка. Въ это же время происходила въ Югозападномъ краѣ повѣрка устав-

ныхъ грамотъ. Въ Романовскомъ имѣніи она была сдѣлана съ такими выгодами для крестьянъ, что возбудила открытое негодованіе сосѣднихъ помѣщиковъ, а одинъ изъ посессоровъ послалъ даже доносъ на молодого Рыльскаго и мѣстнаго посредника (его университетскаго товарища В. М. Юз—ча), стараясь выставить ихъ явными коммунистами.

Съ тѣхъ поръ началась для Ѳ. Р. Рыльскаго скромная помѣщичья жизнь, небогатая внѣшними фактами, но въ высшей степени благотворная для окрестнаго трудового населенія. Главнымъ его занятіемъ было хозяйство, которое онъ изучилъ теоретически и практически и старался вести такимъ образомъ, чтобы оно служило примѣромъ и практической школой для крестьянъ. Благодаря полному довѣрію къ нему окрестнаго населенія, ему удалось достигнуть весьма многаго въ смыслѣ усвоенія крестьянами раціональныхъ пріемовъ земледѣлія и вообще улучшенія ихъ хозяйственной культуры. Другимъ столь же важнымъ предметомъ его трудовъ и попеченій служила имъ же устроенная въ Романовкѣ церковно-приходская школа. Въ теченіе почти 20-ти лѣтъ Ѳ. Р—чъ лично въ ней учительствовалъ совмѣстно съ приходскимъ священникомъ и до конца жизни оставался ея попечителемъ, за что получилъ отъ покойнаго кіевскаго митрополита Платона оффиціально выраженную благодарность и благословеніе. Почти все нынѣшнее населеніе Романовки успѣло пройти курсъ ученія въ этой школѣ, и въ этомъ отчасти кроется источникъ безпримѣрной популярности Ѳ. Р—ча среди мѣстнаго населенія. Сердечныя попеченія помѣщика-*католика* о преуспѣяніи *православной* сельской школы болѣе всего, видимо, смущали окрестную польскую шляхту, и въ 1880-хъ годахъ, по ея доносамъ, возникло было слѣдственное дѣло по обвиненію Рыльскаго въ неблагонамѣренномъ образѣ мыслей и дѣйствій, при чемъ обвинители ставили ему въ вину слѣдующіе поступки: а) какъ помѣщикъ и дворянинъ, онъ слишкомъ хорошо живетъ съ крестьянами; б) женился на крестьянкѣ; в) будучи католикомъ, усердно поддерживаетъ церковно-приходскую православную школу, и г) выдалъ крестьянамъ изъ своего фамильнаго архива доку-

менты, нужные имъ для подкрѣпленія своихъ исковъ въ тяжбѣ съ помѣщиками за земли. Конечно, высшая администрація, узнавъ истинное положеніе дѣла, не дала хода нелѣпой ябедѣ.

А что Рыльскій «слишкомъ хорошо жилъ съ крестьянами»— это была чистѣйшая истина. Съ юности (по его выраженію) «прійдя къ сознанію своей національной солидарности съ мѣстнымъ украинскимъ населеніемъ и считая интересы его самыми близкими своимъ интересамъ», онъ всей своей жизнью и дѣятельностью явилъ идеальный образецъ истиннаго народолюбца. Въ теченіе 40-лѣтняго хозяйничанья у него не было ни одной тяжбы или ссоры ни съ однимъ изъ односельцевъ или сосѣдей-крестьянъ. Онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ идеи духовнаго сближенія крестьянскаго населенія и интеллигенціи на почвѣ общаго практическаго дѣла, но не въ положеніи благодѣтельствуемаго и благодѣтеля, а въ положеніи двухъ совершенно равноправныхъ общественныхъ элементовъ, стремящихся къ одной и той же цѣли— общему благополучію. Когда часть Романовскаго имѣнія, принадлежавшая его сестрѣ, была назначена въ продажу, Рыльскій убѣдилъ крестьянъ купить ее при содѣйствіи крестьянскаго банка и самъ велъ хлопоты по этой покупкѣ. Но его демократическія симпатіи были чужды характера исключительности: какъ въ юности онъ писалъ, что люди его направленія «желаютъ трудиться на пользу общую, безъ различія народностей, сословій, состояній, желаютъ мира, братской любви и счастья», такъ и поступалъ онъ въ теченіе всей жизни. Не одни мѣстные крестьяне, но и мелкая шляхта и даже бѣдный классъ евреевъ—всѣ неизмѣнно находили у Ѳ. Р—ча братское сочувствіе, полезный совѣтъ и посильную помощь. Не чуждался онъ и общенія съ помѣщиками, если только находилъ въ ихъ воззрѣніяхъ и поступкахъ какое-нибудь соотвѣтствіе съ своими демократическими принципами; но всякаго рода шляхетскія тенденціи, хотя бы и въ измѣненномъ видѣ—теоріи «властной опеки» надъ народомъ, всегда были ему ненавистны, отсюда и злоба къ нему со стороны нѣкоторыхъ, доходившая до грязныхъ инсинуацій. За то популярность Рыльскаго среди мѣстнаго трудового населенія была чрезвычайная:

не только крестьяне, шляхта, евреи Романовки, но и жители окрестныхъ мѣстъ шли къ нему за совѣтомъ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ,—и сколько ненужныхъ тяжбъ, семейныхъ неурядицъ было предупреждено или устранено однимъ его авторитетнымъ словомъ!

Такова была скромная, но весьма плодотворная общественная дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка, обрисованная здѣсь лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Мы надѣемся, что лица, ближе знавшія его, не откажутся ярче и выпуклѣе нарисовать его глубоко симпатичный образъ. Намъ же остается упомянуть здѣсь о литературно-научныхъ трудахъ покойнаго, поскольку они намъ извѣстны.

О первыхъ литературныхъ опытахъ Ѳ. Р. Рыльскаго мы уже упоминали: это были корреспонденціи изъ правобережной Украины, помѣщенныя въ «Основѣ» 1861 г., въ февральской кн. (подъ псевдонимомъ: Максимъ Чорный) и въ ноябрьской-декабрьской; ихъ предметъ—характеристика тогдашней украинской шляхты и защита возникшаго среди ея молодого поколѣнія народно-украинскаго направленія. Третья корреспонденція («Основа», февраль 1862 г.) всецѣло посвящена экономическимъ выкладкамъ, наглядно доказывающимъ крайнюю недостаточность крестьянскихъ надѣловъ въ кіевскомъ уѣздѣ по уставнымъ грамотамъ 1861 г., впослѣдствіи, какъ извѣстно, измѣненнымъ въ пользу крестьянъ.

Въ нашемъ журналѣ Ѳ. Р. Рыльскій помѣстилъ двѣ статьи: 1) «Разсказъ современника о приключеніяхъ съ нимъ во время Коліивщины» (январь, 1887 г.) и «Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія» (1888 г. № 11 и 1890 г. №№ 9, 10 и 11). Послѣдній, весьма обширный трактатъ ярко свидѣтельствуетъ о тонкой наблюдательности автора и глубокомъ изученіи народнаго быта.

Въ послѣдніе годы своей жизни Ѳ. Р. Рыльскій предпринялъ капитальное политико-экономическое изслѣдованіе, начальныя главы котораго были напечатаны въ «Запискахъ наукового Товариства імени Шевченка» (томы I—II) подъ заглавіемъ:

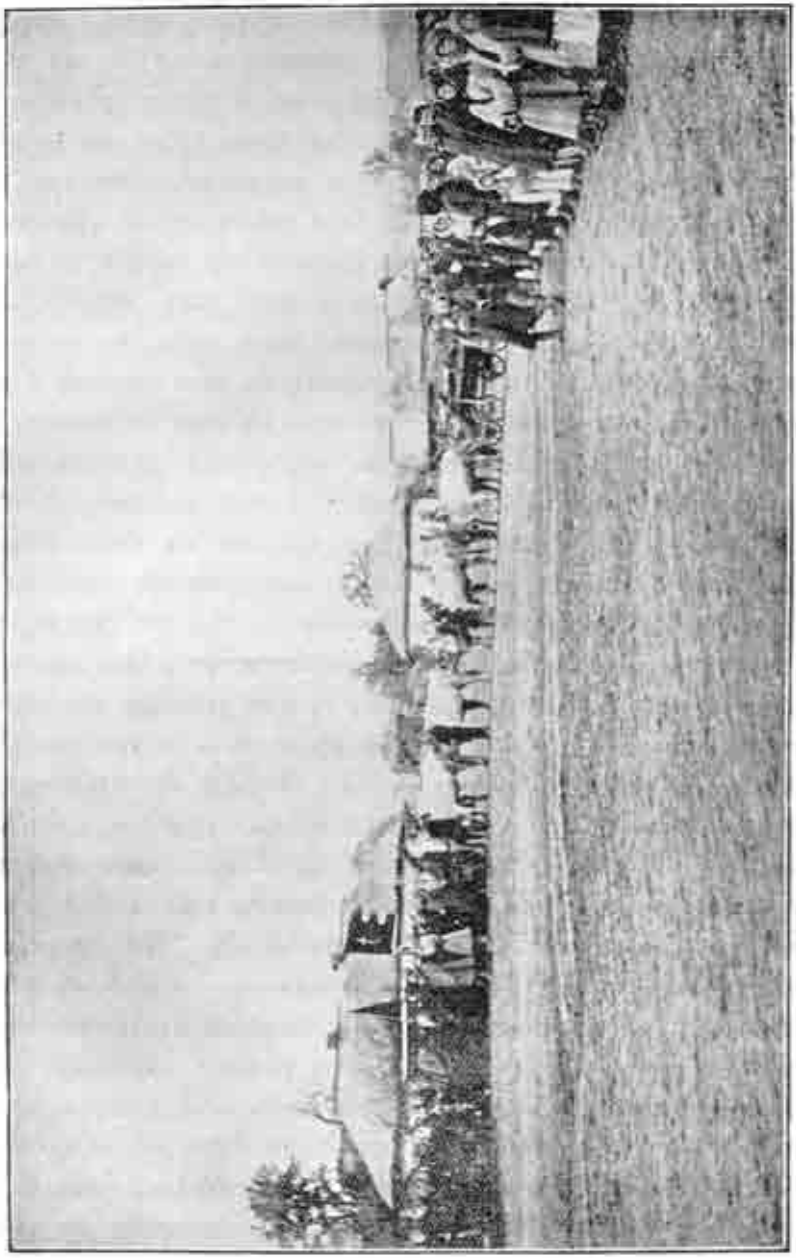
«Студіі надъ основами розкладу богатства». Не извѣстно, успѣлъ ли онъ довести до конца этотъ обширный трудъ, но мы достовѣрно знаемъ, что еще прошлою зимою, проживая въ Крыму, покойный съ увлеченіемъ работалъ надъ этой темой.

Кажется, что въ 1870-хъ годахъ Рыльскій помѣщалъ свои статьи въ галицко-украинскихъ журналахъ народническаго направленія, но, не имѣя подъ руками этихъ журналовъ, не можемъ утверждать этого. Что же касается польской журналистики, то вообще можно сказать, что Рыльскій не принималъ въ ней участія по принципіальному несогласію съ господствовавшимъ въ ней духомъ и направленіемъ. Единственнымъ въ этомъ случаѣ исключеніемъ была издававшаяся въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ демократическая газета Głos, въ которой Рыльскій изрѣдка помѣщалъ статьи по малорусской этнографіи и народному быту.

Въ заключеніе прилагаемъ описаніе похоронъ Ѳ. Р. Рыльскаго, доставленное въ редакцію однимъ изъ мѣстныхъ жителей—очевидцемъ.

«28 сентября происходили похороны Ѳаддея Розеславовича Рыльскаго въ селѣ Романовкѣ (сквирск. у.). Могила, согласно высказанному имъ при жизни желанію, была вырыта на крестьянскомъ кладбищѣ. Онъ и послѣ смерти желалъ покоиться среди тѣхъ, на пользу чью трудился въ продолженіе всей жизни. Крестьяне это сознавали и цѣнили, какъ это видно изъ того, что, узнавъ о его смерти, они собрали сходъ и сами напомнили его роднымъ объ этомъ желаніи, когда-то выраженномъ покойнымъ на одномъ изъ сходовъ. Похороны были совершены съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ, требуемыхъ народнымъ ритуаломъ. «Це *нашъ* панъ»,—говорили крестьяне: «мы ёго по нашому звычаю и поховаемо»! Тѣло умершаго было покрыто красною китайкою; гробъ при выносѣ былъ три раза опущенъ на порогѣ; за гробомъ, который наперерывъ старались нести интеллигентные и неинтеллигентные товарищи и ученики покойнаго, четыре пары воловъ

везли на возу крышку гроба, всю покрытую вѣнками. — Ко времени выноса его тѣла собралась такая масса народа, что имъ былъ запруженъ огромный дворъ. Толпа шла за гробомъ съ рыданіями.



Сознаніе невозвратимой утраты и рыданія еще болѣе усилились, когда, подходя къ церкви, всѣ волы вдругъ заревѣли разомъ протяжно и глухо три раза, какъ будто и они чувствовали горе и понимали, что провожаютъ хозяина своего въ мѣсто, откуда нѣтъ возврата. Когда же возлѣ могилы надъ гробомъ начали произносить рѣчи и упомянули о его добрыхъ дѣлахъ, то вся масса, какъ одинъ человѣкъ, заплакала навзрыдъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, такъ что нельзя было разобрать словъ ораторовъ.—Только и было слышно въ толпѣ: «Ой, допомогавъ, допомогавъ!».—«Никóлы уже на всёму свити не буде такого пана»!—Крестьяне, отдавая ему послѣднее цѣлованіе, произносили краткія, но крайне трогательныя слова: «Покыдаете насъ, пане нашъ, хазяине нашъ, батьку нашъ»!—«Выбачайе, паночку, може колы не послухавъ васъ».—«Прощавайте паночку! штырнадцять литъ служывъ я вамъ: не росчыталы мене, навить «ты» на мене ни разу не сказалы».—Эти слова лучше всего характеризуютъ чудную личность покойнаго, его удивительную деликатность и даже нѣжность въ обращеніи со всякимъ человѣкомъ, кто бы онъ ни былъ. Вѣрный сынъ шестидесятыхъ годовъ, онъ до конца жизни оставался горячо преданнымъ завѣтамъ своей юности. Вся его жизнь была удивительна гармоничнымъ сочетаніемъ идеаловъ и поступковъ; ни старость, ни болѣзнь не были въ силахъ ослабить его горячей любви къ родинѣ и ея люду. Свободная пѣсня жизнерадостныхъ дивчатъ, работавшихъ у него на току, служила ему единственной отрадой, облегчавшей его страданія въ послѣдніе дни, и онъ просилъ открывать окно, чтобы пѣсня была ему лучше слышна, и говорилъ при этомъ, что онъ ничего такъ не любитъ, какъ пѣсню свободнаго, веселаго, жизнерадостнаго народа.—Всѣ окружавшіе могилу были проникнуты однимъ общимъ чувствомъ,—чувствомъ горестной, невозвратной утраты. Не было ни малѣйшаго диссонанса въ настроеніи всей массы: люди разныхъ вѣрованій,—православные, католики и евреи,—разныхъ сословій, классовъ прилагали стараніе о томъ, чтобы исполнены были всѣ подробности обряда по народному обычаю, которымъ покойный такъ восхищался при жизни.—Они желали этой заботливостью отдать по-

слѣдній долгъ чудной личности незабвеннаго покойника.—Можно надѣяться, что всѣ, такъ искренно оплакивавшіе его кончину, будутъ помнить то, чему онъ училъ ихъ и словомъ, и примѣромъ. Его скромная труженическая жизнь была для всѣхъ живымъ примѣромъ, какъ надо любить Украину и всѣхъ ея сыновъ, безъ различія вѣръ, званій и состояній, и какъ путемъ дружной, совмѣстной работы, озаренной знаніемъ и согрѣтой братскимъ сочувствіемъ и любовью, должно стремиться къ процвѣтанію родного края и всеобщему благополучію. Пусть же всякій, кто такъ или иначе можетъ считать себя его ученикомъ, постарается проводить въ жизнь его завѣты, и пусть его благородный образъ навѣки живетъ въ памяти мѣстнаго населенія, какъ живое олицетвореніе высшихъ гражданскихъ добродѣтелей».

О. Л.

Документы, извѣстія и замѣтки.

По поводу малороссійскаго народнаго орнамента. Въ напечатанной въ № 208 «Полтавск. Губ. Вѣд.» замѣткѣ подъ названіемъ «Письмо съ дороги» почтенный художникъ-археологъ Н. Макаренко живо скорбитъ объ упадкѣ народнаго творчества вообще, констатируя, между прочимъ, что въ орнаментѣ и тонахъ Опошнянскихъ мисокъ «замѣтно уже такое вырожденіе, какого онъ не ожидалъ», объясняя, что «въ ущербъ интереснымъ, глубоко самобытнымъ орнаментамъ—въ желтомъ и зеленомъ тонахъ на коричневомъ фонѣ», большая половина издѣлій представляетъ заимствованіе и подражаніе какъ въ формѣ такъ и въ тонахъ. «Достаточно, говоритъ авторъ, взглянуть на эти вазочки (въ исковерканномъ до неузнаваемости пошломъ рококо) и тарелочки подъ терракотъ, на изваяніе какихъ-то не русскаго, а тѣмъ болѣе и не малороссійскаго характера, фигурокъ изъ глины подъ ту же терракоту». Далѣе авторъ усмотрѣлъ «еще болѣе плачевную судьбу» узорныхъ плахтъ, выражая предположеніе, что «теперь уже почти нѣтъ села или хутора, гдѣ-бы ихъ необходимость ощущалась». Могу до нѣкоторой степени утѣшить почтеннаго автора, что на самомъ дѣлѣ это не такъ—и я объясню это далѣе, а теперь остановлюсь на замѣчаніи автора объ отсутствіи рѣзьбы въ видѣ украшеній на воловьихъ ярмахъ и на объясненіи продавцовъ: «нащо намъ така цяцька—намъ хоть якъ зробышъ та зробышъ, абы скорійшъ за дило». Какъ старожилъ родного края и этнографъ, могу сообщить, что «ме-

режани» ярма и возы часто встрѣчались десятки лѣтъ тому назадъ, преимущественно у чумаковъ, любившихъ щегольнуть и волами «круторогымы» и «мережаною мажею» (возомъ). Еще во время изслѣдованія мною кустарныхъ промысловъ (1884 г.) я видѣлъ въ Еремѣевкѣ, золотонош. у., у прежнихъ богатыхъ чумаковъ, украшенныя рѣзьбою, очень мелкою и оригинальною, не только поверхность ярма, но также «люшни», «потылыцю» (задній брусокъ въ возѣ), и «важныцю» (постаментъ или подставку для подъема воза при мазкѣ колесъ); подобная кропотливая рѣзьба была плодомъ досуга нѣкоторыхъ искусныхъ въ рѣзьбѣ по дереву чумаковъ при частыхъ остановкахъ на длинномъ пути «у Крымъ по силь», или на «Динъ по рыбу», какъ мнѣ разсказывали чумаки. Очень жаль, что въ 1898 г. мнѣ удалось въ Еремѣевкѣ купить для земскаго музея (фигурировавшаго на выставкѣ при археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ) старый чумацкій возъ съ незначительными рѣзными украшеніями; лучшій же экземпляръ у богатаго чумака оказался непродажнымъ и сохраняется на память. Думаю, что въ золотонош. уѣздѣ, въ Ирклѣевѣ и на побережьи—въ Еремѣевкѣ, Васютинцахъ, Мойсенцахъ, Котловѣ, а также въ Зубовкѣ и Зуевцахъ миргород. у., въ Куземинѣ и Опошнѣ, зѣньков. у., у чумаковъ или ихъ дѣтей и внуковъ еще найдутся «мережани» ярма и возы, а на побережьи была еще распространена рѣзьба и разрисовка красками деревянныхъ тарелокъ и ложекъ. Что касается плахтъ, то позволю себѣ привести цитату изъ моей монографіи: [1]) «Въ дни годовыхъ праздниковъ въ Зѣньковѣ, а въ особенности въ Миргородѣ, и во многихъ мѣстечкахъ и селеніяхъ, молодицы и дивчата наряжаются въ плахты съ попередницами, иногда парчевыми и шелковыми, нанизываютъ на шею массу «доброго» (коралловаго) намиста съ серебряными и золотыми «дукачами», такъ что пестрая толпа женщинъ представляетъ національные уборы въ чрезвычайномъ разнообразіи и оригинальности. У нѣкоторыхъ щеголихъ сохраняются въ буквальномъ смыслѣ фамильные кораллы, иногда очень крупные, и стоимость ихъ опредѣляется сотнями руб. Можно утверждать, говорилъ я, что на пространствѣ зѣньков. и миргор. уу. и теперь еще цѣлые десятки тысячъ невѣстъ имѣютъ въ своихъ «скрыняхъ», пропорціонально благо-

[1]) Очерки куст. пром. Полт. г. вып. 1. „Пряденіе и ткачество въ зѣньк. и миргор. у. 41. 103.

состоянію родителей, плахты, какъ составную часть традиціоннаго приданаго, безъ котораго не оставляетъ родительскаго дома ни одна дѣвица, мало-мальски достаточныхъ родителей». Во время экспедиціи мною была составлена и доставлена въ земскій историческій музей коллекція узоровъ килимовъ и плахтъ. Мною было выражено, что «эта отрасль труда и самодѣятельности народа столько же своеобразна, какъ и его исторія, его думы и пѣсни, его керамика, его писанки, его вышивки на сорочкахъ и рушникахъ (я также доставилъ коллекцію), и наконецъ, обнаруженная при обслѣдованіи—техническая и технологическая терминологія съ рецептами нелинючихъ растительныхъ красокъ. Хранящіеся въ естественно-историческомъ музеѣ образцы издѣлій и узоровъ ждутъ просвѣщеннаго изслѣдователя съ спеціальнымъ образованіемъ, для научной оцѣнки художественной стороны народнаго творчества». Такой оцѣнки, сколько мнѣ извѣстно, до послѣдняго времени сдѣлано не было просвѣщенными художниками, находящимися на службѣ Полтавскаго земства, и никто изъ нихъ не удосужился посѣтить также Лебединскій будынокъ Галагана, хотя я уже дважды писалъ о немъ въ «Кіев. Стар.». Съ удовольствіемъ долженъ упомянуть, что завѣдывающая Полтавскою женскою школою ткачества, А. І. Колюновская, воспользовалась въ музеѣ собранными мною узорами плахтъ, и нѣкоторые изъ нихъ воспроизвела вполнѣ, а нѣкоторые стилизировала въ издѣліяхъ школы, и на всероссійскую кустарную выставку былъ представленъ отъ Полтавской школы ассортиментъ тканей съ узорами съ плахтъ—въ видѣ матерій для портьеръ, обивки мебели, гардинъ и т. п. Какъ извѣстно, полтавскія ткацкія и гончарныя издѣлія, своею оригинальностью, заинтересовали столичную публику; между тѣмъ, по словамъ г. предсѣдателя Полтавской губернской земской управы Лизогуба, издѣліями Дегтяревской земской мастерской «на всероссійской кустарной выставкѣ никто не интересовался, вслѣдствіе ихъ шаблонности и дороговизны» [1]). Тоже самое мнѣ передавали и въ отношеніи выставленныхъ въ столицѣ издѣлій—главнымъ образомъ маіоликовыхъ—Миргородскаго Гоголевскаго училища, тогда какъ даже на Парижской всемірной выставкѣ Опошнянскія поливянныя миски обращали на себя вниманіе, и зем-

[1]) Экономич. и сел.-хоз. дѣят. полтав. земства, № 9, 66.

скимъ музеемъ были получены заказы изъ Парижа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ живой свидѣтель и очевидецъ, могу засвидѣтельствовать, что въ этнографическомъ отдѣлѣ на археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ, выставленная земскимъ музеемъ коллекція плахтъ, вышивокъ и поливянныхъ мисокъ вызывала вниманіе и одобреніе гг. членовъ съѣзда, а также и со стороны гг. художниковъ и многочисленной публики; сообщеніе же на съѣздѣ И. А. Зарѣцкаго съ демонстраціею имъ образцовъ матеріаловъ, инструментовъ и важнѣйшихъ элементовъ гончарнаго орнамента вызвало живѣйшее вниманіе гг. членовъ съѣзда.

Къ слову молвить, на вопросъ г. Н. Макаренко: «почему, наприм. Легтяревская мастерская ткачества (мастерская, вѣдь, вполнѣ народная) не воспользовалась и до сихъ поръ ни мотивами, ни богатымъ колоритомъ, представляющимся на плахтахъ!»—можно отвѣтить нижеслѣдующими данными: по словамъ члена губ. зем. упр. В. Я. Головни, мастерская состояла въ вѣдѣніи «такъ называемаго губернскаго ткацкаго техника—должности, которой въ дѣйствительности не существовало, такъ какъ право на титулъ ткацкаго техника могло быть присвоено лишь носителю знаній, обнимающихъ ткацкій промыселъ во всемъ его объемѣ,—бывшій же ткацкій техникъ лишь *по недоразумѣнію* (?) пользовался такимъ званіемъ, обладая знаніями только въ узкой спеціальности тканья скатертей, салфетокъ и полотенецъ». Не удивительно, что при самозванствѣ руководителя, говоря словами г. предсѣдателя Лизогуба, «полная неопредѣленность и безпорядочность характеризуютъ прошлую дѣятельность мастерской, лишенную какого-бы то ни было направленія и программы. Въ исполненіи ученическихъ работъ отсутствовала всякая система; въ этой области царила хаотическая разбросанность, рѣзкіе переходы отъ одного предмета къ другому, безъ связи и цѣли. Преобладало же изготовленіе предметовъ фабричнаго шаблона, т. е. тѣхъ предметовъ, которые менѣе всего могли разсчитывать на спросъ, въ виду огромной конкурренціи фабричныхъ работъ, отличающихся большимъ совершенствомъ отдѣлки и большею дешевизною». Осудивъ прошлое, г. Лизогубъ выразилъ достойное глубокаго сочувствія намѣреніе «на будущее время направить вниманіе мастерской на изготовленіе предметовъ, имѣющихъ спросъ». По его мнѣнію, спросъ на мѣстныя издѣлія несомнѣнно можно развить: стоитъ только ввести въ нихъ національные мотивы, примѣнить къ дѣлу полный

своеобразной прелести малороссійскій орнаментъ—и спросъ на издѣлія не только внутренній, но и заграничный надолго обезпеченъ» [1]).

Нельзя съ такою обстоятельностью пока отвѣтить на другой запросъ г. Макаренко: «разрабатываетъ-ли Миргородская керамическая школа малороссійскій стиль въ гончарствѣ? Пользуется-ли она тѣмъ богатымъ чисто-народнымъ орнаментомъ, который разсѣянъ по всѣмъ гончарнымъ произведеніямъ Малороссіи?» Не могу не сказать, что осенью 1900 г. во время областного съѣзда дѣятелей по кустарной промышленности въ Полтавѣ, около 50 человѣкъ съѣзда—въ томъ числѣ и я—посѣщали Миргородское Гоголевское училище съ его мастерскими. На меня они произвели впечатлѣніе благоустроенной маіоликовой фабрики, такъ какъ училище занималось, можно сказать, исключительно выполненіемъ спеціальныхъ заказовъ по сооруженію маіоликоваго иконостаса для православной церкви въ Буеносъ-Айресѣ. Характерно то, что даже оканчивавшіе курсъ ученики, окрашивая издѣлія маіоликой, не имѣли понятія о составѣ красокъ, и это считалось техническимъ секретомъ сихъ дѣлъ мастера. Въ губернскомъ земскомъ собраніи въ тотъ годъ, по поводу подобной аномаліи и вообще направленія дѣятельности училища, возникли, можно сказать, ожесточенныя пренія, и въ концѣ концовъ была избрана особая коммиссія для ревизіи и выработанъ проектъ для дальнѣйшаго существованія училища. Сколько извѣстно, къ предстоящему губ. собранію будетъ представленъ докладъ коммисіи. Для характеристики же направленія училища, долженъ сказать, что при посѣщеніи мною училища въ 1898 г., послѣ бесѣды съ г. директоромъ училища, я, согласно его желанію, входилъ въ сношеніе съ директоромъ коллегіи Галагана о разрѣшеніи командированному отъ училища лицу, произвести съемку съ орнамента въ Лебединскомъ будынкѣ Галагана. Полученный благосклонный отвѣтъ былъ мною препровожденъ г. директору училища, но командировка по неизвѣстной мнѣ причинѣ не состоялась до настоящаго времени. Не сомнѣваюсь, что отмѣченная на выставкахъ въ Парижѣ, въ С.-Петербургѣ и Харьковѣ оригинальность и своеобразность нашихъ кустарныхъ издѣлій, въ особенности ткацкихъ и гончарныхъ, возбудитъ энергію губернскаго земства къ поддержанію и развитію кустарныхъ промысловъ посредствомъ система-

[1]) Тамъ же, 64, 67.

тическихъ мѣропріятій. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести иллюстрированное изданіе сосредоточенныхъ въ земскомъ музеѣ образцовъ узоровъ ткацкихъ и керамическихъ. Само собою разумѣется, для этого потребуется трудъ просвѣщенныхъ художниковъ не только по исполненію рисунковъ, но и по систематизаціи ихъ. Въ этомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія изданный Харьковскимъ предварит. комитетомъ археологич. съѣзда альбомъ узоровъ, собранныхъ г-жею Литвиновою по черниг. губ., плахтъ, рушниковъ и вышивокъ, и намѣченная И. А. Зарѣцкимъ систематизація глазурованныхъ и неглазурованныхъ издѣлій.

Въ параллель съ выставленными музеемъ кустарными издѣліями я представилъ на съѣздъ докладъ «Къ вопросу о толковомъ словарѣ украинской народной терминологіи», и составленный мною «Опытъ толковаго словаря народной технической терминологіи по полтав. губ.», главнымъ образомъ, по собраннымъ непосредственно мною еще въ 1884—85 г. матеріаламъ при изслѣдованіи 25 промысловъ. Обѣ работы напечатаны въ II т. «Трудовъ Предварительнаго Харьковскаго Комитета», при чемъ помѣщена составленная мною программа для дальнѣйшаго собиранія матеріаловъ по технической терминологіи. Кромѣ того, Полтавскимъ обществомъ сельскаго хозяйства изданы мои доклады «Метереологія и земледѣліе по украинскимъ народнымъ воззрѣніямъ» съ программою для собиранія матеріаловъ по губерніи.

Такимъ образомъ, очевидно, предстоитъ обширная и плодотворная работа въ нашемъ краѣ по извлеченію изъ мрака неизвѣстности и разработкѣ на научныхъ началахъ—многообразныхъ проявленій народнаго творчества, какъ въ области матеріальной культуры, въ видѣ своеобразнаго орнамента, такъ и въ области духовной культуры, выраженной какъ въ сложившихся вѣками воззрѣніяхъ, примѣтахъ и предсказаніяхъ народа по метереологіи и земледѣлію, имѣющихъ необъятно важное значеніе въ жизнедѣятельности истыхъ «хлиборобивъ», такъ и въ бытующей теперь технической терминологіи, преемственно унаслѣдованной, по ремесламъ и промысламъ. Не безъ цѣли я поставилъ эпиграфомъ своего доклада о толковомъ словарѣ украинской народной терминологіи—поговорку: «Краще свое латане, нижъ чуже хапане», ибо искренно и глубоко вѣрю, что, по мѣрѣ научнаго изученія души и народнаго техническаго знанія, могутъ предстать озаренныя свѣтомъ истины всѣ несовершенства, недочеты и пробѣлы—какъ неизбѣжное слѣдствіе отсутствія родной народу по языку школы общеобразовательной и профессіональной. Остается питаться надеждой, что къ

предстоящему въ 1905 г. XIII археологическому съѣзду, предположенному въ Екатеринославѣ, просвѣщенные дѣятели нашего родного края приложатъ трудъ собрать и представить въ обработанномъ видѣ толковый словарь народной технической терминологіи, а также народныя воззрѣнія по метереологіи и земледѣлію полтав. губ.; художники же, съ своей стороны, представятъ въ систематизированномъ видѣ многообразный народный орнаментъ. Тогда каждый можетъ видѣть и по достоинству цѣнить, наприм., «малороссійскій стиль», въ настоящее время—по словамъ археолога-художника Макаренка „почти еще неизвѣстный даже въ самой Россіи".

В. Василенко.

Новый документъ о Сагайдачномъ. Печатаемый ниже документъ, извлеченный изъ книгъ Литовской Метрики, хранящейся въ Московскомъ Архивѣ М. Ю., и любезно сообщенный нашей редакціи Ѳ. Д. Николайчикомъ, представляетъ интересъ для характеристики отношеній польскаго правительства къ личности талантливаго гетмана Петра Сагайдачнаго, сумѣвшаго своей огромной энергіей, способностями и успѣхами въ военномъ дѣлѣ доставить козачеству и гетманской власти огромную силу и значеніе, достигшихъ своего апогея при Богданѣ Хмельницкомъ, не менѣе талантливомъ ученикѣ, вышедшемъ изъ военной и дипломатической школы Сагайдачнаго. Поворотнымъ пунктомъ въ отношеніяхъ между Польшей и козачествомъ, во главѣ съ его представителемъ—гетманомъ Конашевичемъ, служитъ обращеніе къ послѣднему со стороны польскаго правительства за помощью въ критическій моментъ, въ 1618 году, когда королевичъ Владиславъ, отправившійся добывать себѣ московскій престолъ, очутился въ безвыходномъ положеніи. Сагайдачный воспользовался удобнымъ моментомъ: съ одной стороны, онъ питалъ надежду заслужить расположеніе короля и добиться улучшенія положенія православныхъ; съ другой, для него, быть можетъ, было не безразлично показать московскому правительству выгодность для него союза съ сильнымъ козачествомъ. Выручивши Владислава отъ неминуемой гибели, Сагайдачный возвращается на Украину и распоряжается въ ней, какъ независимый начальникъ. Польскія власти въ то время слишкомъ нуждались въ немъ и чувствовали много силы въ его распоряженіяхъ, и потому не осмѣливались его безпокоить. Но, внушая страхъ польскому правительству,

Сагайдачный держитъ себя въ отношеніи его въ высшей степени тактично и независимо: онъ выступаетъ неоднократно въ его интересахъ и оказываетъ помощь, имѣя въ виду войти въ соглашеніе съ нимъ; а это обстоятельство, конечно, поднимало значеніе гетманской власти во мнѣніи правящихъ. Политика Сагайдачнаго настолько была неясна на первый взглядъ, что польскіе мемуаристы его времени, а позже и южно-русскіе лѣтописцы и даже современные историки не рѣдко считаютъ его сторонникомъ Польши. Неосновательность этого мнѣнія лучше всего явствуетъ изъ предсмертныхъ писемъ Сагайдачнаго къ Сигизмунду и королевичу Владиславу, исполненныхъ ненависти къ польской шляхтѣ и искреннихъ заботъ о козачествѣ: первую онъ глубоко ненавидитъ и защиты ждетъ только отъ короля. Этимъ и объясняются отношенія его къ польскому правительству, точнѣе къ королю,—въ этомъ же мы можемъ найти объясненіе печатаемому ниже «листу» короля Сигизмунда къ Сагайдачному. Въ письмѣ этомъ, отъ 23 іюля 1619 года, въ формѣ универсала, король, принимая во вниманіе рыцарскіе подвиги и военныя дѣйствія во время продолжительной службы «почтеннаго» (uczciwego) Петра Кунашевича [1]) Сагайдачнаго въ Москвѣ съ войскомъ запорожскимъ, а также его энергичныя (hamuje i karze) мѣры по отношенію къ запорожцамъ, въ особенности—лишь именующихъ себя запорожцами, затѣмъ—запрещеніе нападать на турецкія владѣнія, наконецъ—усердіе и доброжелательность его съ другими «старинными товарищами своими» по отношенію къ нему и Рѣчи Посполитой,—объявляетъ, что, принимая все это съ благодарностью, онъ желаетъ доказать свое расположеніе («łaskę») и беретъ подъ свою защиту не только его самого, но, если бы, по Божьему попущенію, онъ умеръ, то по его смерти, жену и потомство его, и никому не будетъ позволено ни въ чемъ чинить имъ безпокойство.

«Листъ» этотъ свидѣтельствуетъ, хотя и въ слабой степени, о признательности короля Сагайдачному за его помощь въ московской войнѣ и вообще за его политику, но неизвѣстно, принесъ ли онъ какія-либо практическія удобства семейству Сагайдачныхъ: самъ Сагайдачный врядъ ли особенно нуждался въ королевскомъ покровительствѣ; что же касается до его жены Анастасіи, урожденной Пов-

[1]) По транскрипціи записи въ Литовской метрикѣ.

ченской, съ которой онъ, повидимому, не сошелся и потомства отъ нея не имѣлъ, то послѣдняя два года спустя по смерти мужа вышла замужъ за шляхтича Ивана Піончина и въ томъ же году совершила наѣздъ на имѣніе п. Ѳеодора Даровскаго, за что кіевскій судъ призналъ ее виновной, а вслѣдствіе уклоненія ея отъ суда приговорилъ къ банниціи.

«*List Piotrowi Kunaszewiczowi Saydacznemu*». Zygmunt III z Bozey laski krol Polski etc. „Oznaymuiemy tym listem naszym wszem wobec y kożdemu zosobna komu to wiedzieć należy. Jż My, maiąc zaleconego uczciwego Piotra Kunaszewicza Saydacznego, starszego woiska Zaporożskiego y dzieła iego Rycerskie y sprawy woienne, ktoremi sie nam y Synowi naszemu najasnieyszemu Władysławowi z woyskiem Zaporozkim w Moskwie na wielu mieiscach, przez nie mały czas mężnie y życzliwie nasługował, y to przed oczyma maiąc, że y teraz we włosci woisko Zaporożskie a zwłaszcza tych, co się mianuią a nie są z woyska Zaporożskiego, hamuie y karze, drugim co zwykli sie swowolnie przekradać, y pacta koronne z Cesarzem Tureckim psować na Czarne morze zabrania, y wszeliaką życzliwość y powolność z drugiemi starzynnemi towarzyszmi swoiemi przeciwko nam y Rzeczy Pospolitey pokazuie. Tedy wdzięcznie to od niego przyimuiemy, y chcąc onemu łaskę naszą krolewską pokazać, nie tylko onego samego, ale iesliby za dopuszczeniem Bożym z swiata zszedł, żonę y potomstwo iego, w obronie naszey mieć chciemy y iako onego za żywota, tak y onych po smierci iego nikomu żadney personie w niczym turbować nie dopuscimy. Na co ręką naszą podpisawszy sie, pieczęć koronną przyłożyć kazalismy. Dan w Warszawie dnia dwudziestego trzeciego M-ca Lipca roku Panskiego tysiąc szescsetnego dziewiętnastego, panowania krolewstw naszych Polskiego trzydziestego wtorego, a szwedskiego dwudziestego szostego roku». «Sigismundus Rex. Chrophus Bakowiecki». (Книга зап. кор. 19-я, л. 73).

Запрещеніе бродяжничества монахамъ въ 1731 г. Пречестнѣйшему отцу архимандриту нѣжинскому Саввѣ Шпаковскому и честнѣйшимъ отцамъ игуменамъ монастырей заднѣпрскихъ, намѣстникамъ и строителямъ, такожъ честнымъ отцамъ протопопамъ, а

именно: Козелецкому, Нѣжинскому, Конотопскому, Глуховскому, Воронѣжскому и Ивановскому, при Божіемъ благословеніи, и нашемъ архіерейскомъ, объявляемъ: что извѣстно намъ ученино, да и сами ми видѣли, черезъ епархію съ Москви едучи, же многие съ монаховъ, такъ великороссійскихъ, якъ и малороссійскихъ и из другихъ странъ волочатся по городамъ, мѣстомъ, по селамъ, и деревнямъ въ епархіи нашой киевской, и бродящіе по ярмаркамъ и торгамъ, въ пиваются и соблазни великіе дѣлаютъ, по школамъ валяются, отчего великое поношеніе монашескому чину бываетъ, всѣхъ мирскихъ презрѣніе: забездѣльниками бродячими, шкаредами, пяницами, соблазнителями, хажнями и ругателями монашескаго чина, добрии и честнии монахи, прямо чинъ монашескій хранящии, безчестіе поносятъ и поруганіе; и куди честнии и исправнии за дѣлами монастирскими посилаются за благословеніемъ начальствующихъ, то чести не имѣютъ, и чего требуютъ, не получаютъ, презрѣнии и осмѣяніи тщии отходятъ; всего бѣдного честного монаха стинаютъ палцями указующе: онъ чернецъ, такій же якъ и другии волоцюга! и о добромъ, такъ какъ одругомъ бездѣлному волоцюге, мирские мнѣніе имѣютъ и говорятъ: «вси они такие! А понеже укази государови повелѣваютъ: монахи никуда би не волочилися и не бродили, но по манастирамъ живучи честно, послушанія своя би отправляли! токмо за дѣлами, и то за позволеніемъ начальствующихъ, з манастирей отходили би с писаніемъ свѣдительствующимъ; того ради ми, пастиръ, исполняя государеви укази и желая, что б тѣхъ бродягъ не било в епархіи нашей и никакихъ би соблазновъ за тѣми хажнями не умножалося, но паче искоренялося, и в чести, а не в безчестии монашескій чинъ имѣли би другии мирскии люде,—накрѣпко приказуемъ вамъ, таковыхъ бродягъ и бездѣльниковъ брать по ярмаркамъ, торгамъ, по мѣстамъ, селамъ, волочащихся и по школамъ валяющихся, взять в кандали и, оковавъ, под карауломъ в катедру нашу присилать. Знова жъ, которие монахи з своего монастира, где и обѣщаніе пріймали, в другіи манастири бегаютъ; а с того манастира знова в иніе манастирѣ волочатся, и такихъ непостояниковъ оковать и под арестомъ въ тотъ манастиръ, гдѣ онъ примавъ завѣтъ, отсилать при писаніяхъ своихъ. І сей нашъ указъ во всей епархии Киевской публѣковать, по оному без упущенія дѣйствовать, и за неисполненіе по сему нашему указу на показанихъ начальникахъ будетъ доправлено штрафа в катедру нашу по 50 рублей;

о полученіи же насъ писменно репортовать пастирско повелѣваемъ. 1731 года, октября 20 д. З катедри нашей Кіевской.

Смиренний Рафаилъ, Архіепископъ Кіевскій.

Сообщ. **С. Рклицкій.**

Къ исторіи народнаго образованія въ южнорусскихъ губерніяхъ. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости у помѣщиковъ въ 1861 году и начавшееся вслѣдъ за этимъ стремленіе къ просвѣщенію освобожденнаго народа поселило у нѣкоторыхъ ревнителей просвѣщенія въ Малороссіи надежду, что и для малорусскаго языка настало время освободиться отъ крѣпостной зависимости у языка великорусскаго. Является попытка оффиціальнымъ путемъ добиться для малороссійскихъ букварей и другихъ книжекъ равноправности съ букварями и книжками великорусскими.

Такую попытку предприняли въ 1862 году распорядители полтавской воскресной школы, приславши въ С.-Петербургскій комитетъ грамотности, состоявшій при 3-мъ отдѣленіи Императорскаго вольно-экономическаго общества, записку, въ которой они просили комитетъ грамотности ходатайствовать черезъ вольно-экономическое общество передъ министромъ государственныхъ имуществъ о разрѣшеніи допустить въ народныя села въ казенныхъ селеніяхъ южнорусскихъ губерній нѣкоторыя книжки для первоначальнаго обученія на родномъ языкѣ населенія тѣхъ губерній.

Записку подписали три обывателя г. Полтавы: распорядитель первой мужской воскресной школы инженеръ-капитанъ Лобода, секретарь совѣта полтавской женской воскресной школы коллежскій совѣтникъ Д. Пильчиковъ и членъ-сотрудникъ комитета грамотности А. Кониссkій (10 марта 1862 г.).

Записка эта была слѣдующаго содержанія:

«Одна изъ цѣлей, высказанныхъ въ разосланномъ объявленіи отъ комитета грамотности—изыскать средства къ устраненію препятствій, мѣшающихъ успѣшному развитію грамотности въ сельскомъ населеніи.

Въ объявленіи сказано: «предоставленіемъ ученія самому сельскому управленію безъ ограниченія размѣровъ и опредѣленія формъ обученія, устраняются сами собой существовавшія доселѣ препятствія

этому дѣлу: всѣ племена, всѣ мѣстности призваны къ участію въ немъ».

Комитету извѣстно, говорится далѣе въ запискѣ, что туземное населеніе полтавской губерніи есть чисто южнорусское, говорящее языкомъ, различающимся отъ великорусскаго грамматическими формами, значеніемъ словъ и складомъ рѣчи, а потому распространеніе грамотности въ здѣшнемъ краѣ, между здѣшнимъ сельскимъ населеніемъ, не въ смыслѣ переучиванія народа на чуждый для него языкъ, чему каждый народъ вездѣ и всегда противится всѣми силами, а съ цѣлью принести ему грамотою истинную пользу, необходимо производить на его собственномъ языкѣ, а равно и дальнѣйшее развитіе его должно быть ведено также на его собственномъ языкѣ. Легче и справедливѣе переводить книги на туземный языкъ, чѣмъ переучивать милліоны людей на чужой языкъ, хотя бы и соплеменный, и собственно для того только, чтобы на этомъ чужомъ языкѣ дать ему прочитать книгу... Здѣшній народъ готовъ принять грамотность и образованіе, но не иначе какъ на своемъ собственномъ языкѣ. Всѣ попытки дать грамотность на великорусскомъ языкѣ остаются только попытками самыми неудавшимися и носятъ на себѣ характеръ крайняго принужденія. Ни проповѣди въ церквахъ, ни судопроизводство, ни даже преподаваніе въ здѣшнихъ народныхъ школахъ на великорусскомъ языкѣ, въ продолженіе долгихъ лѣтъ, не дали здѣшнему народу благихъ результатовъ ни въ умственномъ, ни, смѣемъ думать, въ нравственномъ отношеніи. Народъ остался глухъ къ образованію въ чуждой ему формѣ; онъ не хочетъ, да и не можетъ переродиться ради грамоты и ученья, въ силу и могущество которыхъ онъ и безъ того недостаточно вѣруетъ, и предпочелъ за лучшее учиться у дьячковъ исключительно церковной грамотѣ, въ которой, по крайней мѣрѣ, онъ видитъ нѣчто богоугодное. Опытъ показалъ, что несмотря на всѣ усилія различныхъ начальниковъ, напримѣръ, по вѣдомству Государственныхъ имуществъ, мальчики изъ украинцевъ, и то болѣе понятливые, послѣ долгаго нѣсколько-лѣтняго переучиванія на великорусскій языкъ, съ цѣлью впослѣдствіи сдѣлать изъ нихъ писарей, фельдшеровъ и другихъ должностныхъ лицъ, оказываются для обученія на великорусскомъ языкѣ неспособными, чему не какъ единственный случай можетъ служить доказательствомъ въ копіи при семъ прилагаемый рапортъ миргородскаго окружнаго начальника въ полтавскую Палату Государственныхъ имуществъ отъ 22 августа 1861 г. за № 3171. Что же касается до нравственныхъ послѣдствій обученія

не на туземномъ языкѣ, то, не говоря уже о разрывѣ въ семействахъ между родителями и дѣтьми, производящемъ нерѣдко уродливыя нравственныя явленія, мы можемъ указать на общеизвѣстный у насъ фактъ. Волостные и сельскіе писаря въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, кое-какъ познакомившись съ великорусскимъ языкомъ, видятъ въ этомъ нѣкоторое право на превосходство предъ остальнымъ населеніемъ и злоупотребляютъ умѣньемъ коверкать русскій языкъ для своихъ корыстныхъ выгодъ, торгуя этимъ, какъ какимъ то секретомъ, непонятнымъ для другихъ. Надѣяться же, чтобы возможно было возбудить у всей массы народа любовь къ чтенію на языкѣ другомъ, тогда какъ въ семействѣ, въ хозяйствѣ, здѣшній простолюдинъ вынужденъ употреблять самъ и безпрерывно слышать вокругъ себя туземный языкъ—едва-ли возможно. Но такіе и подобные имъ факты остаются безъ надлежащаго заявленія; они, какъ догадываться должно, не идутъ далѣе Палаты Государ. имуществъ. Высшее же начальство думаетъ, что великорусская грамота равно доступна и одинаково полезна какъ для великорусскаго, такъ и для малорусскаго населенія, а потому, вѣроятно, въ видахъ однообразія и предписываетъ въ народныхъ школахъ южнорусскаго края употреблять букварь и другія книги именно тѣ самыя, которыя употребляются и въ великорусскихъ губерніяхъ.

По этому поводу на дняхъ получено въ полтавской Палатѣ Государственныхъ имуществъ отъ 1-го департамента Министерства Госуд. имуществъ предписаніе за № 1633, въ копіи при семъ прилагаемое, сущность котораго состоитъ въ слѣдующемъ. До свѣдѣнія министерства дошло, что изданные св. Синодомъ буквари (не соотвѣтствующіе новѣйшимъ требованіямъ преподаванія и притомъ написанные на великорусскомъ языкѣ, непонятномъ для здѣшняго народа, особенно сельскаго населенія, для котораго они преимущественно предназначены) и присланные министерствомъ въ Полтаву для начальныхъ школъ вѣдомства Госуд. имуществъ, будто бы здѣсь не приняты, а взамѣнъ ихъ палата разсылаетъ по селамъ въ огромномъ количествѣ букваря Шевченка, «гдѣ нѣтъ молитвъ и помѣщены неумѣстныя статьи». При чемъ предписывается доставить объясненіе, «съ чьего разрѣшенія введенъ въ сельскихъ приходскихъ училищахъ полтавской губ. букварь Шевченка, тогда какъ въ реестрѣ книгъ, принятыхъ для училищъ и школъ вѣдомства Госуд. имуществъ, букварь этотъ не значится». Тутъ дѣло не въ дошедшемъ до министерства слухѣ, совершенно невѣр-

номъ, во 1-хъ потому, что 1400 экз., изданныхъ св. Синодомъ букварей, несмотря на то, что они вовсе не приспособлены къ облегчающимъ новѣйшимъ методамъ обученія грамоты, палата въ точности исполнила предписаніе министерства, разославъ присланные экземпляры и во 2-хъ потому, что букварей Шевченка никто и никуда не разсылалъ по той простой причинѣ, что они неудовлетворительны. Но дѣло въ томъ, что министерство прямо воспрещаетъ вводить тѣ книги, которыя «не помѣщены въ реестрѣ книгъ, принятыхъ для училищъ и школъ вѣдомства Госуд. имуществъ», а въ этотъ реэстръ не внесена ни одна книга на южнорускомъ языкѣ и, вѣроятно, ни одна изъ нихъ и не войдетъ туда, если комитетъ, съ своей стороны, не приметъ на себя труда о томъ ходатайствовать. На представленье же мѣстнаго начальства по сему предмету надѣяться нельзя. По всей вѣроятности оно скорѣе, на основаніи этого предписанія министерства, будетъ преслѣдовать введеніе книгъ на южно-русскомъ языкѣ, чѣмъ объ этомъ ходатайствовать. А потому мы, нижеподписавшіеся, и обращаемся съ покорнѣйшей просьбой къ комитету исходатайствовать у г. министра госуд. имуществъ разрѣшеніе путемъ оффиціальнымъ ввести для южнорусскаго края въ реестръ книгъ, назначенныхъ для училищъ вѣдомства Госуд. имуществъ слѣдующія книги, при семъ прилагаемыя, а именно: граматку Деркача, азбуку для южнорусскаго края, составленную по методѣ Золотова, и граматку г. Кулиша.

Въ первыхъ двухъ, по краткости, кромѣ азбуки и самаго необходимаго для первоначальнаго чтенія текста, ничего не помѣщено, а въ букварѣ Кулиша помѣщены молитвы, св. исторія и катехизисъ, т. е. все то, на недостатокъ чего указываетъ министерство въ букварѣ Шевченка, а потому эта граматка и можетъ служить дополненіемъ къ двумъ первымъ [1]).

---

[1]) Въ бумагахъ Комитета грамотности находимъ слѣдующіе отзывы объ упомянутыхъ книжкахъ: 1) Букварь южнорусскій 1861 року 3 коп. Шевченко.

„Азбука въ этомъ букварѣ занимаетъ всего 1 страницу и читать научиться по этому букварю трудно; но онъ хорошъ, какъ книга для первоначальнаго чтенія"; 2) Граматка П. Кулиша 1861 г. „Составлена по старой методѣ"; 3) Граматка для украинського люду. Л Ященко. 1862 г. 10 шагивъ, „Составлена по новой методѣ съ указаніями для учителя. Въ концѣ приложенъ текстъ для чтенія: стихи Шевченка съ біографіей, краткія свѣдѣнія изъ исторіи Украины Лучшая изъ малороссійскихъ азбукъ. Въ Вол. Экон. Обществѣ было на разборѣ въ 1862

Чтобы не оставить комитета грамотности въ сомнѣніи о дѣйствительной потребности первоначальнаго обученія народа на туземномъ языкѣ, мы имѣемъ честь обратить его вниманіе на нижеслѣдующее. Въ Малороссіи книжный русскій языкъ господствуетъ въ дворянствѣ и между немногими зажиточнѣйшими горожанами, заимствовавшими его черезъ службу или торговыя связи, и при томъ молодежь этихъ классовъ общества усвоиваетъ его многолѣтнимъ ученіемъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, что никогда не можетъ быть доступно для всей массы населенія и въ особенности сельскаго. Что именно такъ взглянули на этотъ вопросъ новыя учрежденія, возникшія вслѣдствіе эмансипаціи, какъ скоро потребовалось отъ крестьянъ сознательное пониманіе благихъ мѣръ правительства, чему другія вѣдомства, можетъ быть, менѣе поставленныя въ необходимость наипрямѣе достигать этой цѣли, не представляютъ примѣра,—тому могутъ служить доказательствомъ слѣдующіе факты.

Екатеринославское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе для уясненія крестьянамъ ихъ новыхъ правъ и обязанностей нашло необходимымъ сдѣлать извлеченіе изъ положенія 19 февраля 1861 года и, изложивъ его на южнорусскомъ языкѣ, разослать по всѣмъ волостямъ своей губерніи, что весьма способствуетъ успѣшному ходу дѣла, такъ какъ, по отзывамъ самихъ крестьянъ, изложеніе на туземномъ языкѣ для нихъ оказалось совершенно понятнымъ.

Еще разительнѣе примѣръ приведенный въ № 4-мъ Современной лѣтописи „Русскаго Вѣстника“ за 1862 годъ, состоящій въ томъ, что начальникъ кіевской губерніи ген.-лейт. Гессе предпринялъ путешествіе по губерніи для внушенія волостнымъ старшинамъ необходимости составленія уставныхъ грамотъ.

Вотъ точная выписка изъ этой статьи: «Рѣчь, которую губернаторъ произнесъ старшинамъ, была потомъ прочитана находившимся съ губернаторомъ чиновникомъ на малороссійскомъ языкѣ и роздана старшинамъ въ печатныхъ экземплярахъ, чтобы и они съ своей стороны прочитали ее своимъ волостямъ». «Послѣ этого намъ случилось быть въ с. Кочеровѣ, радомысльскаго у., и разспрашивать тамошняго волостного старшину Сидора Ярмоченка, читалъ ли онъ сказанныя губернаторомъ слова крестьянамъ въ волости, какое произвели они на

году 35 книжекъ для южнорусскаго народа и школъ; цѣна книжекъ отъ 3 до 10 коп.

нихъ впечатлѣніе и вѣрятъ ли они сказанному, на что старшина отвѣчалъ, что читалъ и вѣрятъ и при разсказѣ выразилъ особенное восхищеніе, даже отъ души смѣялся, что рѣчь написана по малороссійски и каждое слово ея понятно и выражено «якъ лопатою».

«Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ должно быть пріятно крестьянамъ, когда о задушевныхъ интересахъ ихъ, о желанной волѣ ихъ заговорили съ ними роднымъ языкомъ».

«Можно ли послѣ этого сомнѣваться, что обученіе здѣшняго простонародія на туземномъ языкѣ вмѣстѣ съ благопріятными послѣдствіями для его умственнаго развитія будетъ въ то же время самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ превратныхъ толкованій правительственныхъ мѣръ, относящихся къ народу».

Въ заключеніе податели просили Комитетъ грамотности или принять на себя прямое ходатайство по этому предмету, или передать настоящее письмо на благоусмотрѣніе министра Государ. имуществъ [1]).

С.-Петербурскій Комитетъ грамотности, «признавая вполнѣ основательнымъ мнѣніе, изложенное въ приведенной запискѣ», просилъ содѣйствія по этому дѣлу Совѣта Имп. Вол. Экон. Общества. Послѣдній, раздѣляя мнѣніе Комитета грамотности, обратился къ министру государ. имуществъ, генер.-адъют. Зеленому за разрѣшеніемъ упомянутаго ходатайства о введеніи въ полтавской губ. учебниковъ на южнорусскомъ языкѣ, а именно—грамматики Деркача, азбуки для южнорусскаго края, составленной по методѣ Золотова и грамматики Кулиша. Ходатайство это было передано министромъ на разсмотрѣніе ученаго комитета министерства. Этотъ послѣдній, разсмотрѣвъ какъ самое ходатайство, такъ и названныя книги, также нашелъ, что ходатайство это заслуживаетъ вниманія и что самыя книги составлены удовлетво-

---

[1]: Въ члены комитета грамотности записались изъ Полтавы и уѣздовъ слѣдующія лица: Щитинская А. Я., Лобода Вик. Вас., Лобода Ст. Матв., Ткаченко Федотъ Леонт., Добровольскій Вл. Андр., Шелкинъ Вик. Аѳан., Стронинъ Алдр. Ив., Кизимовскій Мих. Вас., Циссъ Ив. Дан., Горовой Вас. Ѳед., Пселъ Мих. Ив., Боровиковскій Алдр. Львъ, Зеленскій І. Моис., Куровъ Н. Н., Труковъ Пет. Л., Пильчиковъ Д. П., Милорадовичъ Ел. Ив-на, Милорадовичъ Мар. Григ., Милорадовичъ Гр. Дм., Оболонскій Гр. Ив., Павелко Н. Гр., Гуринъ П. Никит., Трохимовскій Ал. Ал., Стеблинскій Пав. Евф., Гершовскій Мейеръ Яков. По общественному положенію среди этихъ лицъ были: офицеры, помѣщики, помѣщицы, учителя, купцы и даже гимназисты.

рительно и могутъ быть рекомендованы съ пользой для находящихся въ южнорусскомъ краѣ сельскихъ училищъ министерства Гос. Имуществъ, а потому ученый комитетъ испрашивалъ разрѣшенія министра на включеніе этихъ учебниковъ въ реестръ книгъ для сельскихъ училищъ южнорусскаго края, съ тѣмъ, однакоже, чтобы для этихъ училищъ оставались также рекомендованные ученымъ комитетомъ учебники и на великорусскомъ языкѣ.

Этому постановленію ученаго комитета, однако, не дано дальнѣйшаго движенія, такъ какъ журналъ комитета, представленный въ февралѣ 1863 года на утвержденіе министра, оставленъ былъ послѣднимъ у себя. Очевидно, событія 1863 и 1864 годовъ въ польскихъ и нѣкоторыхъ южнорусскихъ губерніяхъ оказали неблагопріятное вліяніе на поднятый вопросъ, а съ передачей въ 1866 году народнаго просвѣщенія изъ министерства Гос. Имуществъ въ министерство Просвѣщенія вопросъ этотъ вовсе заглохъ и трудно сказать, когда онъ получитъ дальнѣйшее движеніе.

Сообщ. **И. А. Шафрановъ.**

Изъ прошлаго Полтавщины. *Хоролъ, Лохвица, Зѣньковъ и ихъ повѣты сто лѣтъ назадъ* [1]).

I. *Хоролъ* занималъ площадь въ 442 дес. Жителей въ немъ было 3583 д., изъ коихъ мужескаго пола 1783 д., а женскаго 1800 д. Церквей было 6, изъ нихъ одна каменная. Лавокъ было 16, всѣ деревянныя. О населеніи по сословіямъ и по занятіямъ, городничій ничего не сообщаетъ. Надо сказать, что вообще хорольскій городничій былъ очень скупъ на свѣдѣнія и мало сообщилъ ихъ. Цѣна на рожь въ 1802 г. была 1 р. 44 к., на овесъ отъ 1 р. 5 к. до 1 р. 44 к., пудъ соли 60 к., мясо—четверть передняя 1 р. 70 к., а задняя—1 р. 60 к., свинина 2 к., баранина 2 к., пудъ воска 20 р., меда—5 р. Ярмарокъ было 4 и подорожнихъ выдано въ 1802 г.—150, въ 1803—181. Арестованныхъ въ среднемъ съ 1797 года по 1803 годъ было 250 ч.,—цифра значительная для малонаселеннаго города. Врачей въ городѣ было 3. На требованіе сообщить—какого рода существуютъ остатки древностей въ городѣ, городничій отвѣтилъ: «древнихъ зданій, развалинъ разныхъ мѣстъ и вещей въ городѣ Хоролѣ не имѣется».

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1902 г. №№ 7—8, 9 и 10.

Въ уѣздѣ всѣхъ платящихъ подати было 40783 д., изъ нихъ помѣщичьихъ крестьянъ 23708, козаковъ 16018, евреевъ 45, мѣщанъ 247. Церквей всѣхъ было 45, а священниковъ 27 (очевидно, ошибка), дьяконовъ 4, церковно-служителей 63. Въ одномъ только селѣ Остапьи было 3 церкви (это имѣніе принадлежало Базилевскимъ). Въ уѣздѣ было 200 д. цыганъ муж. пола, а женскаго пола 204 д.; такого количества ихъ мы не встрѣчаемъ въ другихъ уѣздахъ губерніи. Всѣхъ имѣній штабъ-офицеровъ было 38. Каменные дома были только въ имѣніяхъ у Оболонскаго (служилъ въ генеральномъ судѣ) въ с. Оболони (имѣніе это потомъ перешло въ родъ Позеновъ) и въ Вишнякахъ у Пламенцовой. Прибавимъ, что это была богатая помѣщица, вдова бригадира. У нея была оранжерея, вокальный оркестръ. Имѣніе это перешло потомъ въ родъ Родзянокъ. Еще былъ каменный домъ въ Остапьи у Базилевскихъ, гдѣ была также оранжерея, «вокальная капеллія»; то же было и у Оболонскаго. Самымъ населеннымъ мѣстечкомъ было Остапье, расположенное на Пслѣ; въ немъ было 5317 душъ жителей; изъ нихъ 2667 м. пола и 2650 ж. пола. Вѣтряныхъ мельницъ въ уѣздѣ было 418, водяныхъ—148, пивоваренъ 8, винокуренъ 24. Замѣтимъ, что винокуренъ въ этомъ уѣздѣ, сравнительно съ другими, было очень мало. Ярмарки были въ селахъ: Остапьи, Горошинѣ и Семеновкѣ (въ каждомъ по три). Въ нѣкоторыхъ селахъ уѣзда дьячки занимались обученіемъ грамотѣ. Что касается древностей, то городничій сообщаетъ, что въ селахъ »Бѣлоцерковкѣ и Горошинѣ имѣются земляные валы, съ давнихъ поръ сдѣланные, которые теперь находятся въ обветшалости».

II. *Лохвица*. Плана еще нѣтъ, какъ увѣдомляетъ городничій. Всѣхъ домовъ въ городѣ 716, а жителей всѣхъ 4011 д., изъ коихъ мужескаго пола 2156, а женскаго 1855 д. Ремесленниковъ было отъ 130 до 140 ч. Лавокъ было 112. Церквей 6, изъ нихъ двѣ каменныхъ. Всѣхъ ярмарокъ въ городѣ было 4. Что касается арестованныхъ и ихъ числа, то городничій заявляетъ, что «города прежде не существовало, а, слѣдовательно, и полиціи», почему и не могъ дать свѣдѣній. Надо сказать, что Лохвица вошла въ составъ полтавской губ., какъ уѣздный городъ лишь въ 1803 году. Цѣны на продукты существовали почти тѣ же, что и въ др. городахъ; рожь, правда, была нѣсколько дороже: низшій сортъ продавался по 1 р. 10 к., а высшій достигалъ до 2 р. 5 к. Всѣхъ подорожнихъ было явлено 214 ч. Ка-

питаловъ было объявлено на 24750 р. Цѣны на квартиры во время ярмарокъ поднимались вдвое: вмѣсто 50 к. до 1 р.

Въ повѣтѣ всѣхъ жителей, платящихъ подати, было 45116 д., изъ коихъ было купцовъ-христіанъ 39. мѣщанъ 285 ч., мѣщанъ-евреевъ 90, козаковъ 24621, помѣщичьихъ крестьянъ 19750 д. Всѣхъ волостей было 9 и одно староство. Церквей въ уѣздѣ было 69, священниковъ 81, церковно-служителей 126, евреевъ было 120 ч.,—числа такого почти не встрѣчаемъ въ то время въ другихъ уѣздахъ. Церквей болѣе 3-хъ было въ м. Сенчѣ, гдѣ было 3144 д. населенія, Чернухахъ 1984 д. и Варвѣ 2211 д. Имѣній «генералитета» и штабъ-офицерскихъ было 54. Каменный домъ былъ только въ имѣніи генералъ-маіора Милорадовича, въ Воронькахъ. Ни у кого изъ помѣщиковъ не было ни оранжерей, ни капеллій. Вѣтряныхъ мельницъ было 645, винокуренныхъ заводовъ 167, пивоваренъ совсѣмъ не было. Ярмарки были въ селахъ: Варвѣ (3), Сенчѣ (4).

III. *Зѣньковъ*. Плана не было и потому городничій не сообщаетъ о пространствѣ города. Всѣхъ жителей въ городѣ было 3266 душъ муж. пола и 3441 д. женскаго, а всего 6707 д. Ремесленниковъ 214 ч. Церквей было 8 и всѣ деревянныя. Ярмарокъ было 5. Цѣна на мясо здѣсь была 5 к. за фунтъ, чего не встрѣчаемъ въ другихъ городахъ, да и соль была дороже, 80 к. пудъ.

Всѣхъ жителей въ уѣздѣ, платившихъ подати было 42363 д., изъ нихъ наиболѣе было козаковъ—28723 д., а помѣщичьихъ крестьянъ 10586. Менѣе этого числа помѣщичьихъ крестьянъ не было ни въ одномъ уѣздѣ. Нижній земскій судъ сообщаетъ, что узнать, сколько евреевъ, нельзя, такъ какъ они переходятъ съ мѣста на мѣсто; мѣщанъ было 685, купцовъ 16 и казенныхъ, ранговыхъ и магистратскихъ—было 2352 души. Волостей было 12, староство 1. Церквей въ уѣздѣ было 59, изъ нихъ 4 каменныхъ. Священниковъ 75, церковно-служителей 137. Въ селѣ Чернечомъ былъ женскій монастырь, гдѣ было 25 монахинь. Селеній, имѣвшихъ болѣе 3-хъ церквей, было три. Опошня, гдѣ было муж. пола 3630 д и женскаго—3675; Великія Будищи—2394 муж. и 2445 женскаго пола и Грунь—муж. 3020 д. и жен. 3051 д. Столь значительную населенность этихъ мѣстечекъ нижній земскій судъ объясняетъ такъ: «количество каково народа состоитъ тамъ изъ того, что въ бывшіе времена люди ощущали въ большомъ сообществѣ безпечнѣйшее жилище, населясь знатнымъ числомъ,

и потомъ изъ связи одной по другой и время отъ временя умножась, и на обликъ изъ рода въ родъ котораго (?) по мѣстности и нраву между ими затвердѣлому, пребываютъ въ неотримости отъ своихъ соотчизнъ».

Каменный домъ былъ только въ одномъ имѣніи, въ деревнѣ Іордановкѣ, у подпоручика Герасима Захарченка. Вѣтряныхъ мельницъ было 435, водяныхъ 201. Винокуренъ было 105, пивоваренныхъ заводовъ 9. Ярмарки были въ 6 селеніяхъ: Ковалевкѣ (3), Куземинѣ (3), Опошнѣ (4), Боркахъ (2), Великихъ Будищахъ (4) и Груни (3). (Арх. Губ. Правл. по описи № 200).

И. Фр. Павловскій.

Къ біографіи св. Ѳеодосія Углицкаго, архіепископа Черниговскаго. Жизнеописаніе новоявленнаго чудотворца, св. Ѳеодосія Углицкаго, архіепископа Черниговскаго, до сихъ поръ еще не обработано съ надлежащею полнотою, такъ какъ не собраны еще и всѣ тѣ сырые біографическіе матеріалы относительно св. Ѳеодосія, какіе должны находиться въ Кіевѣ, Черниговѣ, Москвѣ и другихъ мѣстахъ. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, нужно, по нашему мнѣнію, организовать систематическіе поиски въ архивахъ и рукописныхъ библіотекахъ означенныхъ городовъ. Такіе поиски, повидимому, и производятся въ самомъ Черниговѣ мѣстными учеными, а для поисковъ въ Москвѣ весьма важнымъ пособіемъ служитъ капитальный трудъ Вит. Эйнгорна «Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII вѣкѣ», (Москва, 1889 года), въ которомъ разсѣяно весьма много указаній на источники для біографіи св. Ѳеодосія и на разныя событія въ его жизни.

Что же касается Кіева и находящихся здѣсь источниковъ и пособій для біографіи святителя Ѳеодосія, то здѣсь прежде всего нужно искать ихъ въ архивѣ и библіотекѣ Кіево-Выдубицкаго монастыря, гдѣ св. Ѳеодосій игуменствовалъ съ 1664 до 1688 года, т. е. до перемѣщенія его на архимандрію Елецкую, Черниговскую. Составленіемъ же исторіи Выдубицкаго монастыря давно уже занимается профессоръ Кіевской Дух. Академіи С. Т. Голубевъ, который, конечно, воспользуется всѣми доступными ему матеріалами для изображенія жизни и дѣятельности св. Ѳеодосія Углицкаго въ санѣ выдубицкаго игумена. Въ другихъ кіевскихъ архивахъ, какъ-то: Кіево-Печерскія лавры, Кіевской дух. Консисторіи и Кіево-Братскаго мо-

настыря и Академіи, едва-ли могутъ быть какія-либо свѣдѣнія о св. Ѳеодосіѣ, такъ какъ древніе архивы этихъ учрежденій истреблены пожарами, а теперешніе ихъ архивы – не старше XVIII столѣтія. Но въ нѣкоторыхъ рукописныхъ кіевскихъ библіотекахъ намъ довелось, при описаніи ихъ, нѣсколько разъ встрѣчаться съ именемъ св. Ѳеодосія Углицкаго. Таковы библіотеки Кіевской Дух. Академіи и Кіево-Софійскаго собора.

Въ академической библіотекѣ есть три сборника монастырскихъ документовъ, имѣющіе какое-либо отношеніе къ св. Ѳеодосію Углицкому,—это: 1) «Книга крѣпостная большая, въ коей находятся выписи прежнихъ жалованныхъ грамотъ и другихъ лаврскихъ крѣпостей и граничныхъ дуктовъ, выданная изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ по имянному Государя Петра Алексѣевича указу въ 1720 году декабря 13 дня, переписанная для графа Н. П. Румянцева въ 1825 году [1]); 2) Документы на бывшія монастырскія имѣнія, хранившіеся въ Кіевской Казенной Палатѣ и въ 1837 году переданные, по Высочайшему повелѣнію, въ библіотеку Кіевской Дух. Академіи для храненія [2]) 3) связка документовъ, относящихся къ исторіи нѣкоторыхъ Кіевскихъ монастырей и извлеченныхъ мною изъ архива старыхъ дѣлъ Кіевской Казенной Палаты [3]).

Между этими документами есть нѣсколько бумагъ, касающихся двухъ эпизодовъ изъ жизни и дѣятельности св. Ѳеодосія Углицкаго, въ санѣ выдубицкаго архимандрита, а именно: во первыхъ, его тяжбы съ Лаврою изъ-за монастырскихъ земельныхъ имуществъ и угодій, и во-втроихъ—основанія на островѣ Михайловщинѣ скита, подчиненнаго Выдубицкому монастырю.

Извѣстно, что въ іюлѣ 1672 года Кіево-печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель отправилъ въ Москву къ боярину Матвѣеву письмо съ жалобою на выдубицкаго игумена Ѳеодосія Углицкаго за захватъ имъ лаврскихъ земельныхъ имуществъ и за жалобу его, Углицкаго кіевскому воеводѣ на архимандрита печерскаго, при чемъ Иннокентій Гизель старался перевесть обычную въ то время земельную тяжбу между монастырями на личную почву: «Когда бы каковой отъ отцовъ

---

[1]) Мое „Описаніе рукописей Церковно-археологич. Музея при Кіев дух. Академіи", Кіевъ, 1875–8 г.г.. № 217, стр. 189—197.

[2]) Тамъ-же, № 216, стр 160 и слѣд. и № 594, стр. 581 и слѣд.

[3]) Тамъ-же № 595, стр. 598 и слѣд.

игуменовъ заслуженный Церкви Божіей мнѣ наругался и укоризны давалъ,—писалъ Гизель,—но то зѣло тяжко, что таковый человѣкъ, который ничего Церкви Божіей не прислужившись, молодой будучи, мене въ лѣтахъ уже пожилого безчеститъ и мѣсто святое досадствуетъ»[1]). Въ томъ же родѣ жаловался Иннокентій Гизель на Ѳеодосія Углицкаго и администратору Кіевской митрополіи, Черниговскому архіепископу Лазарю Барановичу [2]). Къ объясненію этого инцидента и могутъ служить земельные документы Выдубицкаго монастыря и Кіево-печерской лавры. Между документами Выдубицкаго монастыря, переданными въ 1837 году изъ Кіевской Казенной Палаты въ Кіевскую Дух. Академію, есть цѣлый рядъ документовъ объ обидахъ, чинимыхъ Выдубицкому монастырю Кіево-печерскою лаврою, начиная съ 1541 года и, приблизительно, до половины XVII вѣка [3]). Но за то съ 1672 года въ лаврскихъ документахъ появляются, наоборотъ, жалобы Кіево-печерской лавры на Выдубицкій монастырь и его игумена за нарушеніе границъ и захватъ лаврскихъ имѣній. Таковы, напримѣръ, тяжебныя дѣла: инквизиція или розыскъ о спорныхъ озерахъ между Троицкимъ Больничнымъ при лаврѣ и Выдубицкимъ монастырями, 12 іюня 1672 г.; протестація Печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля на Выдубицкаго игумена Ѳеодосія Углицкаго за набѣгъ его на печерскія владѣнія за Днѣпромъ, 15 іюля 1672 года, и жалоба печерскихъ монаховъ на того же Ѳеодосія Углицкаго за нарушеніе границъ владѣній Троицкаго Больничнаго монастыря и за другіе убытки, 23 іюня 1672 года [4]). Сопоставляя оба разряда этихъ тяжебныхъ документовъ, выдубицкихъ и лаврскихъ, мы не можемъ не замѣтить, что первоначально Кіево-печерская лавра обижала Выдубицкій монастырь, захватывая его недвижимыя имущества и угодья; но затѣмъ, св. Ѳеодосій Углицкій, сдѣлавшись Выдубицкимъ игуменомъ, далъ энергичный отпоръ имущественнымъ притязаніямъ Лавры къ Выдубицкому монастырю, поддерживая свои судебные иски, въ то безправное время, даже открытою силою. Вѣроятно, Печерская лавра почувствовала себя

---

[1]) „Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII вѣкѣ", В. Эйнгорна, Москва, 1889 г., стр. 863.

[2]) „Святитель Ѳеодосій Углицкій, архіепископъ Черниговскій и Новгородсѣверскій", А. Лотоцкаго, Каменецъ-Подольскъ, 1895 г. стр. 5.

[3]) См. мое „Описаніе рукописей Церковно-археологич. Музея при Кіевской Дух. Академіи, № 261, стр. 180—182.

[4]) Тамъ-же, № 217, стр. 195.

не въ состояніи выиграть тяжбу съ Выдубицкимъ игуменомъ судебнымъ порядкомъ, если Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель рѣшился прибѣгнуть къ окольнымъ путямъ для того, чтобы сломить непреклоннаго, энергичнаго игумена, перенесши монастырскую тяжбу на щекотливую и скользкую личную почву. Послѣ этого, св. Ѳеодосій Углицкій смирился предъ Иннокентіемъ Гизелемъ и прекратилъ тяжбу съ нимъ. По крайней мѣрѣ, послѣ 1672 года мы уже не видимъ въ монастырскихъ документахъ жалобъ Лавры на Выдубицкій монастырь и его игумена. Отъ послѣдующаго времени сохранился только листъ Выдубицкаго игумена Ѳеодосія Углицкаго, отъ 13 сентября 1673 года, съ позволеніемъ нѣкоему Емченку поселиться на Звѣринцѣ [1]).

О скитѣ Михайловскомъ документы извлечены мною изъ стараго архива Кіевской Казенной Палаты. Изъ этихъ документовъ видно, что основаніе этого скита подготовлялось Выдубицкимъ монастыремъ и св. Ѳеодосіемъ Углицкимъ издалека и постепенно. Острова Михайловщина и Сельце, Мозырскаго повѣту, на р. Припети, издавна принадлежали Выдубицкому монастырю и отдавались въ пользованіе сосѣднимъ крестьянамъ за медовую и хлѣбную дань. Въ 1660 году гетманъ Юрій Хмельницкій универсаломъ своимъ отъ 7 мая подтвердилъ, чтобы съ острова Сельца платилась медовая дань и десятина хлѣба Выдубицкому монастырю. Въ 1678 году, въ бытность св. Ѳеодосія Выдубицкимъ игуменомъ, и, конечно, по его распоряженію, уполномоченный сего монастыря, іеромонахъ Іовъ Опалинскій получаетъ выписку изъ мозырскихъ земскихъ книгъ, заключающую въ себѣ обязательство Коноткевичскихъ жителей отъ 6 октября 1568 года, давать Выдубицкому монастырю медовую дань за островъ Михайловщину. Возстановивъ или подкрѣпивъ права Выдубицкаго монастыря на эти острова, св. Ѳеодосій, листомъ своимъ отъ 1 марта 1680 года, отдалъ помянутому іеромонаху Іову Опалинскому острова Михайловщину и Сельце для построенія скита на первомъ изъ этихъ острововъ [2]).

Въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора хранятся три рукописи, имѣющія отношеніе къ св. Ѳеодосію Углицкому, а именно: 1) выписки изъ Московскаго Архива Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ подъ 1669 годомъ есть показанія Кіевскихъ игуменовъ и въ числѣ

---

[1]) Тамъ же, № 261 стр. 181.

[2]) Тамъ же, № 595 стр. 598—600.

ихъ Выдубицкаго игумена Ѳеодосія Углицкаго, направленныя противъ тогдашняго мѣстоблюстителя Кіевскія митрополіи, Мстиславскаго епископа, Меѳодія Филимоновича [1]); 2) толкованіе св. Григорія Двослова, папы римскаго, на книгу Іова, безъ начала, конца XVII вѣка: въ началѣ книги вплетенъ листъ архимандрита Елецкаго Черниговскаго монастыря, Ѳеодосія Углицкаго, данный 18 мая 1691 года священнику Преображенской церкви въ Стародубѣ Кондрату Липскому о приписке къ его приходу домовъ въ городѣ и на предмѣстьи и двухъ селъ Пантусова и Неколкова [2]); 3) рукописный сборникъ святоотеческихъ твореній въ южнорусскомъ переводѣ, конца XVII вѣка. Къ передней доскѣ его переплета, извнутри, приклеена четвертушка бумаги, на которой, по отклейкѣ, оказалась записка Черниговскаго архіепископа Ѳеодосія, на польскомъ языкѣ, къ пану писарю. Препровождая къ каѳедральному писарю одного *акомита*, т. е. причетника, св. Ѳеодосій извѣщаетъ писаря, что доходъ съ причетника въ пользу писаря находится у него, архіепископа, и проситъ писаря отдать причетнику ставленую грамоту и направить его къ духовнику о. Макарію для исповѣди и полученія исповѣднаго свидѣтельства. Внизу записки—подпись духовника іеромонаха Макарія [3]). Записка эта не имѣетъ даты; но подпись подъ нею «Theod. A. Czer», показываетъ, что она писана тогда, когда св. Ѳеодосій былъ уже Черниговскимъ архіепископомъ (1692—1696 г.г.).

Послѣдніе два документа, относящіеся къ черниговскому періоду жизни святителя, требуютъ нѣкотораго поясненія.

Листъ Стародубовскому спасскому священнику, Кондрату Липскому, отъ 18 мая 1691 года, данъ въ подтвержденіе концесса архіепископа Лазаря Барановича тому же Липскому на помянутый приходъ и прибавки ему, и потому весьма интересенъ для характеристики административныхъ отношеній между архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ и Елецкимъ архимандритомъ Ѳеодосіемъ Углицкимъ, который въ это время сдѣланъ уже былъ оффиціальнымъ помощникомъ Барановича по управленію епархіей. Архіепископъ Лазарь Барановичъ даетъ священнику Липскому только концессъ на приходъ, а Елецкій архимандритъ Ѳеодосій Углицкій подтверждаетъ этотъ концессъ открытымъ

[1]) Рукоп. Кіево-Соф. собора, № 690.
[2]) Тамъ-же, № 23.
[3]) Тамъ-же, № 47.

листомъ или универсаломъ, и, слѣдовательно, придаетъ частному распоряженію правящаго архіепископа оффиціальную форму и опубликовываетъ его во всеобщее свѣдѣніе. Далѣе, по смыслу этого листа, присоединеніе къ Стародубовскому Преображенскому приходу новыхъ дворовъ и двухъ селъ Пантусова и Исколкова сдѣлано по желанію и просьбѣ ктиторовъ и прихожанъ этого прихода. Но въ проектѣ подтвердительной грамоты тому же священнику Липскому на село Пантусовъ, писанномъ по тексту перваго листа или грамоты 1691 года, сказано, что это село присоединяется къ Спасскому приходу священника К. Липскаго въ виду скудости («щуплость») этого прихода, а также въ виду «праци его въ церковной проповѣды, времени своего, слова Божія». Слѣдовательно, немаловажнымъ мотивомъ къ увеличенію прихода священника К. Липскаго была «учительность» сего священника.

Записка Ѳеодосія, архіепископа Черниговскаго, къ пану каѳедральному писарю, посланная съ *акомитомъ* (причетникомъ)—ставленикомъ, отзывается нѣжною заботливостію святителя о причетникахъ и вообще ставленикахъ, чтобы каѳедральный писарь и духовникъ не изводили ставленниковъ канцелярскою волокитою и не брали съ нихъ ничего лишняго противъ того, что полагалось брать со ставленниковъ тогдашними порядками и обычаями. Можетъ быть и должный доходъ для каѳедральнаго писаря не былъ въ дѣйствительности взятъ со ставленика, а имѣлъ быть уплаченъ писарю изъ личныхъ средствъ самого святителя.—Не безынтересна эта записка и по упоминанію въ ней духовника іеромонаха Макарія.

Въ той рукописи, къ переплету которой приклеена была эта записка, между другими статьями, есть южнорусскій переводъ толкованія св. Григорія Двоеслова, папы римскаго, на книгу «Пѣснь Пѣсней»[1]. А толкованіе св. Григорія Двоеслова на эту книгу,—какъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ,—переведено въ 1672 году въ Новгородъ-Сѣверскомъ монастырѣ, по благословенію Черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича іеромонахами Макаріемъ Василевичемъ и Игнатіемъ Поддубнымъ[2]. Имъ же принадлежитъ переводъ «Бесѣдъ и житія преп. Макарія Египетскаго»[3]. Одному Макарію Василевичу принадлежитъ переводъ съ польскаго «Главизнъ преп. Кассіана» и составленіе

---

[1]) Рукоп. Кіево-Соф. библ., № 47, л. 269—333.

[2]) Тамъ-же, № 49.

[3]) Тамъ-же, № 15.

компилятивной книги, подъ заглавіемъ «Книга нарицаемая Путь къ царствію небесному правый и незаблудный, отъ многихъ святыхъ собранная, множае отъ святаго Касіяна и инныхъ святыхъ отецъ богоносныхъ зѣло душеполезна и душеспасенная» [1]). Можетъ быть іеромонахъ Макарій Василевичъ участвовалъ и въ переводѣ толкованія св. Григорія Двоеслова на книгу Іова, къ списку котораго пришитъ, при переплетѣ, листъ св. Ѳеодосія Углицкаго, отъ 18 мая 1691 года, священнику К. Липскому [2]). Сдѣлавшись духовникомъ для ставленниковъ при Черниговскомъ архіепископѣ, іеромонахъ Макарій Василевичъ естественнѣе всего и могъ употреблять архіерейскія бумаги, особенно направляемыя къ нему лично, на переплетъ своихъ переводовъ и компиляцій.

На основаніи этого примѣра можно предполагать, что какъ Лазарь Барановичъ, такъ и излюбленный имъ преемникъ его Ѳеодосій Углицкій старались окружать себя даже и въ административной сферѣ людьми болѣе или менѣе образованными, любящими книжное дѣло.

Н. Петровъ.

2 окт. 1902 г.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. *Сомнѣнія, встрѣчаемыя мѣщанскою управою, при требованіи отдѣльныхъ видовъ на жительство.* Недавно одна изъ мѣщанскихъ управъ кіевской губерніи представила въ губернское правленіе слѣдующій рапортъ:

«Въ бытіи обстоятельствъ существованія міра свободно проживаютъ, въ продолженіи нѣкотораго времени, супруги—мужъ и жена: спустя нѣсколько времени, мужъ, успѣвъ принять въ свои объятія имѣющійся семейный капиталъ, пользуясь случаемъ, захватилъ свои необходимыя вещи и ночью скрылся отъ своей законной жены; достигая станціи ж. д., отправляется куда самъ знаетъ, оставивъ жену съ малолѣтними дѣтьми безъ средствъ пропитанія къ жизни. Жена очутивъ, что мужъ учинивъ бѣгство, при чемъ узнавъ, по слухамъ, предварительное его мѣстопребываніе, потерпѣвшая, желая его разыскать

[1]) Мое „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ", вып. 2, Москва, 1897 г., № 230, стр. 76 и 77.

[2]) Рук. Кіево-Соф. собора, № 23.

и просить возвратиться къ семейству для свойственнаго существованія; въ данномъ случаѣ, такая жена является въ мѣщанскую управу съ просьбой дать ей паспортъ на отлучку для поѣздки по дѣлу розысканія подобнаго мужа; управа проситъ губернское правленіе дать знать: можно ли выдать паспортъ такого рода просительницѣ?»

«А также и съ другой стороны встрѣчается: мужъ по семейнымъ неудовольствіямъ удаляетъ жену изъ дома своего безвозвратно «иди куда хочь», такая жена обращается съ просьбой о выдачѣ паспорта»...

Управа затрудняется, какъ въ подобнаго рода случаяхъ поступать, и проситъ положительныхъ указаній.

Сообщ. **Мёрдеръ**.

Текущія извѣстія.

Постановленіе Конотопскаго земства о чествованіи памяти А. М. Лазаревскаго. 21 сентября текущаго года въ засѣданіи Конотопскаго уѣзднаго земскаго собранія состоялось постановленіе объ увѣковѣченіи памяти покойнаго своего гласнаго, Александра Матвѣевича Лазаревскаго, помѣщеніемъ портрета его въ залѣ земскаго собранія, а также назначеніемъ преміи его имени въ 300 рублей за лучшее сочиненіе по исторіи Малороссіи, которое должно быть написано настолько популярно и такимъ понятнымъ языкомъ, чтобы сдѣлаться книгой интересной и доступной для народа. Докладъ управы по этому вопросу составленъ такъ сердечно, что мы считаемъ долгомъ привести его здѣсь цѣликомъ.

«31-го марта настоящаго года скончался Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій. Родная Украина потеряла сына, который не только до обожанія любилъ свою родину, но и всѣ знанія свои, всю свою эрудицію, весь свой талантъ и свое свободное время посвятилъ на изученіе и описаніе давно минувшихъ дѣлъ земли родной. Въ правдивыхъ и подробныхъ сказаніяхъ событій, нравовъ, обычаевъ, въ приведенныхъ текстахъ писемъ, завѣщаній и распоряженій историкъ явилъ весь образъ родины, запечатлѣлъ весь укладъ и весь строй былой жизни Украины. Александръ Матвѣевичъ собралъ и объединилъ драгоцѣнный матеріялъ для исторіи цѣлой страны, и серьезная научная критика еще при жизни покойнаго историка высоко оцѣнила его труды,

а имя Александра Матвѣевича заняло почетное мѣсто въ ряду знаменитыхъ русскихъ историковъ.

Но покойный любилъ свою родину не только въ ея былой жизни; помыслы и трудъ его были обращены не къ однимъ дѣламъ минувшимъ; много времени и труда Александръ Матвѣевичъ посвятилъ служенію нуждамъ и интересамъ родины въ ея текущей жизни. Въ лучшую годину ея обновленія мы застаемъ Александра Матвѣевича на посту мироваго посредника перваго призыва въ нашемъ уѣздѣ. То было время свѣтлыхъ надеждъ, благихъ порывовъ, горячаго труда лучшихъ сыновъ родины, и Александръ Матвѣевичъ былъ среди нихъ! Когда родинѣ было даровано мѣстное самоуправленіе, Лазаревскій уже со второго трехлѣтія становится гласнымъ Конотопскаго земскаго собранія и до послѣдняго дня своей жизни хранилъ за собою это почетное званіе.

Повторять здѣсь подробно всю дѣятельность Александра Матвѣевича, какъ гласнаго нашего земства, не приходится.

Его работа была среди насъ, въ средѣ нашихъ отцовъ и нашихъ ближайшихъ предшественниковъ. До этого собранія мы ежегодно здѣсь видѣли Александра Матвѣевича и знаемъ, что и до насъ покойный также аккуратно и неизмѣнно каждый годъ, былъ въ собраніи. Мы также хорошо знаемъ, что Александръ Матвѣевичъ былъ непремѣннымъ членомъ каждой коммисіи земскаго собранія, когда нужно было разобрать серьезное дѣло. Мы знали хорошо, что всякій серьезный вопросъ никогда не ускользалъ отъ вниманія старѣйшаго и опытнѣйшаго гласнаго нашего собранія.

Не разъ мы здѣсь слыхали строгую критику, когда появлялись предложенія мало-обоснованныя, и критику рѣзкую, безпощадную, когда выдвигались не земскія, а гасительныя тенденціи. Горячо любя свою родину, покойный Александръ Матвѣевичъ любилъ и чтилъ земство.

Вѣрилъ глубоко покойный, что широкое образованіе и развитіе земскаго самоуправленія, двѣ великія основы грядущей силы, счастья и блага обожаемой родины. Эта вѣра дѣлала его всегда сторонникомъ всѣхъ мѣропріятій, клонящихся къ распространенію свѣта и знанія, и поборникомъ всѣхъ началъ развитія и жизнедѣятельности мѣстнаго самоуправленія. Теперь его нѣтъ среди насъ, и онъ ушелъ отъ насъ навсегда!

Когда умираетъ человѣкъ, его семья, родные и близкіе, чтя память покойнаго, стараются возможно чаще вспоминать его образъ, хранятъ его завѣты и берегутъ душу оставившую уже тѣло.

Когда смерть уноситъ общественнаго дѣятеля, его сотрудники и общество, среди котораго и для котораго онъ работалъ, не должны и не могутъ предать забвенію мысли, дѣла и образъ умершаго!

Въ память покойнаго историка своей родины и дѣятеля Конотопскаго земства, Александра Матвѣевича Лазаревскаго, Конотопское земское собраніе по мнѣнію управы, могло бы ассигновать премію за лучшее сочиненіе по исторіи Малороссіи, которое должно быть написано настолько популярно и такимъ понятнымъ языкомъ, чтобы сдѣлаться книгой интересной и доступной для народа.

Компетентнымъ судьею къ присужденію этой преміи можетъ быть Кіевское историческое общество Нестора Лѣтописца, въ распоряженіе коего и должна будетъ поступить сумма для преміи, ассигнованная земскимъ собраніемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было бы и крайне желательно, чтобы земское собраніе ассигновало также особыя средства на заказъ портрета покойнаго Александра Матвѣевича, каковой портретъ долженъ быть помѣщенъ въ залѣ земскаго собранія или управы.

Образы былыхъ и ушедшихъ дѣятелей говорятъ многое своимъ преемникамъ!».

Постановленіе Зеньковскаго земскаго собранія о поступленіи Зеньковскаго земства въ члены Петербургскаго общества имени Т. Г. Шевченка. Зеньковская уѣздная земская управа внесла въ уѣздное земское собраніе докладъ о томъ, что «Правленіе общества имени Т. Г. Шевченка для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, обратилось въ земскую управу съ просьбой помочь обществу въ достиженіи его цѣли, при чемъ препроводило и утвержденный уставъ. По уставу общество оказываетъ матеріальную помощь всѣмъ учащимся съ юга Россіи безъ различія вѣроисповѣданій и происхожденія, принимая во вниманіе только степень нужды, а также прилежаніе и хорошее поведеніе (§ 2). По подсчету общества число южанъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не менѣе 1000 человѣкъ. До послѣдняго

времени правленіе оказывало помощь главнымъ образомъ взносомъ платы за право слушанія лекцій, рѣже выдачею средствъ на учебныя пособія и еще рѣже на жизнь молодежи, т. е. на пищу и квартиру.— Согласно § 8 устава дѣйствительными членами состоятъ лица или общества, вносящія въ кассу общества ежегодно не менѣе 5 руб. или внесшія единовременно 50 руб.»

«По мнѣнію земской управы слѣдовало бы Зеньковскому земству вступить въ члены этого общества въ уваженіе къ заслугамъ Т. Г. Шевченка, какъ дѣйствительно настоящаго народнаго типичнаго поэта въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова: Т. Г. Шевченко вышелъ изъ народа, жилъ съ народомъ и не только мыслью, но и обстоятельствами жизни былъ съ нимъ крѣпко и кровно связанъ и какъ поэтъ Тарасъ Григорьевичъ до сихъ поръ остается во главѣ малороссійской литературы».

«Если земскому собранію благоугодно раздѣлить взглядъ управы, то необходимо, согласно упомянутому § 8, опредѣлить размѣръ членскаго взноса, каковой, по мнѣнію управы, долженъ быть внесенъ единовременно въ суммѣ 50 рублей».

Докладъ этотъ принятъ земскимъ собраніемъ единогласно.

Къ положенію дѣлъ въ Галиціи. Въ прошлой книжкѣ нашего журнала мы посвятили нѣсколько страницъ изображенію польско-русскихъ отношеній, возникшихъ на почвѣ національной и соціально-экономической борьбы между названными двумя народностями. Съ каждымъ днемъ борба эта усиливается, разростается и обостряется съ обѣихъ сторонъ. Мы цитировали нѣкоторыя изъ статей органа польскихъ гакатистовъ, «Czas'a», призывающаго поляковъ къ дѣлу самозащиты и намѣчающаго программу дѣятельности въ этомъ направленіи, и отмѣчали главнѣйшій пуктъ рекомендуемой программы— колонизацію восточной Галичины поляками, путемъ строгаго проведенія принципа, чтобы земля польскихъ владѣльцевъ переходила только въ руки поляковъ, для чего необходимо создать особое колонизаціонное бюро. По поводу этого пункта программы польской гакаты высказался довольно сдержано, но авторитетно, петербургскій «Kraj». «Такая постановка вопроса говоритъ «Kraj»—перестаетъ уже быть спеціально галицкой, потому что затрогиваетъ принципы взаимныхъ отношеній въ странахъ съ разноплеменымъ населеніемъ. Съ этой именно

точки зрѣнія мы и желаемъ высказать свое мнѣніе по поводу этой статьи».

«Несмотря на всѣ оговорки, слѣланныя авторомъ, мы должны признать, что указанная имъ программа дѣйствій весьма близко подходитъ къ тѣмъ теоріямъ, провозглашеніе которыхъ въ Берлинѣ мы выслушали съ возмущеніемъ и которыя мы приводили затѣмъ съ сарказмомъ. Въ обѣихъ программахъ нѣтъ, конечно, единства относительно существа и способа дѣйствія, но есть несомнѣнное родство идеи и духа. И въ Германіи говорилось о «защитѣ» земли, населенной поляками, но покоренной нѣмецкой культурой; оттуда также заимствовано опредѣленіе «состояніе владѣнія» (Besitzstand). Допустимъ, что въ прусской или австрійской Силезіи было бы основано учрежденіе, имѣющее задачей приглашать съ запада колонистовъ-нѣмцевъ для заселенія пространствъ, и нынѣ находящихся въ нѣмецкихъ рукахъ, и вытѣснять польскихъ служащихъ изъ нѣмецкихъ усадебъ. Признавали-ли бы мы дѣятельность этого учрежденія безобидной и лишенной агрессивнаго стремленія по отношенію къ нашему «состоянію владѣнія»? Считали-ли бы мы справедливымъ воспрещеніе продажи нѣмецкихъ имѣній полякамъ? Если бы сегодня или завтра внесенъ былъ въ берлинскій парламентъ проектъ такого запрещенія, то онъ былъ бы поддерживаемъ тоже указаніемъ на необходимость защиты «состоянія владѣнія», при чемъ протесты польскихъ депутатовъ были бы съ успѣхомъ парированы выдержками изъ «Czas'a» по русинскому вопросу».

«Мы говоримъ это, продолжаетъ «Kraj»,—не для сантиментальничанія съ русинами, а во имя послѣдовательности нашихъ собственныхъ политическихъ принциповъ. Намъ, менѣе чѣмъ кому бы то ни было, пристойно учиться отъ пруссаковъ политической лжи. На вопросъ—какое политическое положеніе мы должны занять по отношенію къ русинамъ?—возможенъ только одинъ отвѣтъ: такое, какое мы желаемъ видѣть въ Пруссіи по отношенію къ полякамъ. Если тамъ мы имѣемъ право требовать отъ государства не только равноправности и сохранія нашихъ національныхъ отличій, но и поддержки для нашей національной культуры, то и русины имѣютъ право домогаться того же отъ Австріи. Когда домогательство это переступаетъ легальныя формы, вызываетъ скандалы и выражается въ отуманиваніи, сообща съ соціалистами, сельскаго населенія, мы имѣемъ право стать въ защиту

легальности, порядка и общественной безопасности. Но при выборѣ средствъ для этой защиты мы должны быть весьма разборчивы. Нельзя намъ допускать къ себѣ національстической заразы, нельзя выступать враждебно въ общественно-національныхъ отношеніяхъ».

Органъ украинцевъ «Діло» (№ 209) въ передовой статьѣ подъ заглавіемъ «Котюзі по заслузі», признаетъ приведенную критику со стороны «Kraj'a» политики галицко-польскаго шляхетства, констатирующую въ ней всѣ признаки гакатизма, цѣннымъ документомъ въ исторіи польско-русинскихъ отношеній. «Ударъ, постигшій «Czas» и польскихъ гакатистовъ со стороны «Kraj'a»—говоритъ «Діло»—долженъ быть для нихъ тѣмъ чувствительнѣе, что нанесенъ самими земляками изъ своего же лагеря».

Дѣломъ борьбы русиновъ съ польской гакатой руководятъ организованные съ этой цѣлью народные комитеты, двухъ видовъ: «тіснійший» и «ширший».12 октября состоялось засѣданіе «ширшого народного комітету» во Львовѣ, продолжавшееся отъ 10 час. утра до 10 час. вечера. Въ засѣданіи названнаго комитета, кромѣ членовъ его, принимали участіе 12 парламентскихъ и сеймовыхъ пословъ и много выдающихся народныхъ дѣятелей изъ провинціи. Предметомъ обсужденія въ засѣданіи комитета было два вопроса: о страйкѣ и о тактикѣ въ сеймѣ и парламентѣ. По заслушаніи отчета «тіснійшого комитету» и по одобреніи его дѣятельности, «ширший комитетъ» принялъ слѣдующую резолюцію: «поддерживать и организовывать страйки и въ будущемъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это окажется необходимымъ, одновременно съ этимъ образовать спеціальный фондъ для оказанія помощи крестьянамъ, потерпѣвшимъ вслѣдствіе страйка». Относительно тактики въ сеймѣ и парламентѣ резолюціи комитета были такія: 1) относительно сейма: «въ виду того, что нынѣшній составъ галицкаго сейма является для украинскаго народа вреднымъ, а вся политика польскаго большинства этого сейма направлена противъ интересовъ украинскаго народа, народный комитетъ приглашаетъ пословъ партіи вести себя соотвѣтственно этому въ сеймѣ и держаться противъ польскаго большинства и его дѣятельности сеймовой самой рѣшительной оппозиціи»; 2) относительно парламента: «въ виду того, что центральное правительство является отвѣтственнымъ за все, что дѣлается въ краѣ, а народъ украинскій въ Галичинѣ, насильственно лишенный вліянія на администрацію и представителей группъ, при господствующей въ краѣ системѣ, долженъ вести борьбу за сохраненіе своего національ-

наго организма. Народный комитетъ признаетъ необходимымъ, чтобы послы народной партіи вели также и въ парламентѣ противъ нынѣшняго правительства оппозиціонную политику, въ особенности же голосовали противъ такъ называемыхъ неотложныхъ государственныхъ нуждъ и поддерживали всѣ самыя рѣшительныя средства парламентской борьбы». («Діло» № 210 и 211).

Польскій центральный комитетъ, въ свою очередь, созвалъ 12 октября собраніе представителей польскаго народа въ Галиціи, въ составъ котораго вошли: помѣщики, администраторы, профессора и люди другихъ профессій для совѣщанія относительно современнаго положенія дѣлъ въ краѣ и упроченія національной организаніи. Засѣданіе комитета, на которомъ было 300 приглашенныхъ, происходило подъ предсѣдательствомъ гр. Дзѣдушицкаго; оно было не вполнѣ публичнымъ, и потому многое изъ того, что въ немъ происходило, остается тайной. Особеннымъ предметомъ обсужденія была прежде всего дѣятельность центральнаго комитета, одной изъ главныхъ функцій котораго было раньше пресловутое «руководство» выборами въ парламентъ; въ настоящее же время постановлено, чтобы комитетъ функціонировалъ постоянно. Затѣмъ, до послѣдняго времени центральный комитетъ былъ консервативно-аристократическимъ учрежденіемъ, теперь же онъ будетъ объединять всѣ партіи, подъ условіемъ солидарнаго ихъ дѣйствія въ парламентѣ съ польскимъ клубомъ. Резолюціи, принятыя собраніемъ, формулированы слѣдующимъ образомъ:

«Принявъ въ соображеніе, что польскій народъ въ своей нынѣшней долѣ можетъ идти впередъ и обезпечить себѣ лучшее будущее лишь при усиленіи своей національной самобытности, просвѣщенія и благосостоянія;

«принявъ во мниманіе, что враги-агитаторы стараются въ нашемъ краѣ возбудить братоубійственную войну между русинами и поляками и тѣмъ самымъ разбить вѣковое и освященное исторіей согласіе обоихъ народовъ;

«принявъ въ соображеніе, что народной идеѣ грозитъ другая опасность со стороны агитаторовъ, говорящихъ, правда, по-польски, однако пытающихся замѣнить любовь къ отчизнѣ классовой войной и ненавистью;

„принявъ во вниманіе, что только укрѣпленіе общественной гармоніи и взаимнаго довѣрія земляковъ можетъ также и на будущее

время обезпечить народный характеръ сейма и солидарное представительство края польскимъ клубомъ въ Вѣнѣ:

«признавъ, что только борьба съ нуждой и темнотой среди народа можетъ уничтожить источникъ внутреннихъ страстей:

1) собраніе обращается къ патріотизму всѣхъ общественныхъ слоевъ и всѣхъ національныхъ партій, призываетъ ихъ къ единенію въ общемъ гражданскомъ трудѣ, въ цѣляхъ умноженія своей силы въ краѣ, равно какъ улучшенія общественныхъ и экономическихъ отношеній:

2) собраніе считаетъ необходимымъ, чтобы общество энергично поддержало начинаніе центральнаго комитета, имѣющее въ виду усиленіе и развитіе постоянной организаціи, опирающейся на постановленіяхъ польскаго клуба;

3) собраніе выражаетъ убѣжденіе, что для поддержанія этой дѣятельности центральнаго комитета общество обязано: будить народное сознаніе, распространять просвѣщеніе, чтить традиціи и распространять изученіе исторіи отчизны, бороться съ агитаціей, разрушающей въ народѣ вѣру, стремящейся къ возбужденію національныхъ страстей, будить въ народѣ уваженіе къ праву и чувство обязанности, защищать его, гдѣ нужно, отъ несправедливости и злоупотребленій, охранять здоровое развитіе сельскихъ и городскихъ интересовъ, создать учрежденія для поднятія въ краѣ нравственности, просвѣщенія и благополучія» («Спб. В.», № 274).

Къ числу реальныхъ фактовъ, возникшихъ на почвѣ борьбы двухъ народностей, нужно, наконецъ, еще отмѣтить состоявшееся недавно учредительное собраніе національнаго банка, основаннаго съ суммой въ два милліона кронъ съ цѣлью содѣйствія эмиграціи поляковъ въ восточную Галицію. Народный комитетъ русинскій съ своей стороны обращается къ своему обществу съ частыми и горячими воззваніями о необходимости фондовъ на агитацію и напоминаетъ о существованіи «Народнаго фонда».

Дѣятельность комитетовъ борющихся народностей особенно стала интенсивной въ послѣднее время въ виду приближенія парламентской сессіи. Но въ Австрійской державѣ такъ усложнились и запутались свои домашнія дѣла, что правительство, какъ извѣстно читателямъ изъ газетныхъ сообщеній, долго затруднялось объявить о времени открытія парламентскихъ засѣданій. Наконецъ, день открытія парламентской сессіи былъ опредѣленъ. Наканунѣ этого дня, 15 октября

по н. ст., органъ украинской партіи «Діло» въ передовой статьѣ «Передъ парламентомъ» (№ 221), ставя вопросъ: чего ждетъ украинскій народъ отъ своихъ пословъ? Какой политики требуетъ отъ своихъ представителей въ парламентѣ?—говоритъ: «Другіе народы счастливѣе насъ: они могутъ смѣло требовать отъ своихъ парламентскихъ представителей непосредственныхъ реальныхъ успѣховъ. Эти народы, численно хорошо представленные, могутъ вести такъ называемую «реальную политику», могутъ быть увѣрены, что при всякомъ положеніи дѣлъ въ парламентѣ скажутся слѣды ихъ вліянія, что законы, принятые парламентомъ, будутъ отвѣчать ихъ потребностямъ. Возможна-ли такая политика для насъ? Ни въ какомъ случаѣ! Наши противники (поляки) всегда постараются, съ помощью находящейся въ ихъ рукахъ администраціи, о томъ, чтобы голосъ русинскаго народа въ парламентѣ, при попыткахъ добиться осуществленія нашихъ постулатовъ и разслѣдованія нашихъ жалобъ, пропалъ, какъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ», потому что, „что можетъ сдѣлать эта горсточка независимыхъ украинскихъ пословъ и кто вынужденъ съ нею считаться на томъ торжищѣ голосовъ и аренѣ противоположныхъ стремленій, гдѣ въ добавокъ наши противники, сильные преимуществомъ своихъ, насильственнымъ способомъ пріобрѣтенныхъ, голосовъ, умѣютъ стать намъ на дорогѣ?“ А если такъ, то „наша парламентская политика,—продолжаетъ газета,—должна быть политикой демонстраціи, политикой безпрестанныхъ и громкихъ протестовъ противъ того, что дѣлается въ Галиціи“. Протестующій голосъ пословъ „оплатится сторицею, потому что откликнется широкимъ и громкимъ эхомъ среди угнетеннаго народа и дастъ свидѣтельство правдѣ далеко за предѣлами края». Другой мандатъ депутатамъ украинскаго народа заключается въ томъ, чтобы депутаты противились всѣмъ государственнымъ административнымъ мѣропріятіямъ, на которыя опирается нынѣшняя система. Третье пожеланіе—самая рѣшительная оппозиція правительству Кербера, такъ какъ оно отвѣчаетъ за своихъ представителей въ Галиціи. „Такому государству ни одного рекрута, ни одной копѣйки“.

Когда послѣдовало объявленіе объ открытіи парламентской сессіи, галицкія власти, очевидно, съ цѣлью предупрежденія запросовъ въ парламентѣ, поспѣшили выпустить болѣе сотни крестьянъ, находившихся въ предварительномъ заключеніи. Эта мѣра не могла не только предупредить, но даже въ незначительной степени ослабить запросовъ въ

парламентѣ со стороны депутатовъ, такъ какъ послѣ стачки, болѣе четырехъ сотъ русинскихъ крестьянъ приговорены были въ общей сложности болѣе чѣмъ къ тысячѣ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія. И дѣйствительно, едва только открылся парламентъ, какъ тотчасъ послѣдовалъ многочисленный рядъ запросовъ и неотложныхъ предложеній, касающихся волненій въ Галиціи со стороны депутатовъ не только русскихъ, но и польскихъ. Между прочимъ Дашинскій, депутатъ польской соціалистической партіи, указалъ въ своемъ предложеніи на то, что истекшимъ лѣтомъ произошли въ Галиціи, въ 500 общинахъ 24 повѣтовъ земледѣльческія стачки. Причиной ихъ были: низкая заработная плата, эксплоатація рабочихъ и плохое съ ними обращеніе. Подписавшіе предложеніе Дашинскаго требуютъ собранія спеціальной комиссіи изъ 25 членовъ—депутатовъ парламента для изслѣдованія на мѣстѣ причинъ и послѣдствій аграрнаго настроенія, изученія отношеній, опроса свидѣтелей и въ концѣ-концовъ (для представленія парламенту) конкретныхъ предложеній, направленныхъ къ улучшенію доли рабочихъ-земледѣльцевъ.

Романчукъ, предсѣдатель клуба русинскихъ депутатовъ, потребовалъ: 1) точнаго разслѣдованія правительствомъ поведенія властей и причинъ стачекъ; 2) созванія спеціальной комиссіи для упорядоченія земледѣльческаго вопроса; 3) выбора парламентской комиссіи для разслѣдованія поведенія властей и 4) привлеченія этихъ властей къ отвѣтственности.

Наконецъ со стороны польскаго депутата („дикаго“) послѣдовали требованія: 1) пересмотра всѣхъ уголовныхъ процессовъ, возбужденныхъ противъ крестьянъ восточной Галиціи, участвовавшихъ въ стачкахъ; возмѣщенія убытковъ всѣмъ невинно-арестованнымъ; 3) дисциплинарнаго слѣдствія противъ политическихъ и военныхъ властей и ихъ органовъ и 4) созванія комиссіи для упорядоченія вопроса о парцелляціи распродаваемыхъ помѣщичьихъ усадебъ въ Галиціи.

Между тѣмъ газеты приносятъ свѣдѣнія о новыхъ стачкахъ—картофельныхъ. По сообщенію газеты „Діло“ въ перемышльскомъ у., въ с. Болестрашичахъ, крестьяне устроили стачку при выборкѣ картофеля.

Съѣздъ славистовъ въ С.-Петербургѣ. По словамъ «Кіевлянина» (№ 289) отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи

Наукъ предполагаетъ созвать въ С.-Петербургѣ въ сентябрѣ 1903 года всеславянскій съѣздъ спеціалистовъ по славянской филологіи.

«Мысль о созывѣ такого съѣзда возникла во время археологическаго съѣзда въ Кіевѣ въ 1899 году. Въ одномъ изъ частныхъ собраній членовъ славянскаго отдѣленія обсуждался вопросъ о желательности установленія болѣе тѣснаго общенія между славянскими учеными и о необходимости изданія общими силами нѣкоторыхъ систематическихъ трудовъ по славяновѣдѣнію, долженствующихъ облегчить болѣе широкое и успѣшное изученіе славянства. Тогда собраніе пришло къ заключенію, что достиженію указанныхъ цѣлей лучше всего могутъ содѣйствовать періодическіе съѣзды славистовъ, и постановило созвать первый такой съѣздъ въ Прагѣ въ 1901 г. Въ этомъ направленіи были уже предприняты хлопоты чешскими учеными, но дѣло не устроилось за отказомъ въ подлежащемъ разрѣшеніи съ стороны центральнаго вѣнскаго правительства. Теперь возникла мысль о созваніи съѣзда славистовъ въ С.-Петербургѣ при Академіи Наукъ.

Въ концѣ минувшаго сентября въ засѣданіи отдѣленія русскаго языка и словесности была заслушана докладная записка по этому вопросу, составленная проф. Флоринскимъ, и уже состоялось постановленіе отдѣленія объ устройствѣ въ С.-Петербургѣ при Академіи въ сентябрѣ 1903 года съѣзда славистовъ. Если это постановленіе отдѣленія русскаго языка и словесности получитъ надлежащее одобреніе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, то предположено уже во время нынѣшнихъ рождественскихъ каникулъ созвать при Академіи предварительный комитетъ изъ представителей славянскихъ каѳедръ русскихъ университетовъ для выработки положенія и программы занятій будущаго съѣзда. Съѣздъ будетъ имѣть дѣло съ весьма разнообразными и сложными задачами. Помимо живого обмѣна славянскихъ ученыхъ мнѣніями по многимъ важнѣйшимъ, труднымъ и спорнымъ вопросамъ славянской филологіи, имѣется въ виду выработать рядъ проектовъ по составленію и изданію систематическихъ трудовъ по славяновѣдѣнію, какъ-то: научной библіографіи по славистикѣ, энциклопедіи славянской филологіи, подробной этнографической и лингвистической картъ славянскаго племени, правилъ и программъ для собиранія и записыванія образцовъ народныхъ говоровъ и т. п. Сверхъ того имѣется въ виду всесторонне обсудить вопросъ о наилучшей постановкѣ преподаванія славяновѣдѣнія въ русскихъ университетахъ, объ органи-

заціи славянскихъ семинарій, библіотекъ и музеевъ, объ изданіи пособій для занятій славистиской и проч.

Къ участію въ трудахъ съѣзда предполагается пригласить всѣхъ славянскихъ и неславянскихъ ученыхъ, занимающихся изученіемъ тѣхъ или другихъ отдѣловъ славянской филологіи, понимаемой въ широкомъ смыслѣ».

Матеріалы А. А. Скальковскаго. Послѣ скончавшагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Одессѣ извѣстнаго историка Новороссійскаго края А. А. Скальковскаго осталось,—по словамъ «Од. Нов.»,—много неопубликованныхъ матеріаловъ, касающихся жизни Одессы въ періодъ 30 и 50 годовъ. Кромѣ того, покойный почти до послѣднихъ дней своей жизни велъ дневникъ, въ которомъ, какъ передаютъ, есть много новаго и интереснаго о пребываніи въ Одессѣ Пушкина, Гоголя и др. замѣчательныхъ писателей. Дневникъ характеризуетъ умственную жизнь Одессы за указанный періодъ и, вообще, представляетъ интересъ. Въ настоящее время наслѣдниками покойнаго предпринимается изданіе всѣхъ обширныхъ матеріаловъ и дневника, оставленныхъ первымъ историкомъ Одессы («Южн. Кр.», 7510).

Лекціи по украинской этнографіи и обычному праву въ высшей русской школѣ въ Парижѣ. Извѣстный ученый, бывшій профессоръ московскаго университета, М. М. Ковалевскій сдѣлалъ недавно сообщеніе въ засѣданіи высшей русской школы въ Парижѣ о работахъ харьковскаго губернскаго статистическаго комитета по этнографіи и обычному праву, а также объ изслѣдованіи секретаремъ этого комитета В. В. Ивановымъ малорусской деревни. Находя эти работы цѣннымъ вкладомъ въ науку, М. М. Ковалевскій предложилъ пригласить В. В. Иванова прочесть нѣсколько лекцій въ высшей русской школѣ. Это предложеніе было принято, и В. В. Ивановъ получилъ приглашеніе пріѣхать въ Парижъ и прочесть для студентовъ высшей русской школы нѣсколько лекцій. («Южн. Кр.», 7522).

Къ столѣтнему юбилею Харьковскаго университета. Харьковскій университетъ 17 января 1905 года будетъ праздновать столѣтній юбилей и къ этому времени разсчитываетъ издать свою исто-

рію, біографическій словарь всѣхъ преподавателей и исторію каѳедръ въ связи съ исторіей ученыхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

Въ виду этого совѣтъ университета обращается съ покорнѣйшею просьбою ко всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, въ распоряженіи коихъ имѣются матеріалы для проектируемыхъ имъ изданій, мемуары, письма, рукописныя сочиненія, университетскіе курсы, формулярные списки, портреты дѣятелей—присылать ихъ въ университетъ на имя г-на ректора. Всѣ такіе документы могутъ быть возвращены по минованіи въ нихъ надобности, обратно или, съ согласія владѣльцевъ, переданы на храненіе въ харьковскій историческій архивъ, гдѣ имѣется уже особый отдѣлъ бумагъ университетскихъ дѣятелей. Было бы чрезвычайно важно также, чтобы профессора и бывшіе студенты составили ad hoc хотя краткія воспоминанія о времени пребыванія своего въ харьковскомъ университетѣ; такого рода источниковъ очень мало, а между тѣмъ они являются необходимымъ дополненіемъ къ оффиціальнымъ актамъ. Формою изложенія просятъ не стѣсняться. Желательно, наконецъ, было бы собрать свѣдѣнія о дѣятельности питомцевъ харьковскаго университета послѣ окончанія ими курса; въ особенности просятъ присылать данныя о такихъ лицахъ, которыя оказали заслуги на какомъ-либо поприщѣ—педагогическомъ, ученомъ, служебномъ и т. под. («Харьк. В.», № 259).

Народная пѣсня и ея гонители. Въ «Харьк. Губ. Вѣд.» (№ 259) г. Л. С. сообщаетъ нѣсколько интересныхъ данныхъ, служащихъ отвѣтомъ на вопросъ: исчезаетъ ли украинская народная пѣсня въ пригородныхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе имѣетъ постоянное сношеніе съ городомъ и гдѣ развита фабричная и заводская промышленность? Не вытѣснили ли ее фабричныя пѣсни и городскіе романсы? На основаніи личныхъ наблюденій надъ бытомъ и нравами фабричной молодежи въ окрестностяхъ Харькова, г. Л. С. утверждаетъ, что украинская пѣсня положительно «царитъ среди этихъ заводскихъ трубъ, клубовъ чернаго дыма, и рѣзкихъ свистковъ». Воспользовавшись знакомствомъ съ одной очень музыкальной семьей, состоящей изъ трехъ братьевъ и нѣсколькихъ сестеръ, г. Л. С. обратился къ нимъ за интересующими его свѣдѣніями по поводу пѣсни въ народѣ. «Отнесясь съ полнымъ вниманіемъ и даже заинтересовавшись моими вопросами относительно народныхъ пѣсенъ и вытѣсненія ихъ специфическимъ

городскимъ творчествомъ, они, говоритъ Л. С., не только охотно подѣлились со мной въ личной бесѣдѣ тѣмъ, что знали сами, но еще и записали всѣ пѣсни, русскія и малороссійскія, которыя поются въ окрестностяхъ нашего города. По ихъ словамъ и какъ то видно изъ составленнаго ими сборника, преобладающее мѣсто въ пѣніи хоромъ и въ одиночку занимаютъ малороссійскія пѣсни, и притомъ въ совершенно чистомъ, неиспорченномъ видѣ». Интереснымъ является фактъ, что у нихъ есть и теперь хранители народныхъ пѣсенъ, по указанію которыхъ они и возстановляютъ вѣрность текста и мотивовъ. Объ одномъ изъ такихъ хранителей народныхъ пѣсенъ, живущемъ въ с. Песочинѣ, возлѣ ст. Рыжовъ, собесѣдники Л. С. разсказывали, что невозможно перечислить всѣхъ народныхъ пѣсенъ, которыя онъ знаетъ, при чемъ на каждый мотивъ онъ знаетъ по нѣсколько варіантовъ текста. Разсказываютъ, что онъ былъ какъ то въ театрѣ (должно быть, въ оперѣ) и потомъ пѣлъ у себя въ деревнѣ все, что тамъ слышалъ. Въ заключеніе своей замѣтки г. Л. С. выражаетъ глубокую увѣренность въ томъ, что ни громадный городъ съ его клокочущей жизнью, ни фабрики и заводы, создающіе какъ бы особый классъ рабочихъ, не въ силахъ задавить, уничтожить могучей и свободной въ своихъ звукахъ, завѣщанной стариною, народной пѣсни.

Раздѣляя увѣренность г. Л. С. мы, однако-же, не можетъ не отмѣтить факта совершенно непонятнаго враждебнаго отношенія къ народной пѣснѣ и запрета, подъ который она подпала въ нашихъ деревняхъ. По поводу этого страннаго запрета г. Независимый («Бирж. Вѣд.», № 250) въ замѣткѣ «Запрещенная поэзія» говоритъ: «въ потребности спѣть хоромъ нѣсколько пѣсенъ, на которыхъ воспитались искони вѣковъ въ Малороссіи безчисленныя поколѣнія, есть что-то непреодолимое, почти мистическое. Это голосъ природы. Это то, безъ чего человѣкъ не чувствуетъ себя человѣкомъ». Между тѣмъ гонители народной пѣсни «не хотятъ понять, что, преслѣдуя пѣсню, они разрушаютъ въ извѣстной мѣрѣ народную жизнь и подрываютъ одну изъ основъ народнаго міросозерцанія, обрекая народную душу на смрадъ пошлости и одиночества». «Южн. Край» (№ 7497), перепечатавъ замѣтку г. Независимаго, спрашиваетъ: въ самомъ ли дѣлѣ существуетъ такое запрещеніе, или оно только результатъ усердія не по разуму блюстителей деревенскаго порядка? Насколько намъ извѣстно, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по департаменту полиціи 23 окт. 1879 г.

за № 105 (см. «Сборникъ циркуляровъ и инструкцій минист. внутреннихъ дѣлъ за 1879 г., стр. 277) былъ изданъ циркуляръ, въ силу котораго полицейскія сельскія власти не имѣютъ права запрещать народныя пѣсни и игры въ деревняхъ.

Пожертвованіе на изданія для народа. Въ память сорокалѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости служащими въ полтавской губернской земской управѣ образованъ путемъ отчисленій извѣстнаго процента изъ жалованья капиталъ въ 335 руб. Въ настоящее время этотъ капиталъ переданъ петербургскому Обществу распространенія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ, издаваемыхъ на малорусскомъ языкѣ. («Рус. Вѣд.», № 285).

Волынскіе крестьяне въ С. Америкѣ. На страницахъ газ. «Волынь» (№ 216) священникъ А. Немоловскій помѣстилъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ небольшую замѣтку въ которой разсказываетъ о своей встрѣчѣ на пароходѣ съ галичанами и угро-руссами, а затѣмъ—въ самой Америкѣ съ волынцами и даетъ нѣсколько интересныхъ штриховъ для характеристики ихъ быта.

«На пароходѣ «Friedrich der grosse» во время 12 дневнаго путешествія изъ Бремена въ Нью-Іоркъ, пришлось мнѣ, говоритъ г. Немоловскій, познакомиться съ переселенцами изъ Австріи—галичанами и угро-руссами, которыхъ голодъ и притѣсненія правительства заставили искать другой родины въ с. Америкѣ. Въ большинствѣ случаевъ это были мужчины, но попадались женщины и даже съ грудными дѣтьми. Всѣ они, своей истрепанной, грязной одеждой и блѣдными съ ввалившимися глазами лицами, производили тяжелое впечатлѣніе. И эти несчастные шутили и смѣялись, окрыленные надеждой заработать 2—3 руб. въ день въ вольной Америкѣ, при упоминаніи о которой глаза ихъ загорались лихорадочнымъ блескомъ.

Утромъ на 12 день показались берега Новаго Свѣта. Переселенцы затянули какую-то пѣсню. Словъ ея нельзя было разобрать, но своимъ напѣвомъ она производила сильное впечатлѣніе. Казалось, что въ ней слились въ одно и тоска по оставленной родинѣ, и страхъ предъ невѣдомой страной, и надежда на лучшее будущее»...

Затѣмъ о. Немоловскому пришлось встрѣтиться съ нѣкоторыми изъ попутчиковъ, какъ съ своими прихожанами. Мужчины оказались

въ пиджакахъ, гутаперчевыхъ воротникахъ съ галстуками, а женщины въ шляпкахъ. «Зовсимъ панами поробылись», наивно объясняли они своему батюшкѣ. Такое превращеніе покупается цѣною почти 10 часовой ежедневной работы въ разныхъ фабрикахъ. Они сами сознавались, что здѣсь «дуже тяжка работа», но что заработавъ денегъ, вернутся назадъ.

«Вотъ что значитъ предпріимчивые люди, думалось мнѣ, говоритъ о. Немоловскій, а нашъ волынскій мужичекъ не додумается до этого». Но къ своему глубокому удивленію разсказчикъ въ числѣ своихъ прихожанъ въ Филадельфіи нашелъ болѣе 60 крестьянъ исключительно заславльскаго уѣзда. Вотъ что о нихъ разсказываетъ о. Немоловскій.

«Они тоже «подѣлались панами», но... Боже мой, въ какомъ видѣ! Вездѣ грязь и грязь... Пришелъ къ нимъ на квартиру: въ двухъ комнатахъ помѣщается чуть ли не по 20 человѣкъ. Грязь такая, что ступить страшно. По серединѣ комнаты небольшой столикъ и лавки, служащія для нѣкоторыхъ постелью (спятъ, не раздѣваясь). Спросилъ: «А кто вамъ обѣдъ готовитъ?»—«Сами. Купимъ мяса, капусты, уксусу, да и сготовимъ борщъ. Иногда колбасы и ветчины купимъ». Переселенцы изъ Австріи нанимаютъ квартиру и столъ за 3 долл. (6 р.) въ недѣлю, а волынцамъ по 2 долл. выходитъ. На русскія деньги—на 2 руб. меньше, а за то сколько они истратятъ на разныя закуски да пропьютъ,—одному Богу вѣдомо. А что они усердные поклонники Бахуса, видно каждому. «Ваши земляки, говорятъ мнѣ прихожане, какъ придутъ съ работы, всегда напьются. А водка у нихъ хорошая, крѣпкая»!

И къ сожалѣнію, пришлось нѣсколько разъ удостовѣриться въ справедливости ихъ словъ. Въ первыхъ числахъ августа с. г. одинъ изъ земляковъ умеръ отъ поврежденій, полученныхъ на желѣзной фабрикѣ Бальдвина. Трогательно было слышать, что товарищи заработанныя имъ деньги (около 200 руб.) рѣшили отослать на Волынь—сиротамъ, а сами сложили около 150 р. на погребеніе. (Въ Америкѣ эта сумма minimum платы въ похор. бюро). Но доброе настроеніе разсѣялось, когда я, прибывъ въ домъ для совершенія панихиды, увидѣлъ всѣхъ печалующихся поголовно пьяными.

Почти всегда приходится мнѣ и въ церкви съ сердечной болью слушать отъ церк. старосты: «Ваши земляки пьяны». Что дѣлать? Толковать имъ о вредѣ пьянства?!—Да вѣдь они и сами это прекрасно знаютъ! со скорбью замѣчаетъ батюшка. «Въ Америкѣ нельзя

жить, чтобы не пить», объясняются они. «Цѣлый день какъ въ пеклѣ трудишься, нужно хоть бы вечеромъ себѣ удовольствіе сдѣлать. Иначе тоска, повѣсься».—Гдѣ найти лѣкарство противъ этого? Силой пастырскаго внушенія дѣйствовать?! спрашиваетъ священникъ.

Выслушаютъ проповѣдь, подѣлятся со мною впечатлѣніями: «Правду батюшка говорятъ, только въ Америкѣ безъ выпивки нельзя. Тоска безъ этого!.. Домой мы кое что посылаемъ».

Труппа галицкихъ артистовъ подъ управленіемъ М. Губчака.—Въ Каменецъ-Подольскѣ недавно гостила около мѣсяца труппа галицкихъ артистовъ, дававшая рядъ украинскихъ спектаклей. Составъ труппы, задачи и цѣли, какія она преслѣдуетъ, заслуживаютъ того, чтобы о ней сказать нѣсколько словъ. Во главѣ труппы стоитъ г. Михайло Губчакъ, человѣкъ ителлигентный и вполнѣ образованный, окончившій два факультета въ Львовскомъ университетѣ, вкладывающій всю душу въ дѣло, которому онъ служитъ у себя на родинѣ. Вся труппа состоитъ изъ людей также достаточно образованныхъ и интеллигентныхъ, поставившихъ своей цѣлью просвѣщеніе и воспитаніе народной массы, пробужденіе въ ней самосознанія. Это—большею частью народные учителя и учительницы, сдавшіе свои школы не менѣе идейнымъ и искреннимъ работникамъ на пользу своего народа, а сами избравшіе сцену. Труппа эта пользуется успѣхомъ и большимъ сочувствіемъ у себя на родинѣ. Высокое просвѣтительное и воспитательное значеніе ея для народа признаетъ за нею и лучшая часть тамошняго духовенства, съ церковныхъ кафедръ объясняющая народу, что актеры такіе же учители, какъ и священники даже стоящіе въ нѣкоторомъ отношеніи выше сихъ послѣднихъ, такъ какъ они не ограничиваются проповѣдью одной лишь религіозной морали, а учатъ всему хорошему, что должно быть дорого каждому человѣку, независимо отъ принадлежности его къ той или другой религіи. Труппа получаетъ правительственную субсидію въ розмѣрѣ 6500 гульденовъ въ годъ. Незначительная цифра эта является совершенно ничтожною въ сравненіи съ размѣрами правительственной субсидіи въ пользу польскаго театра доходящей до 50.000 гульденовъ въ годъ.

Что касается матеріальнаго успѣха труппы въ К-Подольскѣ, то къ сожалѣнію, приходится еще разъ констатировать фактъ довольно равнодушного отношенія со стороны обывателей Каменца къ симпатич-

ной труппѣ, несмотря на хорошую игру исполнителей; насколько намъ извѣстно, поляки и евреи обнаружили больше вниманія и интереса къ театру, чѣмъ украинцы. Пребываніе труппы въ К-Подольскѣ совпало съ сельско-хозяйственной выставкой. Артисты дали на выставкѣ концертъ для народа, отказавшись отъ всякой за это платы.

Украинскіе спектакли любителей драматическаго искусства. 8-го сентября обществомъ желѣзнодорожнаго кружка любителей драматическаго искусства, въ пользу бѣдныхъ ученицъ г. Александріи данъ былъ спектакль, съ какой цѣлью разыграна малорусская драма «Безталанна». Послѣ спектакля состоялось концертное отдѣленіе. Затѣмъ была поставлена съ пѣніемъ и танцами картина изъ оперетки «За Нѣманъ иду«. Театръ былъ переполненъ, галерка биткомъ набита, что несомнѣнно доказываетъ большую потребность жителей въ подобныхъ развлеченіяхъ. («Югъ» № 1300).

5 октября, въ зданіи для просвѣтительныхъ цѣлей имени Гоголя въ Полгавѣ любителями драматическаго искусства поставлена драма Тагобочнаго «Жидивка выхрестка». Часть сбора поступитъ на усиленіе средствъ для содержанія Кобищанскаго пріюта-ясли. («Полт. Вѣд.», 213).

6 октября въ народной аудиторіи Лозовой Павловки Славяносербск. у. любителями драматическаго искусства, по иниціативѣ д-ра А. І. Дацкова, данъ былъ народный спектакль. Шла 4-хъ актная комедія «За двома зайцямы» и одноактный водевиль «Жена на прокатъ». Спектакль привлекъ небывалое число публики, среди которой горнорабочіе изъ окрестныхъ рудниковъ являлись преобладающимъ элементомъ. Успѣхъ спектакля убѣждаетъ мѣстныхъ культурныхъ дѣятелей, что потребность въ театрѣ давно назрѣла въ рабочей средѣ и не проявлялась лишь вслѣдствіе чрезвычайно высокихъ цѣнъ, назначаемыхъ обыкновенно за мѣста.

Исполнителямъ устроили овацiи. Рѣшено давать такіе спектакли возможно чаще, тѣмъ болѣе, что расходы по постановкѣ окупаются полностью.

Новыя украинскія пьесы. И. К. Тобилевичъ (Карпенко-Карый) написалъ новую пьесу—«Гандзя». М. Л. Кропивницкій также

написалъ и уже даже получилъ изъ драматической цензуры новую пьесу—«Кононъ Блыскавыченко». Кромѣ того, этимъ драматургомъ недавно окончена и отослана въ цензуру еще одна новая пьеса—«Чайковскій, або Олекса Поповичъ (по роману Гребенки того же названія). («Вѣстн. Юга», № 231).

Археологическія раскопки Н. Ковалева. По сообщенію газ. «Югъ» (№ 1299) г. Н. Ковалевымъ были произведены раскопки огромнаго кургана, находящагося на землѣ г. Москопуло въ Ольгопольской волости Елисаветградскаго уѣзда. Курганъ занимаетъ площадь около 300 кв. саж., имѣетъ высоты саж. 12 и виденъ верстъ за 15 кругомъ.

Весь курганъ оказался обложеннымъ большими и малыми камнями гранитной породы. Уже на глубинѣ аршина попадались кости неполныхъ чел. скелетовъ. На глубинѣ двухъ аршинъ обнаруженъ истлѣвшій гробъ колодообразной формы; у изголовья къ нему былъ прибитъ кусокъ шерстяной ткани съ какими-то узорами. Въ гробу нашли человѣческій скелетъ, настолько истлѣвшій, что отъ доступа воздуха онъ началъ разсыпаться. На шеѣ скелета была надѣта массивная гривна. Она сдѣлана изъ серебрянаго прута, посрединѣ—толстаго четырегранаго, нѣсколько извитаго, къ концамъ—потоньше, круглаго, заканчивающагося небольшими отгибами. На правой рукѣ былъ толстый серебряный браслетъ, свитой изъ проволокъ, не спаянный (какъ и гривна), съ расклепанными концами, и на каждомъ изъ нихъ по круглому углубленію. Серебряный-же браслетъ найденъ и у ногъ покойника. Въ гробу также были собраны украшенія: каждое въ видѣ маленькаго конуса, свернутаго изъ серебряной позолоченной пластинки, окаймленнаго вверху и внизу тонкой, свитой въ шнурокъ серебряной проволочки, какъ видно, всѣ эти «шишечки» были припаяны своими основаніями къ тонкой серебряной пластинкѣ. Рядомъ съ гробомъ, на растояніи полуаршина отъ него, лежалъ скелетъ коня, зарытаго съ сѣдломъ, уздечкой и стременами. Вся сбруя сгнила, кромѣ желѣзныхъ стремянъ. Прорывъ аршина два, наткнулись на плиту, лежавшую противъ заваленнаго камнемъ четыреугольнаго отверстія, исписаннаго по краямъ красной краской, кусокъ которой тамъ-же и валялся. Отверстіе вело въ небольшую яму со сводами, выложенными бѣлымъ камнемъ, засыпанную землей и золой. Далѣе подъ лопатой оказался твердый

грунтъ, материкъ. На глубинѣ трехъ аршинъ въ боку кургана врыты камни, толщиной въ полъ-аршина, длиной аршина въ два. Камни эти идутъ по закругленному пути въ глубь кургана, какъ-бы опоясывая его. Обычай носить серебряные шейные обручи (гривны) и такіе-же браслеты былъ распространенъ среди славянскаго населенія Россіи въ періодъ отъ VIII по XII вѣкъ; но онъ также былъ распространенъ и среди кочевниковъ, населявшихъ въ лѣтописныя времена здѣшнія степи, (печенѣги, половцы и др.). Обычай погребенія покойника съ конемъ въ эту эпоху господствовалъ у нашихъ кочевниковъ, но не чуждъ онъ былъ и нѣкоторымъ славянскимъ племенамъ. Погребеніе въ долбленомъ гробу встрѣчается такъ-же у тѣхъ и другихъ. Поэтому, опредѣляя эпоху найденнаго г. Ковалевымъ погребенія, трудно указать народность. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что славянскихъ поселеній въ нашихъ степяхъ въ ту эпоху (VIII—XII в.) не было, и потому славянское погребеніе здѣсь можетъ встрѣтиться только случайно, и съ большей вѣроятностью найденное погребеніе можно отнести къ кочевническимъ.

Люди, погребавшіе мертвеца съ гривною, воспользовались для этой цѣли древнимъ курганомъ, насыпаннымъ надъ покойниками временъ доисторическихъ,—лежащими на боку. Этихъ покойниковъ, мы относимъ ко времени не позже VII вѣка до Рождества Христова *).

Археологическія раскопки проф. Д. Эварницкаго. Въ селѣ Веселомъ, Мелитопольскаго уѣзда, проф. Д. И. Эварницкимъ была произведена въ послѣднее время раскопка большого кургана, извѣстнаго въ народѣ подъ названіемъ «Луговая могила»; раскопка эта производилась въ теченіе пяти недѣль при 45 рабочихъ ежедневно. Результаты раскопокъ—блестящіе. Въ верхнихъ слояхъ кургана найдена прекрасной работы керамическая древне-греческая ваза, типа остродоннаго, съ двумя ручками, вмѣстимостью до $2^1/_2$ ведеръ; ваза орнаментирована поперечными кругами. Тамъ же найдены наконечники бронзовыхъ стрѣлъ. Въ нижнихъ слояхъ кургана оказалось погребеніе каменнаго вѣка съ переходомъ въ бронзовый. По линіи горизонта почвы, на самой подошвѣ кургана, найдено большое сооруженіе въ

*) Добытыя въ курганѣ древности вмѣстѣ съ описаніемъ ихъ переданы въ Херсонскій археологическій музей.

видѣ полукруга изъ огромныхъ тесаныхъ камней, поставленныхъ вплотную одинъ около другого. Подъ камнями оказались 5 могилъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣста, со скелетами и посудой примитивнаго издѣлія, частью безъ всякихъ украшеній, частью же съ украшеніями сложными и затѣйливыми. Скелеты оріентированы съ юга на сѣверъ (головами на югъ); въ нѣкоторыхъ могилахъ лежатъ по два скелета (вѣроятно, мужъ и умерщвленная, положенная съ нимъ, жена); въ одной могилѣ открытъ вмѣстѣ съ большимъ скелетомъ еще и скелетъ ребенка: скелетъ очень маленькій съ несовсѣмъ сформировавшимися костями. Въ третьей могилѣ открытъ скелетъ молодой женщины, возлѣ которой положено было глиняное корытце съ чрезвычайно сложнымъ орнаментомъ, большой кусокъ оранжевой минеральной краски, для раскрашиванія на томъ свѣтѣ, по существовавшему обычаю, а также на нижней части живота 4 вылощенныхъ съ просверленными дырочками зуба животныхъ, служившихъ для украшенія одежды, повидимому, имѣвшей видъ нашихъ фартуковъ. Изъ другихъ вещей найдены каменный мельничный жерновъ, кремневые ножи, такіе же наконечники стрѣлъ, створки рѣчныхъ раковинъ, которыхъ первобытный человѣкъ употреблялъ въ пищу.

Всѣ эти и другія найденные въ курганѣ предметы пожертвованы екатеринославскому областному музею и лично отвезены проф. Д. И. Эварницкимъ въ Екатеринославъ. Раскопками «Луговой могилы» не заканчиваются археологическія работы проф. Эварницкаго въ этой мѣстности; онѣ возобновляются весною или лѣтомъ будущаго года. Мелитопольскій уѣздъ былъ когда-то мѣстомъ скиѳскихъ становищъ. («Южн. Кр.» № 7515).

Библіографія.

Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. *Составилъ В. Е. Бучневичъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное, съ планомъ Полтавской битвы и достопримѣчательностями (sic) г. Полтавы. Полтава. 1902 г., in 8. 449 стран.*

Г. Бучневичъ давно уже занимается изученіемъ исторіи своего города. Первое изданіе его «Записокъ» вышло въ свѣтъ еще въ 1882 г. и вызвало на страницахъ нашего журнала (май 1883 г.) не совсѣмъ одобрительный отзывъ. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе почти 20-ти лѣтъ, г. Бучневичъ неутомимо работалъ надъ своимъ предметомъ, пересмотрѣлъ огромную массу старинныхъ и новыхъ книгъ, журналовъ и газетъ, выбралъ изъ нихъ все, что относилось къ исторіи Полтавы, и воспользовавшись этимъ матеріаломъ, вновь переработалъ свою книгу. Теперь она имѣетъ несомнѣнное достоинство—полноты, почти исчерпывающей нѣкоторые предметы, преимущественно тѣ, о которыхъ трактуется въ III отдѣлѣ книги. Просматривая приложенныя къ этому отдѣлу примѣчанія, переполненныя многочисленными библіографическими ссылками, приходишь къ увѣренности, что авторъ не упустилъ изъ виду ни одного даже мелочнаго сообщенія или указанія, кѣмъ-либо сдѣланнаго относительно Полтавской старины. Для компилятивнаго труда, какимъ собственно и нужно признать книгу г. Бучневича, такая полнота во всякомъ случаѣ неоспоримое достоинство.

Къ сожалѣнію, не всѣ отдѣлы книги отличаются столь похвальною полнотою, и всего менѣе первая статья, озаглавленная: „Полтава и ея историческое прошлое“. Здѣсь авторъ на 10 страницахъ (7—16)

обозрѣваетъ *всю* исторію Полтавы съ XII в. до назначенія ея губернскимъ городомъ въ 1802 г. Казалось бы, что такому капитальному сюжету слѣдовало удѣлить больше вниманія, если описанію войны 1708—1709 гг. и полтавской битвы посвящено 109 стр. (50—158). Вообще, первый очеркъ довольно слабъ. Онъ начинается топографическимъ описаніемъ Полтавы, въ которомъ сразу допущены неточности и ошибки. О рѣчкѣ Рогознѣ, упоминаемой въ актахъ XVII—XVIII вв., говорится, что съ 1814 г., „съ устройствомъ плотины на Трибахъ", она стала русломъ р. Ворсклы. Кто знакомъ съ мѣстностью, тому будетъ совершенно непонятно, какимъ образомъ устройство плотины въ дер. Трибахъ, на рч. Коломакѣ, въ 5 верстахъ отъ Полтавы, могло измѣнить русло Ворсклы. Обращаемся къ «Запискамъ» Арандаренка (ч. III, стр. 14) и тамъ читаемъ, что это измѣненіе произошло: „когда въ 1814 г. устроена плотина *отъ города на дер. Трибы*, по дорогѣ въ Харьковъ". Значитъ, дѣло идетъ о плотинѣ не въ Трибахъ, а близъ Полтавы, на Ворсклѣ. Невѣрно и далѣе: „по ручью *Полтавкѣ* пролегаетъ Монастырская улица и Подмонастырье". Проживъ дѣтскіе и юношескіе годы въ этомъ самомъ Подмонастырьѣ и однажды едва не утонувъ въ тамошнемъ ручьѣ, мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что этотъ ручей именуется *Тарапунькой*, а не Полтавкой. Правда, въ „Запискахъ" Арандаренка онъ ошибочно названъ *Полтавкой*; но пусть г. Бучневичъ съѣздитъ въ Подмонастырье и спроситъ тамошнихъ мѣщанъ, какъ называется ихъ ручей, и они ему отвѣтятъ: „Тарапунька". Ручей же Полтавка протекаетъ совсѣмъ не тамъ: въ книгѣ г. Бучневича (на 60 стр.) приведена цитата изъ Полевого, въ которой опредѣленно указывается, что одинъ край древней полтавской крѣпости круто сходилъ „къ рѣчкѣ Полтавкѣ, впадающей въ Ворклу ниже города". Къ ручью, протекающему въ Подмонастырской долинѣ, это указаніе никакъ не можетъ относиться. Укажемъ, кстати, еще на одну грубую топографическую погрѣшность: на стр. 183 г. Бучневичъ говоритъ, будто Полтавскій монастырь „построенъ *у береговъ* Ворсклы, *при устьѣ ручья Полтавки*, *вправо* по дорогѣ на Харьковъ". Ссылаюсь на всѣхъ полтавскихъ жителей во свидѣтельство того, что монастырь расположенъ *влѣво* по дорогѣ на Харьковъ, далеко отъ береговъ Ворсклы и еще дальше отъ устья Полтавки. Подобные топографическіе промахи совсѣмъ неизвинительны мѣстному изслѣдователю.

Переходимъ теперь къ начальной исторіи г. Полтавы, какъ она изложена въ книгѣ г. Бучневича. Онъ отождествляетъ Полтаву съ лѣ-

тописной Лтавой, упоминаемой подъ 1174 г., какъ то дѣлаютъ, впрочемъ, и другіе историки. Но въ интересахъ безпристрастія ему слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, оговориться, что данное мѣсто лѣтописи имѣетъ и другой варіантъ („переѣха росколъ во Лтавы"), исключающій всякій намекъ на существованіе въ XII в. Полтавы, и что этому вопросу посвящено спеціальное изслѣдованіе г. Падалки, пришедшаго къ весьма правдоподобному выводу, что нѣтъ основанія допустить на мѣстѣ нынѣшней Полтавы существованія въ XII в. какого-либо населеннаго пункта. Точно такъ же мало правдоподобно извѣстіе о Полтавѣ, какъ объ отчинѣ князей Глинскихъ въ XV—XVI вв. Это извѣстіе дошло до насъ единственно въ родословныхъ сказкахъ князей Глинскихъ, а историки хорошо знаютъ, какъ мало можно довѣрять такимъ мутнымъ источникамъ, какъ родословія. Принимая же въ соображеніе общій ходъ событій въ Лѣвобережной Украинѣ послѣ Менглигиреева нашествія, когда она надолго становится пустыней и даже такой близкій къ Кіеву городъ, какъ Переяславъ, на цѣлое столѣтіе исчезаетъ съ лица земли, можно съ полной достовѣрностью утверждать, что никакого поселенія на мѣстѣ нынѣшней Полтавы безусловно не могло существовать въ то время. Объ этомъ вѣковомъ запустѣніи всей Полтавщины непремѣнно слѣдовало упомянуть полтавскому дѣписателю. Свидѣтельство М. А. Максимовича, будто Полтава вновь «обстроена какъ настоящій городъ» Жолкевскимъ въ 1608 г. и будто она въ то же время принадлежала князьямъ Вишневецкимъ и насчитывала въ себѣ 812 хатъ, тоже можно было совсѣмъ игнорировать. Объ этомъ сказано въ старой статьѣ Максимовича, писанной въ 1857 г., и самъ же г. Бучневичъ приводитъ затѣмъ соображенія новѣйшаго историка А. М. Лазаревскаго, вполнѣ устраняющія догадки Максимовича и совершенно совпадающія съ данными носомнѣннаго документа 1630 года—жалованной королевской грамоты шляхтичу Обалковскому на «пустую слободу, названную Полтаву, надъ р. Ворсклом», съ правомъ ея заселенія. Вотъ съ какого времени, собственно говоря, начинается вполнѣ достовѣрная исторія Полтавы.

Скоро послѣ того Полтава становится полковымъ городомъ, о чемъ въ книгѣ г. Бучневича вовсе не упомянуто. Онъ лишь вскользь упоминаетъ о битвѣ Пушкаря съ Выговскимъ 1 іюня 1658 г. и говоритъ объ этомъ не точно: по его словамъ, «Пушкарь разбилъ подошедшаго къ Полтавѣ Выговскаго, но вслѣдъ за тѣмъ самъ былъ разбитъ татарами и палъ на мѣстѣ». Послѣднее вѣрно, а первое нѣтъ:

у Костомарова подробно описана битва подъ Полтавою, и тамъ не говорится ни слова о разбитіи Выговскаго [1]). Совершенная неправда и то, что дальше повѣствуетъ г. Бучневичъ: «Въ 1659 г., въ февралѣ, Выговскій, овладѣвъ Миргородомъ, съ 30 тысяч. козаковъ, 3 тыс. поляковъ и 15 т. татаръ, прошелъ черезъ разоренную Полтаву къ Зенькову». (Ссылка на Бант.-Каменскаго). На самомъ же дѣлѣ было такъ: 4 февраля 1659 г. Выговскій осадилъ Миргородъ, скоро овладѣлъ имъ благодаря добровольной покорности горожанъ, съ которыми онъ обошелся очень кротко, и оттуда прямо двинулся къ Зенькову, минуя Полтаву, которая была ему вовсе не по дорогѣ. Осада Зенькова затянулась, и гетманъ въ концѣ марта отступилъ отъ него и уѣхалъ въ Чигиринъ [2]). Вотъ какъ мало слѣдуетъ довѣрять Исторіи Бант.-Каменскаго, когда имѣются историческія монографіи Костомарова.

Далѣе слѣдуетъ краткій перечень полтавскихъ полковниковъ, безъ точнаго обозначенія, что онъ взятъ изъ ст. А. М. Лазаревскаго [3]), между тѣмъ это единственный вполнѣ точный и полный перечень, сдѣланный покойнымъ историкомъ путемъ кропотливыхъ изысканій по неизданнымъ актамъ полтавскаго полкового суда и другимъ документамъ. Перечень этотъ приведенъ въ книгѣ г. Бучневича съ пропусками. Вообще, можно пожалѣть, что авторъ мало воспользовался статьей А. Лазаревскаго о Полтавщинѣ въ XVII в., представляющей драгоцѣнныя свѣдѣнія именно для исторіи г. Полтавы: здѣсь говорится объ исключительномъ положеніи тамошнихъ полковниковъ, о происходившихъ тамъ внутреннихъ смутахъ и проч. Неужели это не важно для исторіи г. Полтавы?

Затѣмъ слѣдуетъ отрывочное упоминаніе, что въ 1666 г., когда гетманъ Брюховецкій «билъ челомъ царю съ запор. войскомъ и со всѣми малороссійскими городами, то, въ числѣ другихъ городовъ, и въ Полтаву былъ назначенъ воевода съ 1500 ратныхъ людей».—Не понятно, о чемъ билъ челомъ гетманъ и почему былъ присланъ воевода. И что же, долго этотъ воевода оставался въ Полтавѣ? И въ какихъ отношеніяхъ онъ находился съ мѣстнымъ населеніемъ?—Вѣдь это же, надѣемся, важнѣе для исторіи г. Полтавы, нежели сообщаемыя

---

[1]) Гетманство Выговскаго, стр. 98 - 99.

[2]) Тамъ же, стр. 152, 153, 156.

[3]) На эту статью сдѣлана лишь общая ссылка, на ряду съ ссылкой на соч. Максимовича.

г. Бучневичемъ свѣдѣнія о томъ, въ какихъ годахъ XVIII ст. и какіе именно полки квартировали въ Полтавѣ.

Отказываемся слѣдить далѣе за безсвязной лѣтописью г. Бучневича, въ которой онъ по произволу отмѣчаетъ маловажное и опускаетъ очень важное. По тѣмъ самымъ книгамъ, какими г. Бучневичъ пользовался, не трудно было бы составить сколько-нибудь связную исторію города въ XVII и XVIII ст. Хотя бы онъ кратко разсказалъ, какъ жили въ то время полтавцы, кѣмъ управлялись, какъ судились и проч. Вдобавокъ, и въ его отрывочныхъ замѣткахъ встрѣчаются ошибки: на стр. 13 онъ упоминаетъ о татарскомъ набѣгѣ «въ 1695 году, когда татары, проникнувъ въ Полтаву во главѣ бывшаго гетманскаго канцеляриста Петрика, совершенно разорили ее». Помимо неправильности стилистической, въ этой тирадѣ допущена невѣрность хронологическая и фактическая: дѣло происходило не въ 1695, а въ 1693 г., и татары вовсе не проникали въ Полтаву и не разоряли ее, а, по выраженію лѣтописи Самовидца, лишь «шкоду учинили коло Полтавы и у слободахъ московскихъ» [1]). Объ этомъ мнимомъ разореніи, съ тою же ошибочной датой, еще два раза упоминается въ книгѣ г. Бучневича, на стр. 171 и 184.

Топографическое описаніе древнихъ укрѣпленій полтавскихъ много выиграло бы въ ясности и отчетливости, если бы приложенъ былъ планъ города, съ нанесеніемъ на немъ крѣпостныхъ валовъ и башенъ. Кстати прибавимъ, что въ актахъ полтавскаго полкового суда конца XVII в. намъ приходилось встрѣчать названія «башт замковыхъ» *Глухой* и *Криловщишиной*. Послѣдняя, очевидно, есть та самая, которая на планѣ 1803 г. названа Крыловской или Куриловской.

Говоря о ярмаркахъ полтавскихъ, слѣдовало бы упомянуть, что двѣ изъ нихъ, Воздвиженская и Никольская, существовали уже въ XVII ст. О нихъ см. «Кіев. Ст.» 1901 г. № 2, стр. 200, № 10, стр. 45 и 51.

Далѣе слѣдуютъ очерки: Высочайшія посѣщенія Полтавы (съ 1787 по 1901 г.) и хронологическій перечень полтавскихъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, предводителей и архіереевъ съ 1802 по 1902 г. А за тѣмъ идетъ отдѣлъ второй, цѣликомъ посвященный описанію шведской войны въ 1708 г. 1709 гг. и полтавской битвы,

---

[1]) Самовид., 183. Сличи лѣт. Величка, III, 135.

съ разными документальными приложеніями, въ число коихъ почему-то вошелъ и подробный перечень даровъ, посланныхъ изъ Полтавы въ 1894 г. броненосцу «Полтава». Это—не исторія Сѣверной войны, а нѣчто въ родѣ обстоятельной реляціи, съ перечнемъ частей войскъ, бывшихъ въ дѣйствіи, съ обозначеніемъ числа убитыхъ и раненныхъ и т. под. Одинъ реестръ плѣнныхъ шведскихъ полковъ (поименный) занимаетъ 7 страницъ (96—102). Въ примѣчаніяхъ къ этому отдѣлу (на стр. 386) встрѣчается странный недосмотръ: цитуется мѣсто изъ лѣтописи Грабянки о Семенѣ Паліѣ, какъ онъ, «бывши уже немощнымъ, *обаче* на конѣ, аще и поддержаніемъ, ѣздячи, понуждалъ войско».., при чемъ къ слову «обаче» сдѣлано подъ строкой поясненіе: «Обачити—увидѣть». Зачѣмъ же этотъ коментарій, когда славянское слово «обаче» значитъ «однако»?

Третій отдѣлъ посвященъ прежде всего полтавскимъ достопримѣчательностямъ. Здѣсь весьма обстоятельно описаны памятники полтавской побѣды, Спасская церковь, монастырь, Шведская могила, колоколъ Кизикерменъ, бывшій домикъ И. П. Котляревскаго и затѣмъ остальныя полтавскія церкви, костелъ и лютеранская кирха. Это—самая интересная часть книги. Къ сожалѣнію, и здѣсь изрѣдка встрѣчаются недосмотры, и рецензентъ не исполнилъ бы своего долга, если бы обошелъ ихъ молчаніемъ. На стр. 181 описывается принадлежащее Спасской церкви старопечатное (1644 г.) евангеліе, на окладѣ котораго изображенъ Спаситель, а въ ногахъ у Него колѣнопреклоненный человѣкъ и подъ нимъ подпись «Петръ». «Это даетъ поводъ (замѣчаетъ авторъ) догадываться, что евангеліе подарено государемъ Петромъ I и, вѣроятно, послѣ Полтавской битвы». Увы, почтенный авторъ поторопился догадываться, не прочтя имѣющейся въ книгѣ (внизу, по листамъ) вкладной записи, которая гласитъ: «Року Божого ҂ѕ҃хмз (1646), мця марта дня і҃ (10). Во имя Отца и Сына и Духа святого, аминь. Сию кныгу рекомое Евангелие тетръ отмѣнилъ рабъ Божий... кумъ (вытерто) Имоненко за свое отпущеніе грѣховъ и за жоны своеи Ѳеодоры... (опускаемъ подробности).. и предали еѣ вѣчными часи до храма Воздвиженія Господа Бога и Спаса нашего І. Христа въ селѣ въ Трибуховцахъ, въ повѣтѣ Хмелницкомъ [1])..., въ державѣ его милости пана Любомирского» и проч. Какъ попало это

---

[1]) С. Трибуховцы и нынѣ существуетъ въ Летич. у. Под. губ.

евангеліе изъ трибуховской церкви въ полтавскую, объ этомъ можно разно гадать, но во всякомъ случаѣ не царь Петръ его сюда пожертвовалъ. Замѣтимъ, что такихъ книгъ, съ вкладными записями въ пользу отдаленнѣйшихъ отъ Полтавы церквей, имѣется довольно много въ полтавскихъ храмахъ.

На стр. 205 описано принадлежащее монастырю евангеліе «московской печати *1657 г.*», а далѣе списанъ его выходной листъ, гдѣ мы съ изумленіемъ читаемъ: «повелѣніемъ императрицы Елисаветы Петровны... напечатана книга сія... въ лѣто отъ Рождества Бога Слова 1759»... Чему же вѣрить? Кстати, замѣтимъ, что г. Бучневичъ, при описаніи старопечатныхъ книгъ, совершенно напрасно списываетъ цѣликомъ выходные листы со всею ихъ шаблонною многословностью, тогда какъ вполнѣ достаточно отмѣтить лишь годъ и мѣсто изданія.

На стр. 207 сказано, что въ полт. монастырѣ хранится рѣдкая старопечатная книга (слова Василія Великаго), изданная въ Острогѣ, въ 1594 г., при чемъ пояснено, что она «въ двухъ томахъ». Слѣдуетъ поправить: въ двухъ экземплярахъ, и при томъ превосходно сохранившихся.

О Срѣтенской церкви мы можемъ добавить, что въ одномъ изъ неизданныхъ документовъ 1683 г. церковь эта именуется «новофундованною»; а относительно Воскресенской церкви самому г. Бучневичу слѣдовало упомянуть, что, судя по вкладной надписи на Цвѣтной Тріоди, хранящейся въ полт. Срѣтенской церкви [1]), Воскресенская церковь существовала уже въ 1631 г., т. е. она современна основанію самой Полтавы. Вѣрно ли списана означенная надпись—провѣрка лежитъ на обязанности мѣстныхъ изслѣдователей. Въ книгѣ г. Бучневича нѣтъ и упоминанія о Тріоди съ этой надписью. Вообще, говоря объ исторіи полтавскихъ храмовъ, онъ какъ-то мало интересуется XVII столѣтіемъ. Почему бы, напримѣръ, въ главѣ о соборной церкви не упомянуть объ ея священникѣ Іоаннѣ Величковскомъ, привѣтствовавшемъ въ 1687 году гетмана Самойловича, при его проѣздѣ въ Крымъ черезъ Полтаву, высокопарными виршами «своеи композитуры», пол-

---

[1]) Лично мы этой Тріоди не видѣли, а ссылаемся на описаніе Срѣт. церкви свящ. Бельговскаго, помѣщенное въ Полт. Епарх. Вѣдомостяхъ 1875 г. По его словамъ, по листамъ этой Тріоди есть надпись, свидѣтельствующая, что она пожертвована въ 1631 г. въ Воскресенскую церковь.

ностью приведенными въ лѣтописи Величка? [1]) Почему бы не упомянуть о существовавшей въ XVII в. при той же церкви *школѣ* и ея „дидаскалѣ“ Марченкѣ, о чемъ было сообщено въ нашемъ журналѣ, въ «Очеркахъ народной жизни въ Малороссіи во 2-ой полов. XVII ст»? Тамъ можно найти именной перечень настоятелей всѣхъ полтавскихъ церквей въ 1692 г., нѣкоторыя свѣдѣнія о существовавшихъ въ то время въ Полтавѣ приходскихъ братствахъ и т. под.

Статья о бывшей въ Полтавѣ въ концѣ XVIII ст. Славянской семинаріи, въ которой учились И. П. Котляревскій, Н. И. Гнѣдичъ и др., составлена достаточно полно и интересно, равно какъ и слѣдующая за нею статья о полтавскихъ подземельяхъ. Здѣсь лишь возбуждаетъ естественное недовѣріе странное преданіе о козакѣ Маслѣ, прорывшемъ подземные ходы *въ 1608 году*. Кто и отъ кого слыхалъ столь точно датированное преданіе? Подозрительны и костяки XII ст., поверхъ которыхъ оказалась польская монета Яна III (стр. 285).

Опускаемъ дальнѣйшія главы книги Бучневича и останавливаемся на заключительной—біографическихъ очеркахъ «уроженцевъ Полтавы и умершихъ въ ней» лицъ, извѣстныхъ государственною и литературною дѣятельностью. Такихъ очерковъ здѣсь помѣщено 21. Конечно, особый интересъ представляютъ здѣсь имена славныхъ уроженцевъ Полтавы: Гнѣдича, Котляревскаго, Щепкина, или имена лицъ, посвятившихъ ей свою дѣятельность, какъ П. И. Бодянскій, С. П. Стеблинъ-Каминскій, а вовсе не лицъ, случайно умершихъ въ Полтавѣ, какъ Бисмаркъ Рудольфъ-Августъ, Вейсбахъ, Ѳ. М. Воейковъ и др. Кстати, объ этомъ Воейковѣ. Въ книгѣ г. Бучневича говорится, что онъ родился въ *1703 г.* и умеръ въ *Полтавѣ*; а надъ его могилой въ Полтавскомъ монастырѣ есть икона св. Ѳеодора Стратилата съ такою надписью: «Здѣлана св. икона сія 1707 года, мѣс. февраля 7 дня, въ мѣру *тогда родившагося* Ѳеодора Матвѣевича (Воейкова), бывшаго генералъ-аншефа, кіевскаго генералъ-губернатора и Новороссійской губерніи главнаго командира, который преставился въ *Кременчугѣ* 1778 г. августа 9 дня и погребенъ былъ 11 дня въ соборной Преображенской Кременчугской церкви, а по желанію супруги ...вынятъ и въ Крестовоздвиженскій полтавскій монастырь перевезенъ и въ склепу по-

[1]) Томъ III, стр. 9–12.

ложенъ 1781 г. генваря 18 дня». Выходитъ, слѣдовательно, что о немъ можно было и не упоминать въ перечнѣ лицъ, родившихся или умершихъ въ Полтавѣ. Зато недостаетъ біографіи П. И. Могилевскаго, бывшаго съ 1828 г. по 1840 г. полтавскимъ губернаторомъ, тамъ же умершаго и похороненнаго въ полт. монастырѣ.

При оцѣнкѣ перваго изданія «Записокъ» г. Бучневича рецензентъ ставилъ въ вину автору многія неправильности языка. Чувство безпристрастія побуждаетъ насъ заявить, что въ новомъ изданіи книги эти неправильности почти вовсе устранены. Лишь въ предисловіи, перешедшемъ безъ измѣненій и въ новое изданіе, языкъ страдаетъ неточностями и шероховатостями. Въ самой же книгѣ, на протяженіи 450 страницъ, наше вниманіе остановили лишь слѣдующія неясныя или не вполнѣ удачныя выраженія: «Такимъ образомъ явился здѣсь, въ Полтавѣ и Константиноградѣ, въ обратномъ порядкѣ приходъ къ проповѣднику",—смыслъ этого выраженія остается неяснымъ и въ связи съ предыдущимъ (стр. 259). «Котляревскій написалъ двѣ оперетки: «Наталка Полтавка» и «Москаль-Чаривникъ», которыя въ 1819 г. шли уже на сценѣ, до настоящаго времени *занимающія* первостепенное мѣсто въ малороссійскомъ репертуарѣ» (стр. 364). «Небольшой участокъ земли около этого памятника въ 1899 г. обнесенъ деревянной оградой, *который* въ 1902 г. засаженъ деревьями» (стр. 365). Португаловъ (въ ссылкѣ), «не имѣя даже права заниматься врачебной практикой, *почему-то* взялся за перо» (стр. 370). «Энеида Котляревскаго—«классическое произведеніе малорусской литературы по простотѣ и изяществу стиля и истинно *хохлацкой* ироніи» (стр. 364). А вотъ излишне церемонное выраженіе: «въ проѣздъ императрицы Екатерины черезъ Полтаву, архіепископъ Амвросій *имѣлъ счастіе*... служить панихиду» (стр. 323).

Но, конечно, все это мелочи, отмѣчаемыя здѣсь единственно для того, чтобы авторъ исправилъ ихъ при слѣдующемъ изданіи своей книги. Отчасти тою же мыслью руководились мы и выше, кое въ чемъ поправляя и дополняя его сообщенія. Для насъ, какъ и для автора, Полтава—городъ близкій сердцу, и мы съ восторгомъ привѣтствовали бы ея полную и правдивую исторію. Пока ея нѣтъ, книга г. Бучневича можетъ служить полезнымъ пособіемъ для ознакомленія съ историческими памятниками Полтавы и вмѣстѣ библіографическимъ указателемъ всего, что о ней писано въ русской печати. При томъ же,

изумительное трудолюбіе автора, работающаго надъ своимъ предметомъ болѣе 20 лѣтъ, безъ сомнѣнія, достойно всякаго уваженія.

О. Л.

Д. Иловайскій. Вторая дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и болгаро-гуннскому. *Москва, 1902.—Стр. 106.*

Книжка представляетъ перепечатку статей г. Иловайскаго, помѣщенныхъ въ «Рус. Вѣстникѣ», «Рус. Архивѣ» и газетахъ «Моск. Вѣд.» и «Кремль» (1888—1902 г.г.), съ незначительными измѣненіями и дополненіями. Добавлена критическая замѣтка о работахъ г.г. Шишманова (о происхожденіи болгаръ) и И. Н. Смирнова (культурная исторія южныхъ славянъ.

Для библіографіи русской исторіи настоящее изданіе несомнѣнно полезно, какъ способное облегчить поиски въ обширной литературѣ предмета. Полемическія стычки г. Иловайскаго съ многочисленными противниками его теорій на сей разъ не открываютъ ни новыхъ горизонтовъ, ни сколько нибудь рѣшающихъ новыхъ фактовъ. То сей, то оный на бокъ гнется—а до рѣшенія вопроса по прежнему неизмѣримо далеко. При такихъ условіяхъ эти стычки получаютъ нѣсколько утомительный характеръ. Сознавая слабость свою въ филологіи, г. Иловайскій ограничивается большею частью тѣмъ, что не упускаетъ случая уязвить и филологію своихъ противниковъ—норманнистовъ и туранистовъ. Тонъ полемики, по обычаю автора, достаточно рѣшительный и откровенный, безъ расшаркиваній. Одно только нелегко понять — почему авторъ убѣжденъ, что теоріи его противниковъ способны затемнять народное самосознаніе: такая точка зрѣнія свидѣтельствуетъ лишь о добрыхъ намѣреніяхъ автора, но по существу представляется крайне шаткою и условною.

Обозрѣвая пройденный путь, г. Иловайскій приходитъ къ малоутѣшительнымъ выводамъ. Уже 30 лѣтъ ведетъ онъ борьбу съ норманнистами, 28 лѣтъ съ туранистами, а число противниковъ не только не уменьшилось, но даже увеличилось за послѣднее время. Въ «Розыскахъ о началѣ Руси» и въ первой «Дополнительной полемикѣ» къ этимъ розыскамъ г. Иловайскому пришлось воевать съ 25 противниками, да въ настоящей книжкѣ—еще съ 15. Итого болѣе 40 противниковъ! «Преклонный возрастъ автора (70 лѣтъ) едва-ли позво-

литъ ему разсчитывать на собственные будущіе труды въ данной области и на дальнѣйшую борьбу съ противниками. Но онъ смѣло уповаетъ на то, что рано или поздно должны явиться на Руси энергичные, талантливые научные дѣятели, которые доведутъ до конца предпринятую имъ борьбу съ отжившими (?), антиисторическими теоріями».

Слѣдуетъ отмѣтить одно pium desidezium автора, къ которому нельзя не присоединиться. Указавъ на настоятельную потребность въ изданіи научнаго словаря русскихъ юридическихъ древностей, г. Иловайскій полагаетъ, что руководство и редакцію такого коллективнаго словаря долженъ взять на себя В. В. Сергѣевичъ для Московской Руси и М. Ф. Владимірскій-Будановъ для Руси Литовской или Юго-Западной.

Н. М.

А. Е. Крымськый: „Изъ повистокъ и эскизивъ“. *Выдання друге, выправлене. Москва, 1902.*

Недавно вышедшая книжка талантливаго автора, снискавшаго своею литературною дѣятельностью довольно широкую извѣстность у насъ и въ Галичинѣ, состоитъ изъ трехъ разсказовъ: «Не порозуміються», «Батькивське право» и «Та хто жъ такы справди выненъ?»

Герой перваго разсказа: «Не порозуміються» Андрій Лаговськый—едва вступающій въ жизнь, а уже испытавшій немало житейскихъ невзгодъ, нервный, мнительный «гистерыкъ», какъ называетъ его авторъ. Человѣкъ онъ крайне не ровный—то способный на проявленіе самопожертвованія, то поддающійся вліянію минуты и окружающей его пошлой жизни. Авторъ такъ въ концѣ концовъ характеризуетъ своего героя: „Теперь у насъ 1894-ый рикъ, а що буде, прымиромъ, 1895-го року, знае самъ Богъ. Я жъ думаю, що така людына, якъ Андрій, однаковисинько може або колысь повисытыся, або увируваты въ Бога и питы въ черци, або зробытыся ученымъ-аскетомъ, впирнуты въ науку и, далеко-далеко отъ сьвиту и одъ [жыття, потонуты въ своихъ книжкахъ, мовъ у могыли. Все може буты». Мать Лаговскаго—заурядная чиновница, деморализованная поверхностной городской цивилизаціей, утратившая природный тактъ, присущій простой украинской женщинѣ.

Мимоходомъ авторъ рисуетъ, къ сожалѣнію, далеко еще у насъ не рѣдкій типъ «наймычки» запуганной, забитой, утратившей почти человѣческое подобіе. Не даромъ авторъ обобщаетъ этотъ типъ устами Лаговскаго, попавшаго послѣ долгаго отсутствія въ родной городъ, восклицая: «И колы тоби вывыдныться, Украино?.. Колы?»

Въ разсказѣ «Батькивське право» изображаются взаимныя отношенія дѣтей и родителей, основанныя на неискренности и педантизмѣ однихъ и скрытомъ недовѣріи другихъ. Семейная жизнь, построенная на такихъ шаткихъ устояхъ, является сущимъ адомъ, что нашло вѣрное отраженіе въ разсказѣ нашего автора.

Третій разсказъ авторъ ведетъ отъ лица звенигородской мѣщанки Маріи. Трудно отвѣтить на вопросъ, поставленный въ заголовкѣ, кто болѣе виноватъ, сама ли Марія или ея мужъ въ постигшихъ ее злоключеніяхъ. Вѣрнѣе будетъ сказать—оба они въ равной степени являются жертвами тѣхъ печальныхъ бытовыхъ условій, среди которыхъ имъ пришлось жить. Трохима развратила праздная жизнь полицейскаго служителя, пріучившая его къ «чарочкѣ;» сама же Марія—типичный продуктъ «наймовъ». Естественно поэтому, что виновниковъ разбитой жизни и несчастій въ концѣ концовъ и не оказывается или, вѣрнѣе говоря, они расплываются въ общихъ ненормальныхъ условіяхъ, которыя выдвинуты авторомъ на первый планъ.

Во всѣхъ трехъ разказахъ, написанныхъ живо и увлекательно, затрогиваются наболѣвшіе вопросы современной жизни. Матеріаломъ для нихъ послужило, очевидно, непосредственное знакомство автора съ бытомъ изображаемыхъ имъ людей, а его тонкая наблюдательность помогла ему уловить наиболѣе типическія черты. Г. Крымскій касается двухъ слоевъ общества—интеллигенціи и народа, собственно мѣщанства. Въ его изображеніи событія выступаютъ вполнѣ отвѣчающими дѣйствительности, такъ какъ сюжеты взяты изъ жизни и обработаны достаточно реально. Но реализмъ произведеній г. Крымскаго вовсе не отличается протокольнымъ характеромъ: авторъ вноситъ много своего, субъективнаго; нѣкоторыя мѣста запечатлѣны глубокимъ искреннимъ чувствомъ и носятъ характеръ теплоты и непосредственности, вылившись, очевидно, изъ наболѣвшаго сердца. Кромѣ того, талантъ нашего автора не чуждъ мѣстами и тонкаго добродушнаго юмора. Что же касается языка, то при всей живости и близости къ народному онъ не лишенъ кое-гдѣ нѣкоторыхъ шероховатостей.

Въ заключеніе нельзя не пожалѣть о томъ. что въ настоящее изданіе вошли далеко не всѣ лучшія произведенія г. Крымскаго, которыя заслуживаютъ того, чтобы сдѣлаться достояніемъ нашей читающей публики.

А. Нестеровскій.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана съ 1 октября 1901 г. по 1 октября 1902 г. *Годъ 7-й.*

Какъ и въ прошлые годы, Ежегодникъ состоитъ изъ двухъ частей: оффиціальной, въ которой помѣщено извлеченіе изъ отчета коллегіи, и неоффиціальной, распадающейся на три части: 1) труды преподавателей и бывшихъ воспитанниковъ коллегіи, 2) матеріалы для исторіи коллегіи, біографіи Г. П. Галагана и пр., и 3) приложенія.

Въ первомъ отдѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что за два послѣдніе года количество учащихся значительно понизилось (съ 79 и 80 въ 1898 и 1900 г. до 64), хотя администрація коллегіи въ отчетахъ за послѣдніе 4 года обѣщаетъ расширить помѣщенія, чтобы довести количество учащихся до 100.

Что касается занятій воспитанниковъ коллегіи, то правленіе, между прочимъ, много лѣтъ подъ рядъ обѣщаетъ, для лучшей постановки новыхъ языковъ, пригласить на мѣста надзирателей лицъ, практически знающихъ эти языки. Мѣра эта весьма желательна. Мотивируя введеніе танцевъ въ число образовательныхъ искусствъ, составитель отчета говоритъ, что искусство это введено для выработки «въ воспитанникахъ, иногда неуклюжихъ и неловкихъ, навыка къ свободнымъ, ловкимъ и изящнымъ движеніямъ». Но при такой мотивировкѣ уроки танцевъ не обязательны. Пріятно также обѣщаніе составителя отчета расширить помѣщеніе коллегіи и устроить отдѣльное отъ классныхъ комнатъ общежитіе для улучшенія гигіеническихъ условій заведенія. Это обѣщаніе повторяется уже много лѣтъ, а въ два послѣдніе года съ меньшею настойчивостью и обоснованностію, чѣмъ въ предыдущіе. Похвальна также забота правленія коллегіи о составленіи списка книгъ для классныхъ библіотекъ; въ этомъ отношеніи коллегія можетъ почитаться первою среди однородныхъ учебныхъ заведеній и поставлена она въ благопріятныя условія прослѣдить и результаты такого чтенія.

Матеріальныя средства коллегіи блистательны: кромѣ платы за своекоштныхъ воспитанниковъ, она владѣетъ 11542 десятинами земли въ двухъ губерніяхъ и громадною усадьбою въ Кіевѣ. Доходы истекшаго года съ остатками отъ прошлаго составили 149729 р. 42 к., при чемъ арендной платы съ земли получено 39255 р., т. е. около $3^1/_2$ р. за десятину. Въ отчетѣ коллегіи не показано, кто арендуетъ эти земли: если ихъ аренда находится въ рукахъ крестьянскихъ обществъ, то можно только порадоваться, что администрація коллегіи идетъ по стопамъ своего учредителя въ заботахъ о меньшемъ братѣ.

Въ неоффиціальной части т. н. «Труды» занимаютъ довольно видное мѣсто, въ 343 стр., и состоятъ изъ самыхъ разнообразныхъ по содержанію статей. Къ новинкамъ этого отдѣла слѣдуетъ отнести: «Библіографія» и «Изъ педагогическихъ изданій».

Въ отдѣлѣ «свѣдѣнія» о обывшихъ воспитанниковъ за 1875—1902 г. повторяются тѣ же ошибки, что и въ прошломъ году: отдѣлъ этотъ занимаетъ 45 стр., $^9/_{10}$ которыхъ перепечатки прошлаго года. Признавая важное значеніе этого отдѣла, составляющаго «живую связь» коллегіи съ ея бывшими птенцами, мы думаемъ, что слѣдовало бы совсѣмъ оставить перепечатки прошлыхъ лѣтъ, а вносить въ него только тѣ новыя свѣдѣнія, какія получитъ редакція. Отдѣлъ «Письма, воспоминанія, замѣтки и пр.» начинается маленькою вступительною статейкою, посвященною памяти знаменитаго историка Маллоросіи Александра Матвѣевича Лазаревскаго. Въ отдѣлѣ этомъ приведены: 1) письма Аксакова къ Галагану. Письма интересныя, но напечатаны такъ неряшливо, что трудно читаются. 2) Въ исторіи имѣній коллегіи упоминается о нѣкоторыхъ цѣнныхъ книгахъ и рукописяхъ и 3) въ ст. «Изъ первыхъ лѣтъ жизни коллегіи» повѣствуется о преподаваніи искусствъ въ коллегіи за это время.

Въ приложеніи напечатана ст. Тихова: «Ораторское искусство у древнихъ грековъ».

Отчетъ снабженъ фотографіями: церкви и залы коллегіи, а также 3 группъ воспитанниковъ и учащихъ: первая 1898 г., сдѣланная французскимъ фотографомъ, а двѣ остальныя воспитанниковъ I класса 1871 года и 1901 г.

Н. М. Ш.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 9, 2) Русская Старина, № 10, 3) Историческій Вѣстникъ, № 10, 4) Научное Обозрѣніе, № 9, 5) Міръ Божій, № 10, 6) Вѣстникъ Европы, № 10, 7) Книжки Восхода, № 9, 8) Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, № 9, 9) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 9. 10) Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 4 и 5, 11) Ученыя Записки Казанскаго Университета, № 7—8, 12) Русская Мысль, № 10, 13) Черниговскій Земскій Сборникъ, № 8 и 9, 14) Літературно-Науковий Вістник, № 10, 15) Wisła, № 5, 16) Przewodnik naukowi i literacki, № 9 и 10, 17) Biblioteka Warszawska, № 10.

Русскій Архивъ, № 9.

Письмо Григорія Дорошенка къ кіевскому воеводѣ боярину Петру Васильевичу Шереметеву 1667 г. (стр. 139—140). Это письмо, хранящееся въ Московскомъ Архивѣ Минист. Юстиціи, писано братомъ гетмана Петра Дорошенка, находившимся въ плѣну въ Москвѣ въ 1667 году и освобожденнымъ изъ плѣна съ тѣмъ, чтобы уговорить брата отстать отъ татаръ и быть подъ рукою московскаго царя. Сейчасъ послѣ освобожденія изъ плѣна и было написано это письмо къ кіевскому воеводѣ Петру Шереметеву, гдѣ говорится о начатыхъ Григоріемъ Дорошенкомъ переговорахъ въ исполненіе даннаго ему порученія.

Русская Старина, № 10.

Н. Дубровинъ. Русская жизнь въ началѣ 19го вѣка (гл. 21-я стр. 1—33). Въ этой главѣ обширнаго труда Н. Дубровина разсказано о тѣхъ планахъ, которые создавались у руководителей польской политики, М. Огинскаго и кн. Чарторыйскаго, образовать Великое герцогство Литовское изъ западныхъ и юго-западныхъ губерній, или же объявить ихъ Польскимъ королевствомъ, съ главою его императоромъ Александромъ I. Такъ какъ всѣ эти планы были передъ самой войной съ Наполеономъ въ 1812 году, то Александръ I колебался предпринять рѣшительные шаги къ осуществленію задуманнаго дѣла, но въ то же время уклонялся отъ прямого отказа полякамъ, желая имѣть въ нихъ союзниковъ для предстоящей борьбы съ Бонапартомъ.

Н. Сумцовъ. Посѣщеніе гимназій Харьковскаго учебнаго округа наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ въ 1837 году (стр. 105—111). Въ этой замѣткѣ, не дающей ничего интереснаго, сообщается очень кратко и оффиціально объ осмотрѣ нѣсколькихъ учебныхъ заведеній, между которыми были полтавская и херсонская гимназіи.

Міръ Божій, № 10.

Н. Котляревскій.—Н. В. Гоголь 1829—1842 г. (Продолженіе, 167—202 стр.) XIII гл. изслѣдованія посвящена комедіи «Ревизоръ». Здѣсь авторъ говоритъ объ исторіи текста «Ревизора», о сходствѣ его съ другими комедіями, особенно съ извѣстной комедіей Квитки «Пріѣзжій изъ столицы», о художественномъ значеніи комедіи, ея нравственномъ смыслѣ и общественномъ значеніи, затѣмъ о первыхъ представленіяхъ «Ревизора» въ Петербургѣ и Москвѣ, неудовольствіи Гоголя и его жалобахъ на зрителей, объ отношеніи критики и, наконецъ, о значеніи комедій Гоголя въ исторіи развитія его творчества. Въ XIV гл. говорится о пребываніи Гоголя за границей, увлеченіи имъ Италіей и Римомъ, объ отношеніи его къ католицизму, повышеніи религіозности вслѣдствіе подъема вдохновенія и болѣзни, о впечатлѣніи, какое произвела на него смерть Пушкина; затѣмъ излагается исторія болѣзни Гоголя и отмѣчается усиленіе врожденныхъ его таланту настроеній.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 9.

Д. Багалѣй.—А. М. Лазаревскій. (Некрологъ, стр. 14—30). Не останавливаясь на характеристикѣ личности покойнаго историка, его общественныхъ взглядовъ и симпатій и его служебной дѣятельности, авторъ дѣлаетъ обстоятельную оцѣнку научной дѣятельности А. М. Лазаревскаго и его громадныхъ заслугъ въ наукѣ русской исторіи вообще, а украинской въ особенности, благодаря которымъ онъ, не занимая кафедры, не имѣя возможности всецѣло отдаться научному труду, занимая должности, не имѣвшія никакого отношенія къ педагогической дѣятельности, тѣмъ не менѣе создалъ школу молодыхъ историковъ лѣвобережной Украины. Открывая для науки новые источники, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ цѣлую область нашего историческаго прошлаго со стороны его внутренняго быта и строя.

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 9.

М. А. Стельмашенко.—Политическая дѣятельность Петра Скарги. (Стр. 1—80). Названное изслѣдованіе представляетъ собою студенческую работу, удостоенную факультетомъ золотой медали. И личность П. Скарги, и его эпоха достаточно разработаны польскими и нашими учеными, и авторъ изслѣдованія новыхъ фактовъ не даетъ. По его собственному заявленію для него «важно не столько изложеніе, сколько проникновеніе въ дѣйствительное положеніе событій и лицъ, вошедшихъ въ сферу политическаго вліянія Скарги», иными словами—авторъ полагаетъ свою задачу въ освѣщеніи эпохи. Но взятая на себя авторомъ задача меньше всего удается ему: тамъ, гдѣ онъ не расходится съ перечисленными въ предисловіи пособіями, на основаніи которыхъ изслѣдованіе написано, съ авторомъ можно соглашаться, тамъ же, гдѣ онъ дѣлаетъ попытки говорить отъ себя, получается совершенно иное: авторъ обнаруживаетъ полную неспособность къ самостоятельному логическому мышленію. Для образчика приводимъ одинъ-два примѣра. Давъ краткій обзоръ (въ III гл.) реформаціоннаго движенія въ Польшѣ, авторъ говоритъ: «протестантство расширило права шляхты надъ крестьянскимъ сословіемъ до невѣроятнаго произвола, всякій шляхтичъ могъ силой навязать своимъ подданнымъ ту вѣру, какую угодно ему избрать» (стр. 36). При чемъ здѣсь протестантство? А поляки-католики развѣ не могли навязывать подвластнымъ имъ крестьянамъ вѣры? Далѣе, черезъ нѣсколько строкъ, авторъ относитъ на счетъ протестанства и выработку новаго (?) политическаго строя въ Польшѣ. Кромѣ того, авторъ удивительно умѣетъ противорѣчить себѣ. Такъ, въ гл. VII онъ, говоря о положеніи православной церкви въ кн. Литовскомъ, торжественно заявляетъ: «она (православная вѣра) укрѣпилась здѣсь глубоко и прочно, покоривъ себѣ духъ народа и обнявъ всѣ стороны его политической и бытовой жизни», а ровно черезъ пять строкъ пишетъ: «съ какимъ успѣхомъ подвигалось впередъ распространеніе латинской вѣры въ юго-западныхъ русскихъ областяхъ, можно видѣть изъ тѣхъ данныхъ, какія указываютъ на время открытія здѣсь костеловъ и латинскихъ епархій» (слѣдуютъ факты).

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» напечатанъ «Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію (стр. 83—135) проф. Т. Флоринскаго.

Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 4 и 5.

Проф. И. Филевичъ.—Изъ исторіи Карпатской Руси. (№ 4, стр. 1—47). Авторъ даетъ краткій очеркъ жизни галицкихъ русиновъ съ 1772 г., когда Галиція, по раздѣлѣ Польши, вошла въ составъ Австріи. Въ свой пересказъ общеизвѣстныхъ фактовъ г. Филевичъ вноситъ большую путаницу тенденціоннымъ употребленіемъ терминовъ: «русскій языкъ», «русская народность», «русскіе стихи», проповѣдь «на русскомъ языкѣ» и т. п., разсчитанную, очевидно, на недостаточную освѣдомленность читателя, незнакомаго съ тѣмъ значеніемъ, какое этимъ терминамъ придаютъ сами галичане. Несмотря, однако, на такую тенденцію г. Филевича, словно по пословицѣ «гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно», иногда противъ его воли проскальзываютъ крупицы истины, могущія внимательнаго читателя навести на мысль, что «здѣсь что-то неладно». Вотъ одинъ изъ примѣровъ. Сказавъ о пробужденіи національнаго самосознанія среди галицкихъ русиновъ въ 30-хъ годахъ, о дѣятельности «русской тройцы» (Шашкевича, Вагилевича и Головацкаго), объ изданіи ими извѣстнаго сборника «Русалка Днѣстровая», г. Филевичъ проговаривается, что въ основѣ этого пробужденія «лежало непосредственное вліяніе *живой народной стихіи*» (стр. 42, курсивъ нашъ). Затѣмъ, признавая, что это пробужденіе самосознанія «не было такимъ незначительнымъ, какъ это можетъ казаться на первый взглядъ», и подтверждая свою мысль ссылкой на Заневича, который говоритъ, что мы знаемъ объ этомъ оживленіи далеко не все, такъ какъ «отъ времени до времени обнаруживаются новыя указанія, что тотъ или другой сверстникъ Шашкевича дѣлалъ то-то и то, или среди стараго хлама, на поповскомъ чердакѣ окажется какая-нибудь, не совсѣмъ еще изодранная рукопись, доказывающая, что авторъ ея, въ молодые годы не былъ чуждъ мыслей о народномъ благѣ и желанія служить ему», г. Филевичъ сообщаетъ (по Огоновскому) читателю, что въ послѣдніе годы жизни, несмотря на неблагопріятныя условія, Шашкевичъ знакомится съ «Думками» Метлинскаго, (1839), съ «Ластовкой» Гребинки (1841) и даже «Кобзаремъ» Шевченка (1840). Свое сообщеніе г. Ф. заключаетъ такой фразой: «вскорѣ затѣмъ *благотворныя* (курс. нашъ) связи Галичины съ Россіей почти совсѣмъ прекращаются до 60-хъ годовъ (стр. 42—43). Разъ въ основѣ національнаго пробужденія галицкихъ русиновъ «лежала живая народная стихія» и разъ это движеніе было «не такимъ незначительнымъ, какъ это кажется на первый взглядъ», то о «рус-

скости» въ томъ значеніи и смыслѣ, въ какомъ ее, если не ошибаемся, понимаетъ г. Филевичъ, очевидно не можетъ быть и рѣчи.

Проф. И. Филевичъ.—Вопросъ о «двухъ русскихъ народностяхъ» и «Кіевская Старина», (№ 5, стр. 1—45). Въ апрѣльской книжкѣ нашего журнала за текущій годъ былъ напечатанъ критическій отзывъ о статьѣ проф. Филевича «По поводу теоріи двухъ русскихъ народностей» и промаховъ, допущенныхъ г. Филевичемъ въ своей статьѣ. Отвѣчая на замѣтку нашего рецензента г. Филевичъ написалъ цѣлую полемическую статью подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, на которой мы теперь не останавливаемся, такъ какъ о ней рѣчь будетъ у насъ особо.

Ученыя записки Императорскаго Казанскаго университета, № 7—8.

Н. Ѳирсовъ.—Правительство и общество въ ихъ отношеніяхъ ко внѣшней торговлѣ Россіи въ царствованіе Екатерины II-й (стр. 1—207). Въ статьѣ встрѣчаются свѣдѣнія о ввозѣ и вывозѣ товаровъ въ Малороссію и изъ нея.

Русская Мысль, № 10.

Л. Старицкая-Черняховская. Новинки украинской поэзіи (стр. 44—72). Сдѣлавъ краткое предисловіе, въ которомъ указано характерное отличіе украинской поэзіи, глубоко національной по своимъ формамъ и въ то же время чуждой узкихъ національныхъ интересовъ, благодаря чему идеалами ея являются свобода, равенство и братство каждаго народа и каждой личности,—авторъ обращается къ характеристикѣ трехъ современныхъ намъ поэтовъ, г. Леси Украинки, Крымскаго и г. Стешенка. Нельзя не пожалѣть, что въ приводимыхъ въ статьѣ образчикахъ стихотвореній названныхъ поэтовъ встрѣчаются очень досадныя опечатки, благодаря тому, что для редакціи московскаго журнала языкъ украинскій оказывается мало понятнымъ.

Х. И. Двѣнадцатый археологическій съѣздъ въ Харьковѣ. (стр. 140—152). Сначала разсказана вкратцѣ исторія отсрочки на много лѣтъ избранія Харкова мѣстомъ для съѣзда, о чемъ разговоры начались еще въ 1884 году. Затѣмъ дается характеристика съѣзда, въ общемъ, какъ слѣдовало ожидать, носившаго характеръ *областного,*

харьковскаго, т. к. видна была программа, опредѣленный планъ въ рефератахъ мѣстныхъ изслѣдователей; что же касается пріѣзжихъ ученыхъ, то ихъ рефераты отличались случайностью, безсистемностью и нестротой, а иногда и своей легковѣсностью. Въ заключеніе авторъ статьи останавливается на нѣсколькихъ рефератахъ, которые, по его мнѣнію, можно признать содержательными и интересными.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 8 и 9.

С. И. Лисенко.—Кустарный съѣздъ въ Полтавѣ осенью 1901 г. (№ 8, стр. 84—133). Данъ подробный обзоръ дѣятельности съѣзда съ прибавленіемъ постановленій, состоявшихся на немъ.

Н. Василенко.—Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка 1729—1730 г. (Продолженіе, № 8, стр. 97—128, № 9, стр. 129—160.

Литературно-Науковий Вістник, кн. X.

Із поезий М. Старицького: I) На рідній попелищі. II) Борвій. III і IV.—Народна школа, оповіданє В. Кравченка.—Невдала проба. Листи до приятельки, переписав Ів. Франчук.—Віліям Ратклiф, трагедія въ чотирьох сценах Генриха Гайне. Переклад М. Славінського.—Вандейці, історичні нариси Шарля Фолеї: I. Закладниця. II. Жобен. Перекл. І. Франка.—Українське письменство 1866—1873 р.р. Недрукована праця М. Драгоманова.—Раси Европи і їх історичні взаємини, В. Олехновича. III. Загальний результат розслідів над передісторичними расами в Европі.—Рудольф Вірхов—громадський діяч. З поводу його смерти, подав Сергій Павленко.—Наукові листки: X. Що зробити з «академічним фондом?» М. Грушевського. XI—Із Харьківського археольогичного з'їзду. Зела.—Хроніка і бібліографія.

Wisła, № 5 и 6.

Въ статьѣ «Славяне въ отношеніи расы и ихъ начало» Заборовскаго (стр. 649—657) находятся нѣкоторые цифры и выводы, касающіеся отношеній короткоголоваго и длинноголоваго типовъ у украинцевъ и сравненіе этихъ данныхъ съ поляками въ этомъ отношеніи.

Въ отдѣлѣ «Обозрѣніе журналовъ» есть упоминаніе объ интересной статьѣ Józefa Sznajdra: „Z kraju huculów“ („Lud“—organ towarzystwa ludoznawczego we Lwowie. t. VI и VII).—въ которой, по словамъ «Wisły», находится обильный матеріалъ этнографическій, обнимающій собой: народную медицину, вѣрованія, заклинанія, пословицы, присловья, загадки, пѣсни и т. д., между прочимъ тутъ молитвы давнихъ временъ, живущія до сихъ поръ въ устахъ Гуцуловъ. (Начало изслѣдованія въ т. V).

Въ томъ же журналѣ («Lud») въ статьѣ Jana Jakóbca „Przyczynek do oznaczenia granicy Lachów“ интересны подробности національныхъ воззрѣній Слатвинянъ (въ пов. Живецкомъ), которые различаютъ «Ślezioków», «Słowików», «*Ruśniaków*»; «Lachów».

Въ концѣ даннаго номера «Wisły» помѣщено нѣсколько интересныхъ иллюстрацій мѣста Дрогобыча въ восточной Галиціи: типъ «діда» (нищаго), колокольня церкви, сама древняя церковь (существующая около 400 лѣтъ и перенесенная изъ подъ *Кіева*), сторона и ганки той же церкви и, наконецъ, старая ратуша.

Przewodnik naukowy i literacki. Leszyt IX. Wrzesień. Leszyt X. Październik.

«*Korespondencya Józefa Bogdana Zaleskiego*» (кн. IX стр. 787—815 и кн. X стр. 883—918) принесла намъ нѣсколько интересныхъ подробностей касательно празднованія въ Галичинѣ 300-лѣтія Люблинской уніи, къ участію въ которомъ привлекались и русины: «съѣздъ имѣетъ произойти во Львовѣ, чтобы легче притянуть русиновъ къ новой уніи, русиновъ *доброй вѣры*, потому что святоюрцы хотятъ Москвы и Православія».

Далѣе, послѣ довольно подробнаго описанія торжествъ, происходившихъ по случаю юбилея въ Парижѣ, мы находимъ нѣсколько упоминаній о судьбѣ Zmartwychwstańców. Авторъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ успѣхи ордена по дѣлу перевода въ его руки семинарій, упоминаетъ о какомъ-то объясненіи przełożonego о. Kajsiewicza, и въ концѣ концовъ сожалѣетъ, что «Голуховскій не намѣстникомъ, потому что онъ сочувствовалъ отцамъ и умѣлъ бы защитить ихъ отъ численныхъ враговъ». Кромѣ нѣсколькихъ краткихъ упоминаній о Галицкихъ дѣлахъ, довольно много мѣста посвящено обсужденію цѣли основанія новой католической газеты во Львовѣ ксендзомъ Креховецкимъ,

для котораго Zaleski подыскивалъ сотрудниковъ. Въ письмѣ къ доктору Михаловскому Zaleski объясняетъ значеніе украинскаго слова *безталанный*. Для выясненія національныхъ взглядовъ Zaleskiego характерно слѣдующее мѣсто: «Poznańskie, *Lwów* i różne miasta *poskie* wysyłają deputacye do Krakowa itp».

Въ продолженіи изслѣдованія Казимира Пуласкаго «Stany osady w ziemi Kamienieckiej i olziedziczacze na nich rady podolskiéj szlachty historycznej» находимъ упоминаніе о родахъ Папезкихъ, Вильковскихъ, Хмелецкихъ, Теморузовъ, Гербуртовъ и Потоцкихъ и о судьбахъ ихъ владѣній на Подоліи.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

По поводу напечатанной въ № 172 «С-Петерб. Вѣд.» замѣтки г. L. подъ заглавіемъ «Юбилейные диссонансы», своевременно отмѣченной и нашимъ журналомъ, на страницахъ «Новаго Вр.» (№ 9496) появилась статья нѣкоего г. Драганова, въ которой онъ отрицаетъ фактическую правильность сообщенія г. L. о томъ, что украинскіе переводы сочиненій Пушкина и Гоголя не могли появиться въ печати по цензурнымъ условіямъ. Онъ прямо ставитъ г. L. вопросъ: «Нельзя ли было бы при этомъ г-ну L. подѣлиться съ своими читателями свѣдѣніемъ о томъ, кто именно авторъ, переводчикъ и издатель этого злополучнаго перевода и что новаго или стараго на малорусскомъ нарѣчіи представлено было въ цензуру для напечатанія»? И не ожидая отвѣта отъ г. L. на заданный вопросъ, пробѣгаетъ къ безцеремонному извѣту, заявляя, что слухъ относительно злоключеній съ переводами Пушкина на украинскій языкъ пущенъ галицкими украинофилами, которые, обѣщавъ «въ изобличеніе Россіи», напечататать эти переводы за границей, не исполнили обѣщанія, очевидно, за отсутствіемъ самихъ переводовъ. Что же касается переводовъ изъ Гоголя, то г. Драгановъ говоритъ: «Гоголь никогда не былъ и не можетъ быть именно теперь предметомъ запрета въ Россіи, хотя бы и на малорусскомъ нарѣчіи, которымъ хотятъ какъ-бы запугать кого-то (?!).

На эту наглую выходку нововременскаго «молодца» г. L. отвѣтилъ на страницахъ «С-Петерб. Вѣд.», (№ 272) пространной статьей подъ заглавіемъ «Юбилейная какофонія», въ которой онъ фактами доказываетъ съ одной стороны лживость заявленій г. Драганова, а съ

другой — полное его невѣжество въ той сферѣ, въ которой онъ мнитъ себя спеціалистомъ, именно въ сферѣ библіографіи «иноязычныхъ» переводовъ сочиненій Пушкина и Гоголя.

Въ журналѣ «Народное Хозяйство» (№ 6) напечатана статья Л. С. Личкова «Къ исторіи колонизаціи Кавказскаго Черноморья», въ которой сообщаются, между прочимъ, свѣдѣнія о первыхъ попыткахъ заселенія Черноморья кубанскими казаками, объ исторіи станицъ Шансунскаго берегового баталіона, о результатахъ колонизаціи края по законамъ 1836 и 1870 г.г. и причинахъ неудачъ ея; затѣмъ излагается исторія образованія частной земельной собственности, ея значеніи и роли въ дѣлѣ колонизаціи края, говорится о значеніи уроковъ исторіи и вліяніи ихъ на нынѣшнюю колонизаціонную политику; наконецъ, сообщаются данныя по колонизаціи Черноморья въ настоящее время и о задачахъ будущаго.

Въ послѣднее время въ западно-европейскомъ обществѣ обнаруживается довольно, живой интересъ къ украинской литературѣ, выразившійся въ цѣломъ рядѣ переводовъ произведеній нашихъ выдающихся беллетристовъ на языки: нѣмецкій, польскій, чешскій и др. Такъ пражская газета «Politik» (№ 191) въ фельетонѣ напечатала переводъ разсказа В. Стефаныка «Злодій». (Der Dieb von Vasyl Stefanyk. Autorisirte Übersetzung aus dem ruthenischen von Clemens Funkenstein). Къ переводу предпослано небольшое предисловіе, въ которомъ говорится что уже первый сборникъ этюдовъ В. Стефаныка (Сина книжечка) обратилъ на себя большое вниманіе широкихъ круговъ реальной правдой, блескомъ и силой произведеній.

Словинскій органъ «Gorica» (№ 52) напечаталъ переводъ разсказа Марка Вовчка «Чары» (Cari, malorusko spisal M. Vovčok, poslovenil J. Cvetko).

Чешскія «Besedy Časy» (№ 34) вмѣстѣ съ статьей о Т. Шевченкѣ даютъ переводъ пяти стихотвореній изъ «Кобзаря» 1) Proč zelene zčernalo jsi pole země naši? 2) Večer. 3) Zapada slunce, černaji hory. 4) basně: Jvan Podkova u 5) Dumy moje. Въ № 35 тѣхъ же «Bes Č.» помѣщенъ переводъ новеллы В. Стефаныка «Палій.

«Slovanský Přehlend» (№ 7) напечаталъ переводъ нѣсколькихъ стихотвореній Б. Лепкого.

Словинскій «Mir» напечаталъ переводъ разсказа Марка Вовчка «Козачка»—Sluznja. Malorusko spisal M. Vovčok, poslovenil G.

«Svetilnik», также словинская газета, помѣстила переводъ разсказа М. Вовчка «Девьять бративъ»—«Devet bratov, deseta sestrica Galja», provela Tatjana: («Літер.-Наук. В.»,) (кн. 7—9, 1902).

По сообщенію польскаго журнала «Chimera» на польскій языкъ переведены слѣдующіе разсказы В.Стефаника: «Смерть», «Сумерки», «Дорога» и «Вістники».

Кромѣ того, въ многочисленныхъ изданіяхъ западно-славянскихъ появился цѣлый рядъ статей, посвященныхъ литературѣ, исторіи и современному быту Украины угорской галицкой и русской. Таковы статьи: въ чешскомъ «Čas'ѣ» «Z uherské Rusi», въ «Besedy Lidu»—«Taras Ševčenko», въ «Illustrovany Svět» также о Т. Шевченкѣ, въ «Zensky obsor»—«Současné spisovatelky ukrajinsko-rusinske; въ хорватскомъ органѣ «Vienac»—«Ogled najnovije maloruske književnosti». (Обзоръ украинской литературы за 1901 г.).

«Slovansky Přehlend» (№ 10) напечаталъ «Podivne položeni haličskych Rusinu», въ которой говоритъ о народной торговлѣ и просвѣщеніи. «Samostatnost» далъ статью «Rusinske strany politicke; статьи о русинахъ также напечатаны въ «Plzenske listy», Hlas Naroda», «Almanach Slavie» и мн. др.

Въ № 215 газеты «Волынь» напечатана весьма сочувственная библіографическая замѣтка г. Ков.-Кол. о «Драмахъ и комедіяхъ» г. Б. Гринченка.

Какъ исчезаютъ русскія древности. Подъ такимъ заглавіемъ въ № 239 «Бирж. Вѣд.» напечатана статья А. Карелина, вызванная постановленіемъ археологическаго съѣзда въ Харьковѣ ходатайствовать передъ правительствомъ о запрещеніи вывоза за границу русскихъ древностей. Признавая вполнѣ необходимость такой мѣры, г. Карелинъ обращаетъ вниманіе общества на истребленіе предметовъ старины офенями, торгующими спеціально древностями. Они скупаютъ и выменниваютъ вещи, ткани, иконы и т. п., и по своему классифицируютъ находки. Все, что недостаточно хорошо сохранилось, въ ихъ глазахъ не имѣетъ цѣнности; тѣ предметы, которые содержатъ драгоцѣнные

металлы, эти скупщики безжалостно, варварски жгутъ. «Выжига»—драгоцѣнный металлъ, смѣсь серебра и золота,—продается. Доходно, просто, но ужасно! Трудно себѣ представить, сколько этими вандалами сожжено русскихъ древностей, невозможно подсчитать, сколько потеряли наука, искусства и археологія различныхъ единичныхъ типовъ древнихъ предметовъ. Но колоссальна и цыфра дѣйствительной денежной потери самихъ невѣжественныхъ офень, происшедшая отъ такой нелѣпой, но подчасъ для нихъ необходимой операціи. Этотъ способъ реализаціи древностей широко практикуется съ ворованными и церковными предметами.

Древнія металлическія серебряныя и золотыя вещи постоянно, и въ наши дни, отдаются какъ матеріалъ для новыхъ вещей. Намъ извѣстенъ недавній случай, когда одинъ изъ центральныхъ монастырей отдалъ кузнецу старинное паникадило въ ломъ, чтобы вырученной суммой увеличить имѣвшіяся деньги для покупки новой люстры. Кузнецъ продалъ паникадило за пустяки, не справившись о качествѣ матеріала. Паникадило оказалось жалованное Годуновымъ и... серебряное. Такихъ случаевъ очевиднаго невѣжества—множество.

Что касается старинныхъ тканей, драгоцѣнныхъ самоцвѣтовъ и жемчуговъ, то, главнымъ покупателемъ ихъ являются наши восточныя окраины: Хива, Бухара, Персія. По словамъ г. Карелина скупщики разъѣзжаютъ круглый годъ, собирая за безцѣнокъ древнія ткани для туземныхъ представительницъ прекраснаго пола. Даже огромное число индійскихъ шалей ушло обратно такимъ же путемъ на востокъ, не говоря о главныхъ лакомыхъ кускахъ: старыхъ парчахъ, дородорахъ, оксамитахъ, шелковыхъ тканяхъ и тому подобныхъ остаткахъ костюмовъ старой и выживающей Руси. Несмѣтное количество поднизей, сѣтокъ, закрывающихъ волосы, прикрѣпляемыхъ къ женскимъ головнымъ уборамъ,—ризъ, серегъ, монистъ, ожерелій,—распускается просто на жемчугъ. Кучи такихъ кастрированныхъ перловъ можно видѣть въ лавкахъ на нижегородской ярмаркѣ. Невѣжество въ этомъ направленіи доходитъ до такой степени, что на-дняхъ на томъ же всероссійскомъ торжищѣ проданъ *какъ бракъ* розовый жемчугъ, распущенный изъ какихъ-то древнихъ предметовъ. Намъ приходилось наталкиваться на ларцы негранеными, невысокаго качества драгоцѣнныхъ камней: сапфировъ, изумрудовъ и рубиновъ овальной формы, размѣровъ съ миндалину. Это части распоротыхъ древнихъ кокошниковъ, ожерелій, церковныхъ и иконныхъ ризъ.

Исконнымъ врагомъ произведеній стариннаго искусства въ области драгоцѣнной иконографіи является реставраторъ. Перепачкано сплошь, вдоль и поперекъ, говоритъ г. К—нъ, произведеній нашего древняго художества великое множество. До какой степени изуродовано огромное большинство нашихъ цѣнныхъ иконъ, можно судить по вышедшей на дняхъ брошюрѣ москвича А. И. Успѣнскаго: «Пять вновь открытыхъ иконъ кисти Симона Ушакова». «Заканчивая описаніе иконъ,—пишетъ археологъ,—нельзя не выразить глубокаго сожаленія, что эти иконы—и особенно надписи на нихъ—такъ искажены, изуродованы послѣднею реставраціею... вмѣсто словъ: «Петръ пресвитеръ и игуменъ» читаемъ: «Петротинотеръ и иганенъ», вмѣсто «почитаемъ» читаемъ—«помираемъ», вмѣсто «чрезъ»—«чріа» и т. д., и т. д.». Съ своей стороны, мы замѣтимъ, что иконопись изуродована едва-ли не хуже текста.

Въ заключеніе г. К. требуетъ энергичной борьбы съ перечисленными врагами старины.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Бучневичъ В. Е.—Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Изд. 2-е исправл. и дополненное. 449 стр. съ видами Полтавы и планомъ Полтав. битвы. Ц. 1 р. 25. Полтава. 1902.

Барвинокъ Г.—Оповидання зъ народнихъ устъ. К. 1902. Ц. 1 руб. 75 коп.

Boguslawski Ed. i Osterloff W Methode und Hilfsmittel der Erforschung der vorhistorischen Zeit in der Vergangenheit der Slawen. Berlin, 1902, стр. 144.

Василенко В.—Опытъ толковаго словаря народной технической терминологіи по полтавской губ. (Кустарные промыслы, сельское хозяйство и земледѣліе; народныя поговорки и изреченія. Харьковъ. 1902 г.

Его-же.—Метереологія и земледѣліе по украинскимъ народнымъ воззрѣніямъ съ программою для собиранія матеріаловъ. Полтава. 1902 г.

Zaborowski Z. Crânesanciens et modernes de la Russie méridionale et du Caucase. Extrait des bulletins et memoires de la Société d'Antropologie. Paris. 1901, 641—647 стр.

Квитка-Основьяненко.—Шельменко деньщикъ. Комедія въ 5 д. К. 1902. Ц. 20 к.

Его же—Шельменко волостной писарь. Комедія въ 3 д. К. 1902. Ц. 15 коп.

Его же. Щыра любовь. Драма въ 5 д. К. 1902 г. Ц. 15 коп.

Его же. Сватання на Гончаривци. Опера въ 5 д. К. 1902. Ц. 20 к.

Колесса Ф.—Козаки в піснях народних. Хор мужеский. Львів. 1902 ст. 20 in 8° Ц. 80 сот.

Кужела А.—З коломийки на фортепян. Чернівці 1902. Ст. 9, folio. Ц. 1. 50 kop.

Кобылянська О.—Шименьмана конь. Дунське оповідане. (Перекладъ). Коломыя; 1902.

Казка про жида та инши оповидання въ вѣршѣ. Видавництво часописи «Свобода». Ц. 10 центовъ,

Materialy antropologiczno-archeologiczne, wydawane staraniem Komisyi antropologicznej Akademii Umiętności w Krakowie. T. V. Krakow, 1901, стр. 272.

Меліоранскій П.—Турецкіе элементы въ языкѣ «Слова о Полку Игоревѣ». С.-Пт. 1902. Ц. 30. коп.

Пачовський В.—Празник. Образок. Коломыя, 1902 ст. 32 in 8°.

Старицкіе М. П. и Л. М.—Сотникъ Богданъ Хмельницкій. (Передъ бурей). Историческій романъ. Изд. 2-е К. 1903 г. Ц. 1 р.

Сумцовъ Н. Ѳ.—Очерки народнаго быта. (Изъ этнографической экскурсіи 1901 г. по Ахтырск. у. Харьковской губ.) Х. 1902.

Его же.—В. А. Жуковскій и Гоголь. Х. 1902.

Украинськи писни зъ нотами. Друга сотня, вып. третій. Зибравъ А. Конощенко. Одесса, 1902. Ц. 30 коп.

Federowski Michal. Lud bialoruski na Rusi litewskiej. Materialy do etnografii slowianskiej, zgromadzone w letach 1877—1893. Г. II. część I: baśnie fantastyczno-mitycznie. Kraków 1902, str. 358+XXXII.

Франко І.—Майстер Чирняк. Комедія в одній відслоні. Львів. 1902, ст. 72. Ц. 50 сот.

Folklore dè l'Ukraine. Usages, contes et légendes, chansons, proverbes et jurons. Extrait de Κρυπ άδια, , VIII, Paris, 1902, Welter, éditeur. Weimar, Imprimerie Polyglotte. ст. 303—400.

Яницкій Т.—Утоплений. Оповѣдане зъ народного життя. Коломыя. 1802.